

#ПИЛОТНЫЙ · 2015

ГОРОДСКИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

И ПРАКТИКИ

URBAN STUDIES AND PRACTICES

#ПИЛОТНЫЙ · 2015

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2015

#PILOT · 2015

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW · 2015

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Высшая школа урбанистики

имени А.А. Высоковского

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

Пилотный выпуск · 2015

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
**«ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Распространяется
по подписке:
Каталог агентства
«Роспечать» –
подписной индекс
80353

**Адрес редакции
фактический:**
109028, Москва,
Покровский бульв., 8,
корп. 1, оф. 415
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.:
+7 495 725-30-70*5924
e-mail:
usp_editorial@hse.ru

**Адрес издателя
и распространителя
фактический:**
117230, Москва,
Варшавское шоссе, д. 44А,
Издательский дом НИУ
ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 499 611-15-08,
e-mail: id@hse.ru

Главный редактор

НОВИКОВ А.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

ВАРШАВЕР Е.А. (РАНХиГС, Российская Федерация)

ИВАНОВ П.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ОСТРОГОРСКИЙ А.Ю. (Музей Москвы, Российская Федерация)

РОЧЕВА А.Л. (РАНХиГС, Российская Федерация)

СИГРИСТ П. (Великобритания)

Редакционный совет

БЛИНКИН М.Я. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

АСС Е.В. (МАРШ, Российская Федерация)

ЗАМЯТИН Д.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ЗАПОРОЖЕЦ О.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ИВАНОВ П.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ИЛЬИНА И.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КИЧИГИН Н.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КОЛОКОЛЬНИКОВ А.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КОРДОНСКИЙ С.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КУРЕННОЙ В.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КОСАРЕВА Н.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КРАШЕНИННИКОВ А.В. (МАРХИ, Российская Федерация)

НИКОЛАЕВ В.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

НОВИКОВ А.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ПУЗАНОВ А.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕВЗИН Г.И. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РУБЛ Б. (Международный научный центр им. Вудро Вильсона, США)

САФАРОВА М.Д. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СИВАЕВ С.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СМИРНЯГИН Л.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

ТРУТНЕВ Э.К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ХЕЙНЕН Н. (Университет Джорджи, США)

ШОМИНА Е.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

ПЕТРУХИНА А.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

Graduate School of Urbanism

URBAN STUDIES AND PRACTICES

Pilot Issue · 2015

Publisher:

NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position
does not necessarily
reflect the authors views.
The reproduction of materials
without permission of the
editorial office is prohibited.

Subscription Index:

«Rospechat» Agency – **80353**

Address:

National Research
University Higher School
of Economics
20, Myasnitskaya str.,
Moscow, 115054,
Russian Federation
tel: +7 495 725-30-70*5924
e-mail:
usp_editorial@hse.ru

Editor-in-Chief

ALEXEY NOVIKOV (*HSE, Russian Federation*)

Editorial Board

PETR IVANOV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXANDER OSTROGORSKIY (*Museum of Moscow, Russian Federation*)

ANNA ROCHEVA (*RANEPA, Russian Federation*)

PITER SIGRIST (*United Kingdom*)

EVGENY VARSHAVER (*RANEPA, Russian Federation*)

Editorial Council

MICHAIL BLINKIN (*HSE, Russian Federation*)

EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)

NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)

IRINA ILINA (*HSE, Russian Federation*)

PETR IVANOV (*HSE, Russian Federation*)

NIKOLAY KICHIGIN (*HSE, Russian Federation*)

ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE, Russian Federation*)

SIMON KORDONSKY (*HSE, Russian Federation*)

NADEZHDA KOSAREVA (*HSE, Russian Federation*)

ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)

VITALY KURENNOY (*HSE, Russian Federation*)

VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXEY NOVIKOV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXANDER PUZANOV (*HSE, Russian Federation*)

GRIGORY REVZIN (*HSE, Russian Federation*)

BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)

MARIYA SAFAROVA (*HSE, Russian Federation*)

ELENA SHOMINA (*HSE, Russian Federation*)

SERGEY SIVAEV (*HSE, Russian Federation*)

LEONID SMIRNYAGIN (*Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*)

EDOUARD TRUTNEV (*HSE, Russian Federation*)

DMITRY ZAMYATIN (*HSE, Russian Federation*)

OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE, Russian Federation*)

Executive Secretary

ALEXANDRA PETRUKHINA (*HSE, Russian Federation*)

СОДЕРЖАНИЕ

9/ ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

10/ МАНИФЕСТ ЖУРНАЛА

13/ Э.К. ТРУТНЕВ

Город и право: логика циклического разворачивания и свертывания из прошлого в будущее и из настоящего в прошлое институтов правового градорегулирования в постсоветской России

33/ Н.Б. КОСАРЕВА, А.С. ПУЗАНОВ,
Т.Д. ПОЛИДИ

Основные тенденции жилищной экономики российских городов

55/ М.Я. БЛИНКИН

Качество планирования городских транспортных сетей в зеркале классических моделей теории транспортного потока

67/ М.А. ЧУБУКОВА

Особенности звуковой среды Арбатского района г. Москвы

79/ А.В. ИВАНОВ

Исторический модернизм Еревана: четыре отрезка одной прямой

93/ П.И. АКИМОВ

Искореняя несправедливость в городе. История адвокативного планирования

103/ А.В. БОКОВ

Две в одной. О природе и следствиях внутриархитектурного конфликта

132/ РЕЦЕНЗИЯ

CONTENTS

9/ OPENING REMARKS

10/ MANIFESTO

13/ EDOUARD TRUTNEV

The City and the Law:

The Legal Institutions
Cycling Evolution Logic
in the Post-Soviet
Russia

33/ NADEZHDA KOSAREVA,
ALEXANDER PUZANOV, TATIANA POLIDI

Basic Tendencies in Housing Economics of Russian Cities

55/ MIKHAIL BLINKIN

Urban Network Design Quality in the Classical Models of the Traffic Flow Theory

67/ MARGARITA CHUBUKOVA

The Specificity of a Soundscape at Arbat Area (Moscow)

79/ ANDREY IVANOV

Historical Modernism of Yerevan:

Four Segments of One Straight Line

93/ PAVEL AKIMOV

Eradicating Injustice in Cities.

The History of Advocacy Planning

103/ ANDREY BOKOV

Two-in-One: Nature and Result of the Conflict Within Architecture

132/ REVIEW

*Памяти
Александра Аркадьевича Высоковского*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Наверное, не было бы смысла затевать журнал, если бы речь шла исключительно о городских исследованиях и практиках. Таких журналов много, есть вполне уважаемые, международные, с большой аудиторией и прекрасными авторами со всего света.

Рискну предположить, что мотивом этого издания было понимание нехватки чего-то более важного в современных урбанистических подходах, ощущение недосказанности и неопределенности, которое раз за разом заставляет нас обращаться к новым формулировкам, поискам предмета и начинать переплавку понятийного словаря.

Одно из моих сомнений по поводу урбанистики состоит в том, что она вообще не про город, точнее не только про него, она гораздо больше, чем он. Истинный мотив появления урбанистики — вовсе не в узкопрофессиональной глухоте тех, кто занимается изучением города и его управлением, не в желании создать для них современный слуховой аппарат и единый профессиональный букварь для сложения слов нового междисциплинарного языка.

Похоже, что дело в том, что феномен города с его практиками — это реакция общества, уставшего от «экономического детерминизма» и вырвавшегося на свободу. Как писал Карл Поппер, «после ста лет погони за “улучшениями” человек принялся восстанавливать свое “жилище”».

Урбанистика ухватывает тот сравнительно новый вектор современного общества, который есть проявление тезиса о том, что «ни один специфически человеческий мотив поведения не является экономическим» (Фрэнк Х. Найт). Отсюда и хипстерская урбанистика с ее стремлением к практикам «dolce far niente», и научная дисциплина — городская экономика (urban economics), по сути отрицающая классическую экономическую науку широким набором ограничений и исключений из общепринятых экономических теорий и правил.

Город — это первый результат открытия людьми общества как такового, вне экономики, а урбанистика, возможно, — один из его первых катехизисов.

Еще в начале прошлого века археолог и теолог Тейяр де Шарден задумался над социальной компрессией человечества в замкнутых границах земной сферы и о том, что в результате всего получится из этого стесненного общества. Первые уроки «сжатия» человечество проходит

в городах, и к тому, что мы получаем в качестве результата, прежде всех прикасаются урбанисты. Они рассчитывают и планируют городское общество, организуют его транспортные потоки, устанавливают правовые регламенты, изучают социальную антропологию городских сообществ и размышляют над этикой взаимоотношений горожан в ограниченном пространстве необъятного города.

В такой постановке мы уходим от понимания города как полюса экономического роста и начинаем видеть в городе капитал в его экономическом, социальном и культурном качествах. Урбанистические политики и инструменты оказываются лишь способом «ухода» за накопленным богатством и инструментом его приумножения. И, пожалуй, самое важное, что это богатство перестает быть сугубо экономическим активом, ибо набор общественных ценностей и целей в городе усложняется и выходит далеко за пределы измерения стоимости.

Свободное время становится важнее заработка, комфорт городской среды становится аргументом глобальных корпораций в выборе места размещения производства. Вокзал теперь соседствует с библиотекой, а не с супермаркетом, а заброшенный парк оказывается самым дорогим местом в городе, где пустота — это роскошь.

Главный герой, на которого устремлены взоры урбанистов — общественная свобода и ее, на сей раз, пространственные ограничения. Ради нее возникает наша профессия, мы изучаем и регламентируем городское пространство, чтобы быть свободным от него, или же найти свободу в нем. «Англичане стесняют купца, но делают это в интересах торговли» — писал Ш.-Л. Монтескье, а мы стесняем пространство в интересах общественной свободы.

Тот, кому такой взгляд на урбанистику и город интересен, найдет в журнале пищу для размышлений.

Этот журнал задумал Александр Аркадьевич Высокоский, основатель Высшей школы урбанистики. Это обращение должен был бы писать он... Первый номер журнала посвящен ему и составлен из статей его учеников и коллег.

А. В. Новиков,
декан Высшей школы
урбанистики НИУ ВШЭ

МАНИФЕСТ ЖУРНАЛА

СОЗДАНИЕ ЖУРНАЛА — это акт называния, похожий на акт творения, это утверждение, что есть нечто новое, незнакомое, и этому новому нужен и новый взгляд, и новый голос. Но разве темы градостроительства, города в экономическом, географическом, социальном разрезах настолько новые, что требуют для себя и нового имени, и взгляда?

За последние 60 лет отечественного современного градостроительства не появилось ни одного издания, посвященного городским исследованиям самим по себе. Статьи на градостроительные темы публиковались в журналах разных направлений, по преимуществу архитектурного профиля, и это направление исследований и практики не было связано с другими дисциплинами. Сегодня в России есть некоторые журналы, которые затрагивают те или иные аспекты, связанные с городом, например, «Управление развитием территорий», «Территория и планирование», Urban Magazine. Однако их интересы ограничены управленческо-практической или архитектурной рамкой. Исследовательские вопросы в них почти не поднимаются, научные статьи, посвященные городу (в том числе идущие из смежных дисциплин — географии, социологии, экономики, культурологии, транспорта) публикуются редко или не публикуются совсем.

За рубежом журналов, которые были бы посвящены проблематике городских исследований, довольно много. Даже беглое знакомство с ними показывает, что пространство их интересов, описываемое термином urban studies, включает в себя широкий набор методов, идущих из разных дисциплин — город не является исключительной собственностью архитекторов или управленцев. Уже это заставляет задуматься о том, что на пересечении взглядов возникает какое-то новое по-

нимание города как предмета исследования, а разговора о нем — как сочетания научных, практических и проективных подходов. О необходимости новой формулировки программы городских исследований говорят многие, связывая потребность в этом шаге с новой ролью городов в мировой экономике, с прогнозируемым абсолютным преобладанием городского населения в мире к середине века, со сложностью гуманитарных проблем, с которыми сталкиваются ускоренно растущие города Азии и Африки.

Можно ли рассматривать российские города и российскую сферу городских исследований как безнадежно отставшие от мировой повестки или как отделенные от нее непреодолимым барьером «специфичности»? Вне зависимости от знака — плюс или минус — особенность нашего пути скорее является оправданием для отказа от попыток что-либо осмыслить или сформулировать, своего рода интеллектуальной «выученной беспомощности». Результатом является неопределенное положение сферы городских исследований в системе российского академического знания, отсутствие площадок для научной коммуникации, ориентированных на консолидацию специалистов разных дисциплин, работающих в этой рамке, отсутствие серьезных теоретических исследований, посвященных современной российской ситуации, отсутствие институциональных связей между российскими и иностранными экспертами.

В последние несколько лет эта ситуация меняется. Появляются новые проекты, цель которых — не только практика, но и, в определенной степени, теория. Это и Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», и Московский урбанистический форум с широкой программой региональных конференций. В практическую сферу пришло множество новых

специалистов из других дисциплин, заинтересованных в развитии качественной городской среды, применении современных подходов к управлению, в частности, привлечения разных групп населения к участию в принятии решений. Стали появляться и новые научные работы в этой сфере. Стали широко обсуждаться вопросы, связанные с недостатками, вытекающими из понимания градостроительства только как части архитектурного процесса, обслуживающего строительство — мировоззренческим наследием одновременно и советского периода, и периода адаптации городов к рыночным, капиталистическим правилам игры.

Несмотря на все эти перемены, активность в области исследований пока невелика, и, вероятно, отсутствие профильных русскоязычных журналов в этой области может быть одним из факторов. Ценные результаты, получаемые и в ходе практической деятельности, и в рамках «классических» городских исследований, оказываются невостребованными. Запросы со стороны властей, прежде всего, муниципального уровня, и общественных организаций поддерживают весьма небольшое количество подобных работ. Плюрализм подходов к проблемам современного города приводит к тому, что практика критического обсуждения даже этого небольшого массива практически отсутствует.

Мировой опыт показывает, что появление площадки для публикаций и академических дискуссий положительно сказывается на научной дисциплине и делает ее в общественном сознании более авторитетной. В любой области знания можно вспомнить издание, с деятельностью которого были связаны ключевые тексты, дискуссии, определившие базовые ценности и термины, издания, которые консолидировали сообщества вокруг определенных тем и направили усилия исследователей.

Создание первого в России научного журнала по урбанистике предполагает не только консолидацию широкого спектра теоретически заостренных градостроительных исследований, но и создание академической площадки для формирования профессиональных научных стандартов, словаря дисциплины. Очень важно сделать результаты зарубежных исследований, как современных, так и уже ставших классикой, доступными для русскоязычной аудитории. С другой стороны, необходимо представить для международного сообщества и отечественный опыт развития городов постсоветского времени, к которому есть устойчивый интерес. Исследования, опубликованные в журнале, позволят полноценно представить новейшие достижения градостроительной мысли как моменты междисциплинарного, транснационального и устремленного в будущее научного процесса.

Э. К. ТРУТНЕВ

ГОРОД И ПРАВО:

ЛОГИКА ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ И СВЕРТЫВАНИЯ

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ И ИЗ НАСТОЯЩЕГО В ПРОШЛОЕ

ИНСТИТУТОВ ПРАВОВОГО ГРАДОРЕГУЛИРОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 14-33

<https://doi.org/10.17323/usp00201514-33>

*Светлой памяти
Саши Высоковского
посвящаю*

Предметом статьи является внутренняя логика, присущая процессу развертывания законодательного обеспечения градорегулирования в России за последнюю четверть века, — логика, предопределившая действия причастных к этому процессу субъектов, а также возникновение правовых и исторических фактов, которые уже состоялись, и тех, которым еще только предстоит стать реальностью в будущем.

Сложилось так, что правовое градорегулирование в России должно было стать, а потому и стало, областью непонимания, предрассудков, намеренных и ненамеренных искажений смыслов. Это было неизбежным. Четверть века назад возникло нечто ранее неведомое для советского градостроительства — возникло то, что называется «недвижимостью», «правообладателями недвижимости», возникла необходимость регулировать права частных собственников, арендаторов недвижимости. С одной стороны, возникло нечто абсолютно новое и доселе неизвестное, а с другой стороны, «всегда существовало» нечто абсолютно надежное и как бы оптимальное — существовала многие десятилетия практиковавшаяся система социалистического градостроительства, серьезные сомнения в фундаментальной правильности и эффективности которой почти не возникали по причине ее базирования на принципиальном отторжении самой возможности существования частных правообладателей недвижимости [Трутнев, 1990]. Явление новой реальности в виде сочетания противоположного невозможно было игнорировать. Как развертывалась эта реакция на новую реальность — предлагается обсудить в

The City and the Law: the Legal Institutions Cycling Evolution Logic in the Post-Soviet Russia

Автор: Эдуард Константинович Трутнев, кандидат архитектуры, научный руководитель направления «Рынок недвижимости» Фонда «Институт экономики города», профессор Высшей Школы Урбанистики

Author: Edouard Trutnev, candidate in Architecture, Research Supervisor of Realty Market research sector of Urban Economics Institute Foundation, professor of Graduate School of Urbanism NRU HSE

E-mail: trutnev@urbaneconomics.ru

Abstract: The logic of the contradictory process of legal institutions resurrection in town planning sphere in Russia is the topic of discussion in the article. After a quarter of the century the first cycle of this process is concluded — unexpectedly we are at the very beginning again. Once again the task of choice appears: whether to continue and conclude developing of legal zoning oriented system, or to agree with the final victory of the soviet style administrative town planning system. From the very beginning the legal process was doomed to be a fighting arena of two alternatives. Legal sources of this contradictory process and its particularities on different phases are discovered. Various trends of the legal situation development are discussed and consequences are presented due to one or another choice between the two alternatives in urban legislation — choice still to be done.

Keywords: *the city, the law, town planning legislation, legal zoning, urban governing alternative systems*

настоящей статье, предъявив факты и осмыслив содержание законотворческого процесса в контексте логики возникновения и воздействия фактов на правовую реальность, предложить основанное на доказательствах понимание происходящего — понимание, которое может послужить отправной точкой для возвращения к ответственному решению задач совершенствования законодательства о градорегулировании в России.

Чтобы не потеряться в потоке многочисленных правовых и исторических фактов,

предлагается сразу обобщенно очертить всю «панораму событий» тремя основными периодами развертывания законодательства о градорегулировании. Период первый: в начале 1990-х годов были явлены как данность два соотнесенных друг с другом факта: факт существования в течение семи десятилетий системы точечно-административного градостроительства, не знающей и не приемлющей частных правообладателей недвижимости, и факт возникновения рыночной экономики, существование которой немыслимо без частных правообладателей недвижимости. Период второй: неизбежно было возникнуть новой системе зонально-правового градорегулирования, впоследствии обеспеченной законами на базовом уровне, что привело к неотвратимому развертыванию необъявленной войны двух диаметрально противоположных систем — прежней и новой¹. Период третий: процесс развертывания войны двух систем неизбежно должен был привести к такому положению дел в законодательстве, когда новая система зонально-правового градорегулирования, первоначально возникнув, развернувшись и удерживая свое номинальное существование, должна была стать почти упраздненной фактически, — неизбежно должен был завершиться и завершился первый цикл процесса после отвержения того, что утверждалось в начале, и после возвращения по прошествии времени к некогда оставленному позади началу — к тому, с чего когда-то начинался законотворческий процесс. Первый цикл замкнулся, но цель осталась не достигнутой, поэтому должен начинаться новый цикл. Перед аналитиками стоит задача понять причины уже произошедшего и еще предстоящего.

Для непосвященных полезно уяснить с самого начала нечто важное относительно уникальной специфики системы правового градорегулирования, которая коренным образом отличает ее от многих иных областей человеческой деятельности, подлежащих правовому регулированию. Если для регулирования почти всех иных областей достаточно лишь закона, «продолженного», как правило, в подзаконных актах, то для правового градорегулирования недостаточно закона и его подзаконных «про-

должений»; в императивном порядке нужны местные нормативные правовые акты, хотя и основанные на законе, но по отношению к нему содержащие нечто принципиально новое, которое в самом законе не содержится и содержаться никак не может, — карты визуального предъявления будущего состояния территорий и объектов недвижимости в виде их правовых режимов. Это значит, что если нет таких местных нормативных правовых актов с такими картами, то отсутствуют и правовые основания для регулирования, несмотря на наличие закона. Вот почему всегда существует почти необоримый административный соблазн оправдать плохое состояние местных систем градорегулирования (предопределенное отсутствием указанных актов ввиду бездеятельности самой власти, обязанной их подготавливать) ссылками на некачественное федеральное законодательство. На местном уровне помимо закона требуется одновременное наличие двух обязательных условий для существования местных систем правового градорегулирования: 1) наличие местных нормативных правовых актов, определяющих правовой режим текущего и будущего использования земельных участков, иных объектов недвижимости; 2) наличие границ прав — границ земельных участков (в отношении которых установлен правовой режим текущего и будущего использования), что обеспечивает для правообладателей четкое осознание их имущественных прав — осознание, которое устраняет безразличие в отношении будущего и порождает заинтересованную реакцию на совершаемые администрацией действия [Абанкина и др., 1994]. Невозможно создать указанные условия, используя лишь документы, практиковавшиеся в период отсутствия прав на недвижимость: необходимы принципиально новые документы, такие права устанавливающие и их гарантирующие не только на текущий момент времени, но и транслирующие права в будущее. Это значит, что с позиции логики права, отражающей изменившиеся реалии, нет никакой возможности отрицать необходимость быть таким новым по отношению к прежней системе документам, как, например, правила землепользования и застройки².

1 Далее в основном тексте обоснованы даваемые здесь термины «система точечно-административного градостроительства» и «система зонально-правового градорегулирования».

2 Доказательства того, что невозможно не быть правилам землепользования и застройки, предоставляет не только логика, но и практика. Так, проекты первых правил землепользования

Намеченный анализ будем продвигать по следующему пути: сначала зафиксируем правовыми фактами исходную ситуацию, предопределившую логику развертывания последующих событий, затем составим представление о развертывании законодательства с намерением понять, почему завершение первого цикла процесса привело к ситуации, существовавшей до его начала, далее рассмотрим каждую в отдельности логические линии развертывания и свертывания законодательного обеспечения градорегулирования, а в завершение попытаемся приобрести понимание того, как должна саморазвертываться логика законодательства в предстоящий период и какие последствия от этого следует ожидать.

Исходная на начало 1990-х годов правовая ситуация, предопределившая логику развертывания последующих событий

Приобретение понимания исходной ситуации дает довольно ясное представление о том, что все последующее еще до его возникновения и развертывания было в значительной мере предопределено.

Критически важный аспект исходной ситуации — это правовой статус территорий в городах России. Это тот самый аспект, на который мало обращается внимания, но рассмотрение которого позволит раскрыть смыслы, комплексно объемлющие иные аспекты изучаемой системы. Как в начале, так и на протяжении всего обсуждаемого периода вплоть до настоящего времени жилые территории российских городов в правовом отношении представлены, как правило, «пу-

стойкой, предлагающей себя застроить». Это состояние практически тотальной «правовой пустоты» будет продолжаться до тех пор, пока не будет завершено межевание на земельные участки территорий многоквартирных домов, и озелененные территории не будут учтены в государственном кадастре объектов недвижимости в качестве не подлежащих приватизации (в том числе не подлежащих предоставлению для застройки) озелененных территорий общего пользования — пока города не будут «упакованы» на земельные участки, каждый из которых будет иметь своего правообладателя, пока не будет упразднена почти тотальная «правовая пустота» (либо до тех пор, пока такая пустота не будет заполнена физически).

Но поскольку закон до сих пор не попускает администрации «упаковывать» города указанным образом (то есть можно делать, но можно и не делать, и ничего за это не будет), то правовые пустоты будут существовать неопределенно долго, пригласая строителей заполнять их точечной уплотнительной застройкой³. В первой половине рассматриваемого периода правовая технология точечной уплотнительной застройки была доведена до совершенства. Основные положения этой технологии дают возможность понять суть практиковавшейся тогда и практикуемой доньше в некоторых городах (с неприципиальными модификациями) системы точечно-административного градостроительства [Трутнев, Бандорин, 2004: 329–340]: 1) фактическое утверждение сомнительной правомерности внесистемных действий по заполнению правовых пустот в сочетании с отсутствием законодательного требования о соблюдении системных планировочных решений (кото-

и застройки, подготовленные группой специалистов, возглавляемых А. А. Высоковским, появились в России в начале 1990-х годов для городов Зеленоград и Старая Русса — задолго до принятия соответствующих законодательных актов федерального уровня. Первыми официально принятыми в декабре 1996 года (до принятия в 1998 году первого Градостроительного кодекса РФ) стали правила землепользования и застройки для Великого Новгорода [Правила..., 1996]. Важно отметить также факт наличия в то время соответствующих правовых оснований для принятия органами местного самоуправления такого нормативного правового акта нового типа без прямых указаний со стороны специального федерального закона, в то время отсутствовавшего. См. об этом [Трутнев, 1998].

3 См. в [Трутнев, 2006; Трутнев, 2014]. Описанная ситуация будет не только инерционно продолжаться, но и усугубляться, поскольку законом такое усугубление ныне подстегивается. Дело в том, что одно из последних изменений Градостроительного кодекса РФ заключалось в переформулировании части 4 статьи 43, в результате чего было упразднено почти двадцать лет действовавшее требование об учете при выполнении межевания градостроительных нормативов и правил, действовавших в период застройки. То есть измененный закон содействует «недодаче» земли для многоквартирных домов — содействует созданию «правовых пустот» в российских городах.

рые могли бы вырабатываться, но не вырабатывались в обязательном порядке подготавливаемыми проектами межевания кварталов, микрорайонов для образования земельных участков в целях строительства в контексте окружения при соблюдении прав на земельные участки иных собственников недвижимости, включая собственников квартир в многоквартирных домах); 2) законодательное обеспечение специальных процедур по обслуживанию администрацией потребностей лиц, желающих изыскать и застроить правовую пустоту уплотнительной застройкой, — процедур, осуществлять которые можно было по персональному усмотрению должностного лица, уполномоченного принимать решения, то есть при отсутствии понуждения законом подготавливать и соблюдать формализованные, публично предъявленные требования в отношении предельных параметров разрешаемой застройки; 3) утверждение законом возможности принимать персонифицированные, неформализованные и публично не предъявляемые решения фактически упраздняло правовую обязательность подготавливать, утверждать и применять публичные документы градостроительного проектирования более высокого уровня — утверждало возможность трансляции локальных персонифицированных решений на город в целом как замещение системных документов, как необязательность подготовки документов, определяющих перспективную структурную организацию и сбалансированное развитие города [Трутнев, Бандорин, 2004].

Перечисленные положения отражают правовые признаки практиковавшейся системы точечно-административного градостроительства. Признак первый: фактический отказ от подготовки и применения предустановленных (заранее установленных) формализованных и публично предъявленных в виде соответствующего нормативного правового акта юридически обязательных требований в отношении застройки (отказ от подготовки правил землепользования и застройки). Признак второй: фактический отказ от зонального принципа регулирования застройки, замещение его принципом персонифицированных одноразовых решений — фактическое утверждение абсолютного права верховного должностного лица по своему усмотрению определять судьбу каждой точки городского пространства. Признак третий: утверждение специальных технологий и создание развет-

вленных структур административного обслуживания абсолютного права верховного должностного лица — создание индустрии подготовки «исходно-разрешительной документации», в том числе путем необходимого по этическим соображениям прикрытия абсолютного права ширмой коллегиальности принятия решений (для чего необходимо создание разветвленной сети комиссий, советов, иных совещательных органов).

Указанные признаки определяют существование того, что следует назвать неправовой системой точечно-административного градостроительства⁴ [Высоковский, Валетта, 1999]. Эта система в значительной мере предопределила логику развертывания последующих событий в сфере законодательного обеспечения градостроительной деятельности. Определила двойным образом. Во-первых, тем, что эта система, воплотившая принципы, прямо противоположные принципам правового градорегулирования, не могла не противиться своему упразднению, каковым автоматически должна была стать любая попытка законодательного утверждения системы противоположной — системы, утверждающей принципы правового градорегулирования. Во-вторых, в содержательном отношении законы, посредством которых неотвратно должна была вводиться новая система правового градорегулирования [Высоковский, Трутнев, 1999; Высоковский, 2005], не могли абстрагироваться от существовавшего положения дел — не могли не вводить некоего переходного периода (периода перехода от одной системы к другой), а сам факт неизбежного наличия такого переходного периода становится формальным основанием и необоримым соблазном для увековечивания системы точечно-административного градостроительства — основанием, которое неизбежным образом должно было «эффективно» и контрпродуктивно использоваться при ведении необъявленной

4 Очевидно, что нет оснований называть правовой ту систему, которая фактически основана на абсолютном праве верховного должностного лица принимать индивидуальные неформализованные решения в отношении каждой точки городского пространства. Однако фактически неправовая система может стать квазиправовой в случаях ее отображения в формулировках соответствующих правовых актов, положения которых не соответствуют федеральному законодательству. См., например, вопрос (55) [Вопрос (55)..., 2015].

войны между двумя альтернативными системами на законодательном поле. Как логика определяла развертывание этой необъявленной войны, мы увидим далее.

Исход из начала и возвращение к исходно-началу. Разветвление пути на конструктивную и деструктивную линии развертывания-свертывания законодательства

Ныне завершаются события, которые обречены стать не просто исторически значимыми, но символическими. Имеется два отстоящих друг от друга во времени и противоположных по смыслу правовых факта: первоначально утверждалось право свободного выбора (в начале пути — на этапе исходно-начала законодательского процесса), а впоследствии утверждается прямо противоположное — отрицается для застройщиков право свободного выбора ими действий в пределах предустановленного формализованного правового режима использования недвижимости (отрицается в конце пути, когда происходит возвращение к исходно-началу по завершении первого цикла законодательского процесса).

Исход-начало — это введение через Федеральный закон нормы, согласно которой правообладатели земельных участков — застройщики — получили право свободного выбора в неких предустановленных формализованных рамках параметров ими планируемого строительства объектов (в рамках градостроительных регламентов, содержащихся в местных нормативных правовых актах — правилах землепользования и застройки)⁵. Возвращение к исходно-началу — это неслучайный факт появления нового законопроекта с предложением упразднить для правообладателей земельных участков — застройщиков — право свободного выбора в рамках предустановленных формализованных градостроительных регламентов параметров планируемого строительства объектов, заменив его правом должностных лиц устанавливать по своему неконтролируемому усмотрению адресуемые застройщикам некие требования в отношении параметров и прочих характеристик объектов, несмотря на наличие градострои-

тельных регламентов⁶. Это и есть возвращение к исходно-началу: в конце пути предлагается упразднить то, с чего был начат многотрудный законодательский путь. Факт появления указанного законопроекта провозглашает тщетность усилий и результатов, потраченных и достигнутых в предшествующий период. Если же произойдет превращение указанного законопроекта в Федеральный закон, то это событие будет символизировать нечто важное — возникновение качественно новой ситуации: после завершения первого цикла начнется второй цикл развития российского законодательства — цикл, начинаемый под знаком утверждения возможности игнорировать очевидные и не столь очевидные противоречия в федеральных законах. В некотором смысле начало этого гипотетического (пока еще не начавшегося) второго цикла уже подготовлено и фактически и психологически — подготовлено предшествующим созданием и внедрением в правоприменительную практику далеко не единичных примеров игнорирования противоречий в федеральных и региональных законах⁷ [*Экспертное заключение...*, 2014; Трутнев, 2011].

Посмотрим более внимательно на наиболее существенное, происходившее в законодательной сфере в период между исходом из начала и текущим моментом. Такое рассмотрение неизбежно распадается на две линии — конструктивную и деструктивную. Каждая из них имеет свои признаки. Для подлинного законодательства конструктивной является лишь та линия действий, которая, не допуская противоречий, вводит ранее отсутствовавшие нормы, последовательно продвигая законо-

5 Это право было предоставлено правообладателям недвижимости, застройщикам первым Градостроительным кодексом Российской Федерации, принятым в 1998 году.

6 Речь идет о проекте Федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории». См. [*Заключение...*, 2014].

7 См. также Вопрос (55) о цепной реакции законодательных ошибок относительно перераспределения полномочий регулирования градостроительной деятельности [*Вопрос (55)...*, 2015], а также Вопрос (51) о том, почему противоречит федеральному законодательству, экономической логике и является деструктивным введение платы за изменение видов разрешенного использования земельных участков в Москве и Московской области. Библиотека ответов на вопросы о градостроительной деятельности [*Вопрос (51)...*, 2014].

дательство к состоянию непротиворечивой целостности. Проще говоря, для подлинного законодательства конструктивная линия проявляется в том, что формально-юридическая непротиворечивость норм провозглашается неизменным условием для рациональной и эффективной практики. В противоположность сказанному деструктивная линия законодательства «не верит» в существование указанной связи, основывается на противоположном подходе, согласно которому сомнительные и недоказанные относительно правильности субъективные представления о рациональной и эффективной практике должны обеспечиваться, обслуживаться нормами закона даже и тогда, когда такие представления внутренне противоречивы и неотвратимо порождают противоречия в нормах законодательства — противоречия, которые ради ошибочного представления о «пользе дела» можно не замечать и даже игнорировать. Рассмотрим ту и другую линии в проявлениях уже ставшей исторической практики законотворчества.

Вехи смысловые и событийные на логической линии конструктивного развертывания законодательного обеспечения системы правового градорегулирования

Сначала рассмотрим то, что завершено к настоящему времени, а затем — то, что согласно логике еще предстоит завершить при развертывании конструктивной линии.

Требуемые логикой конструктивной линии состоявшиеся акции по развертыванию законодательного обеспечения системы правового градорегулирования

1. С началом обсуждаемого периода, исчисляемого с 1990-х годов, кончился предшествующий, длившийся более семидесяти лет, период, когда не могло быть, а потому и не было, закона о градостроительстве/градорегулировании. Отсутствие такого закона потому должно было быть, что закон — это способ регулирования отношений суверенных, равных перед правом субъектов, каковые в виде частных собственников земельных участков и иной недвижимости были ликвидированы и заменены субъектами не суверенными, но зато подчиненными друг другу в соответствии со служебной административной

иерархией — субъектами, регулирование отношений между которыми не нуждалось в законе, поскольку для этого достаточно было всего лишь ведомственных инструкций [Афанасьева, 1996]. В этот период сформировалась мощная строительная индустрия, основанная исключительно на административно-технологических правилах производства строительных работ⁸, но не на соблюдении права, ввиду отсутствия такового и отсутствия необходимости в нем. Это обстоятельство оказало сильнейшее гипнотизирующее влияние на психологию архитекторов, проектировщиков и иных специалистов строительной отрасли, привыкших безапелляционно считать, что «строитель всегда прав», — психология, которая не могла не проявить себя в негативном отношении к необходимости принятия соответствующих законов и к содержанию их норм, которые неизбежным образом должны были ради соблюдения баланса прав многих суверенных субъектов ограничивать привычное, десятилетиями практиковавшееся неписаное «абсолютное право» строителей.

2. С появлением в городах собственников и иных правообладателей недвижимости невозможно было не явиться закону о градорегулировании. При подготовке такого закона невозможно было не состояться утверждению базовых, рассчитанных на перспективное развертывание принципов построения законодательства о градорегулировании. В силу правовой логики 1) невозможно при подготовке закона не состояться отвержению принципов, явно или неявно закрепляющих одиозное право — абсолютное право верховного должностного лица на город (право, сомнительное как в этическом, так и в технологическом отношениях), — отвержению принципов точно-административного градостроительства; 2) невозможно не быть выбору в пользу принципов зонально-правового градорегулирования — в пользу необходимости заблаговременного и публичного предъявления формализованных требований к застройке, приписанных через территориальные зоны каждому там располагающемуся земельному участку и допускающих для застройщиков свободу выбора

⁸ Для чего был создан корпус административных актов, объемлющий многочисленные глубоко тематически структурированные ведомственные документы в виде СНиПов, ГОСТов, инструкций, указаний, иных документов технического характера.

параметров и иных характеристик застройки в предустановленных рамках градостроительных регламентов [Трутнев, Бандорин, 2010].

3. В силу положений первого и второго невозможно было не принять закон о градорегулировании⁹, а этому закону невозможно было не предъявить указанный фундаментальный выбор. В этом отношении первый Градостроительный кодекс РФ (далее также — ГрК РФ) 1998 года достойно выполнил свою историческую миссию. По своей глубинной сути закон о градорегулировании не может быть ведомственным законом о строительстве. Он должен быть комплексным законом, область регулирования которого необходимым образом сопрягается с иными видами законодательства — земельным законодательством, законодательством о кадастровом учете недвижимости и регистрации прав на нее, законодательством о техническом регулировании, законодательством о массовой оценке недвижимости в целях налогообложения и т. д. В рассматриваемый период появление «продвинутого» качественного закона о градорегулировании возможно было как минимум при наличии одного из двух условий: 1) при наличии «зрелых» законов в сопряженных областях; 2) при наличии установки на обеспечение «продвинутой» самого закона о градорегулировании, посредством которого вносились бы изменения в сопряженные законы, либо при наличии установки на подготовку пакета сразу из нескольких взаимосвязанных законов. В силу разных причин объективного характера ни первого, ни второго условия не было и не могло быть¹⁰. Поэтому первый ГрК РФ 1998 года, выполнив

свою главную историческую миссию — впервые в постсоветской России провозгласив принципы зонально-правового градорегулирования, — был обречен на незавершенность¹¹.

4. Последующие смысловые и событийные вехи, важные для определения содержания законодательства о градорегулировании, определялись принятием двух федеральных законов — закона о техническом регулировании и Земельного кодекса РФ 2001 года. Со стороны градорегулирования принятый в 2002 году Федеральный закон «О техническом регулировании» был важен и остается таковым в следующих отношениях. Во-первых, посредством этого закона было зафиксировано положение, согласно которому в области технического регулирования легитимными являются лишь только предустановленные формализованные требования, относящиеся исключительно к безопасности¹². То есть в смысле правовой обязательности не являются легитимными рекомендательные части, как правило, смешанных по своему составу строительных норм и правил (СНиПов). Во-вторых, первое положение фактически зафиксировало новую ситуацию в отношении системы градостроительного нормирования, которая должна сочетать в себе без смешения правового статуса три разных института: 1) институт градостроительных регламентов, определяющих правовой режим текущего и будущего использования недвижимости; 2) институт технических регламентов безо-

9 Речь идет о первом Градостроительном кодексе РФ от 1998 года. До этого был принят Федеральный закон от 14 июля 1992 г. «Об основах градостроительства в Российской Федерации» — закон декларативного характера, чему есть соответствующие причины. См. об этом Трутнев Э. К. «Градорегулирование. Основы регулирования градостроительной деятельности в условиях становления рынка недвижимости» [Трутнев, 2004].

10 Достаточно сказать, что тогда некоторые из указанных «сопряженных» законов просто не существовали, их еще предстояло подготовить и принять. Например, новый Земельный кодекс РФ был принят в 2001 году, Федеральный закон о техническом регулировании был принят в 2002 году, Федеральный закон о государственном кадастре недвижимости был принят в 2007 году.

11 Подробный анализ достоинств и недостатков ГрК РФ 1998 года см. Трутнев Э. К., Бандорин Л. Е. «Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации: ответы на проблемные вопросы градостроительной деятельности». [Трутнев, Бандорин, 2008].

12 Фактически еще одним федеральным законом (помимо ГрК РФ) было определено то, что для законодательства неотъемлемыми принципами являются «предустановленность» требований (не выработка индивидуально-персонифицированных требований в процессе совершения действий, как это происходит в системе точечно-административного градостроительства, но предъявление требований заранее — до совершения действий) и формализация требований, поскольку с правовой точки зрения невозможно требованиям не быть формализованными (в отличие от представлений о «нецелесообразности и невозможности» формализации — ложных представлений, господствующих в системе точечно-административного градостроительства).

пасности и 3) институт нормативов градостроительного проектирования. Указанные положения фиксируют для того времени новую ситуацию в части технологии градорегулирования, содержат как бы призыв к освоению новой культуры градостроительного проектирования [Трутнев, 2012]. Со стороны градорегулирования Земельный кодекс РФ 2001 года был важен и остается таковым в следующем положительном смысле. Во-первых, этот Федеральный закон преемственно принял из ГрК РФ 1998 года институт правового зонирования (с не вполне оправданным переименованием его в «территориальное зонирование») и продолжил логическое развертывание некоторых его важных положений (однако без их окончательного завершения) с введением дополнительных положений (например, относящихся к институту так называемого «несоответствующего использования»). Во-вторых, ЗК РФ 2001 года определил закрытый перечень случаев, когда допускается изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд.

Помимо трансляции в систему градорегулирования положительных импульсов ЗК РФ 2001 года был важен для этой системы также и в отрицательном смысле. Этот Федеральный закон преемственно воспринял из предшествующего Земельного кодекса РСФСР институт «предварительного согласования мест размещения объектов», первоисточником которого является земельное законодательство советского антирыночного периода. ЗК РФ 2001 года не стал упразднять «тройного коня», посредством которого осуществлялось ранее и было продолжено противодействие процессу становления системы правового градорегулирования в России¹³. Кроме того, ЗК РФ 2001 года, так же как и ГрК РФ 1998 года, не зафиксировал предельный срок для завершения периода использования указанного института и, соответственно, для введения института правового/тер-

риториального зонирования — срок, после которого можно было бы говорить об устранении источника порождения непримиримых противоречий в системе градорегулирования России. То есть еще раз после ГрК РФ 1998 года «по умолчанию» формально-юридическим образом была подтверждена концептуальная позиция на сохранение в будущем не ограниченной никаким временным порогом легитимности существования двух альтернативных, уничтожающих друг друга систем — системы зонально-правового градорегулирования и системы точечно-административного градостроительства.

5. Обязательно должно было сложиться такое положение, когда по прошествии некоторого количества лет возникла необходимость вернуться к ГрК РФ 1998 года с тем, чтобы устранить из него ранее допущенные концептуально ошибочные позиции, неизбежно возникшие противоречия с вновь принятыми впоследствии федеральными законами (противоречия, устранить которые простым внесением «точечных изменений» невозможно), а также ввести отсутствующие положения, без которых градорегулирование не может считаться полноценным в правовом отношении¹⁴. Эта задача была решена не внесением дополнений и изменений в действующий закон (посредством чего решение вообще не могло быть обеспечено), но принятием принципиально нового Федерального закона — ГрК РФ 2004 года, основные новеллы которого должны были состоять и состояли в следующем [Трутнев, Бандорин, 2008].

Был введен базовый понятийный аппарат¹⁵. Была установлена четкая технологическая и процедурная связь между институтами градостроительного проектирования,

13 Указанный институт просуществовал вплоть до 1 марта 2015 года. Но и после его номинального упразднения измененный ЗК РФ сохраняет рудименты этого института, которые могут быть использованы в обход системного градорегулирования — без подготовки документов градостроительного проектирования. См. об этом в настоящей статье пункт 6 раздела о деструктивной линии законодательного обеспечения градостроительной деятельности.

14 Например, отсутствующие на то время институты: публичных слушаний в сфере градорегулирования, добровольного совместного территориально-планирования, осуществляемого публичными субъектами различных уровней власти, имущественной ответственности государства и органов местного самоуправления за принимаемые ими документы градостроительного проектирования.

15 Достаточно сказать, что до этого в законодательстве существовали неточности, противоречия и даже несуразности, например, определявшие, что застройщиком является не правообладатель земельного участка, но «лицо, имеющее желание строить» [Трутнев, Бандорин, 2008].

развития территорий и институтом архитектурно-строительного проектирования объектов. На основе принципа непересекающихся различных полномочий для различных уровней власти был упорядочен институт территориального планирования, в частности: было определено, что картографическая часть документов территориального планирования должна содержать границы зон планируемого размещения объектов; одновременно с необходимым «разведением» полномочий определен способ «сведения» полномочий — введен институт добровольного совместного территориального планирования, введены комплексные планы реализации генеральных планов¹⁶, предъявлены развернутые процедуры подготовки, согласования и утверждения документов территориального планирования. Была завершена смысловая и формально-юридическая логика построения института правового (территориального / градостроительного) зонирования¹⁷. Институт планировки территории был четко определен в контексте иных документов градостроительного проектирования, были определены предметы утверждения различных видов документации по планировке территории. Были заложены основания для устранения избыточных административных барьеров в строительстве путем упразднения множества экспертных и надзирающих органов [Трутнев, Бандорин, 2008]. Введен институт публичных слушаний по обсуждению проектов документов градостроительного проектирования. Введена информационная система обеспечения градостроительной деятельности. Введена имущественная ответственность государства и органов местного самоуправления за утвержденные ими документы градостроительного проектирования [Трутнев, 2011].

ГрК РФ 2004 года впервые в практике российского законодательства создал прецедент установления предельного срока для выполнения соответствующих действий (для подготовки и принятия правил землепользования и застройки — ПЗЗ) и последствий, наступающих после такого срока (запрет на выдачу разрешений на строительство при отсутствии

ПЗЗ)¹⁸. С одной стороны, принятие таких по- нуждающих норм определялось необходимостью прямого воздействия законодательства на развитие местных систем правового гра- достроения¹⁹. С другой стороны, указанный предельный срок не определял установление запрета на продолжение использования института «предварительного согласования мест размещения объектов», что фактически означало 1) очередное подтверждение легитимности и бессрочности применения института, упраздняющего необходимость применения инструментов градостроительного проектирования (включая ПЗЗ); 2) возможность применения альтернативного ПЗЗ способа обращения с городом нивелировала (как и ранее) необходимость подготовки ПЗЗ (несмотря на понуждающие нормы закона), «провоцировала» формирование и распространение саботирующей позиции, согласно которой (а) совсем не обязательно подготавливать ПЗЗ («раньше без них жили и дальше будем жить») и (б) совсем не страшен предельный срок, поскольку не является особо тяжелой проблемой решение задачи периодически отодвигать его в неопределенно далекое будущее²⁰.

6. Главная слабость ГрК РФ 2004 года — его неспособность преодолеть блокирующие нормы ЗК РФ в части института «предварительного согласования мест размещения объектов», фактически защищавшие от преобразований по наследству нам доставшуюся из антирыночного периода систему точно-ад- министративного градостроительства. С указанной главной слабостью ГрК РФ 2004 года, предопределенной положениями вне этого закона, связаны три направления его развертывания после принятия — в период вплоть до текущего 2015 года: 1) наращивание «объема» регулирования за счет введения новых институтов; 2) редакционное усовершенствование отдельных позиций; 3) попытки усовершенствования концептуальных основ ГрК РФ 2004 года. Конструктивным оказа-

16 Доказательства ошибочности противоположных позиций по указанным вопросам см. [Трутнев, 2011].

17 Опять случилось переименование этого института, теперь в «градостроительное» зонирование.

18 Первоначально такой срок определялся датой 01.01.2010.

19 Последствием была активизация процесса подготовки и принятия правил землепользования и застройки в сотнях городов России.

20 Первый срок 01.01.2010 неоднократно передвигался в будущее специальными федеральными законами, ныне очередным предельный срок для принятия ПЗЗ определяется датой 01.07.2016.

лось лишь первое направление. Два других направления будут рассмотрены не здесь, но далее — по причине преобладания в них деструктивных положений.

Новые (по сравнению с состоянием на 2004 год) институты были введены в разные годы посредством наращивания «объема» регулирования: это институт саморегулирования в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования, институт развития застроенных территорий, институт комплексного освоения территорий (в том числе в целях строительства жилья экономического класса), институт освоения территорий в целях строительства и эксплуатации наемных домов.

7. В рамках конструктивной линии совершенствования законодательства должен быть отмечен факт упразднения с 1 марта 2015 года института «предварительного согласования мест размещения объектов строительства» в той части этого института, которая относилась к способу образования земельных участков без применения документации по планировке территории. Однако номинальное упразднение этой части указанного института не упразднило возможности осуществлять внесистемные действия — действия без применения документации по планировке территории. Об этом придется продолжить разговор в разделе, относящемся к деструктивной линии²¹.

Требуемые логикой конструктивной линии, но еще не состоявшиеся акции по развертыванию законодательного обеспечения системы правового градорегулирования

8. Важно не только понимать смыслы уже сделанного, но и знать то, что не сделано вопреки должному. Что такое должное? Это не только то, что хотят законодатели, специалисты, это также и то, чего требует внутренняя логика дела и ее воспроизводящего законодательства (иногда вопреки нелогичным желанием законодателей и специалистов). Градорегулирование — это не только то, применение чего обеспечивает визуально-физическое восприятие видимого города, это не

21 См. об этом в настоящей статье пункт 6 раздела о деструктивной линии законодательного обеспечения градостроительной деятельности.

в меньшей мере то, что не видимо — это невидимые структуры правовых границ и режимов, это гарантии прав — это способ инициирования экономического поведения инвесторов и застройщиков, это косвенное воздействие на их активность (и не только в сфере строительства). С этой точки зрения градорегулирование — это то, что больше самого себя. Это то, что помимо совершенствования «собственного» законодательства требует также и гармонизирующего внедрения в иные виды законодательства. Поэтому должное — это необходимость 1) обеспечить развертывание того положительного, что ныне уже существует в законодательной сфере, путем введения отсутствующего; 2) устранить ранее совершенные ошибки в законодательстве. О втором проявлении должного будет указано ниже при рассмотрении деструктивной линии законодательства. Здесь же ограничимся первым проявлением необходимости.

Вот некоторые примеры должного. Необходимо ввести норму закона, согласно которой массовая оценка недвижимости в целях налогообложения должна в обязательном порядке учитывать правовой режим использования земельных участков (который, как известно, фиксирует не только существующее положение дел, но и распространяется в будущее), устанавливаемый градостроительными регламентами в составе правил землепользования и застройки. Необходимо ввести норму закона, согласно которой статус «не соответствующего использования» земельных участков, иных объектов недвижимости, определенный ПЗЗ, должен фиксироваться в документах государственного кадастра объектов недвижимости²². Необходимо ввести законодательные требования, обязав 1) органы власти в пределах краткого срока зафиксировать красными линиями границы территорий общего пользования, включая озелененные территории (например, в виде парков, набережных), обеспечить их учет в указанных границах в государственном кадастре объектов недвижимости с тем, чтобы остановить

22 Институт «несоответствующего использования» определен в пункте 4 статьи 85 ЗК РФ и в части 8 статьи 36 ГрК РФ. Суть этого института состоит в том, чтобы побуждать к преобразованиям объектов недвижимости в случаях, когда они не соответствуют правилам землепользования и застройки.

процесс неправомерной застройки таких территорий; обеспечить полную «упакованность» городов — завершить межевание на земельные участки городских территорий, застроенных многоквартирными домами²³; 2) уполномоченные органы в пределах краткого срока сформировать границы земельных участков памятников, обеспечить учет таких границ в государственном кадастре объектов недвижимости с тем, чтобы снять правовые неопределенности, неизбежно порождающие конфликты, в том числе в отношении охраны объектов культурного наследия. Необходимо ввести изменения в ГрК РФ в части повышения правового статуса градостроительных планов земельных участков (ГПЗУ). Этот документ должен являться предоставляемой властью застройщику юридической гарантией того, что градостроительные регламенты, в этом документе содержащиеся, остаются в силе на весь период его действия, несмотря на возможные изменения ПЗЗ, которые могут произойти в этот период²⁴. Необходимо расширить набор правовых инструментов, которые могут применяться в процессе преобразования застроенных городских территорий жилого и производственного назначения. Необходимо усовершенствовать правовое регулирование процессов реализации документов территориального планирования, имея в виду координацию параметров и синхронизацию во времени различных проектов в увязке с планированием развития различных видов инфраструктур (инженерно-технической, транспортной, социальной) и с процессом бюджетного планирования²⁵.

23 Доказано, что наличие/отсутствие «упакованности» города определяет наличие/отсутствие самой возможности для выстраивания и проведения реальной (не декларативной) градостроительной политики в современном российском городе. См. [Трутнев, 2014].

24 Вопреки указанной логике, понуждающей к повышению правового статуса ГПЗУ, подготовлены законодательные предложения, безусловно отрицающие такую необходимость. См. [Заключение..., 2011].

25 Ныне в связи с ошибочными изменениями ГрК РФ (в частности, в связи с упразднением комплексных планов реализации генеральных планов и заменой их на отдельные ведомственные программы) ограничены правовые возможности для поддержания указанной сбалансированности города. См. [Трутнев, 2011; Трутнев, 2015].

Очевидно, что выполнение должного не состоится без устранения того, что мешает продвижению вперед, — без исправления накопившихся и планируемых к совершению новых ошибок законодательства, к рассмотрению которых мы и переходим.

Вехи смысловые и событийные на логической линии деструктивного свертывания законодательного обеспечения системы правового градорегулирования

Неслучайным является факт, согласно которому все предлагавшиеся и до сих пор предлагаемые по этой линии законодательные усовершенствования неотвратимо порождали и порождают противоречия — либо внутренние (внутри одного закона), либо внешние — противоречия между нормами разных законов, либо и те, и другие сразу. Этот факт является неотвратимым проявлением закономерного. Доказательства тому представлены ниже. Сначала рассмотрим то, что уже выполнено в виде ошибок, а затем — то, что еще предстоит выполнить и завершить согласно логике развертывания деструктивной линии.

Требуемые логикой деструктивной линии уже состоявшиеся акции по свертыванию законодательного обеспечения системы правового градорегулирования

На всем протяжении рассматриваемого четвертьвекового периода главным правовым источником для деструктивной линии развертывания законодательства о градорегулировании неизменно являлся институт «предварительного согласования мест размещения объектов строительства»²⁶. Почти все законодательные инициативы по этой линии были идеологически обеспечены — выстраивались так, чтобы не понуждать излишне власть выполнять действия с использованием системных инструментов правового градорегулирования, но дать возможность власти такие инструменты не вводить и не использовать — решать вопросы посредством применения абсолютного права местного

26 Этот институт номинально упразднен с 01.03.2015, но в иных проявлениях продолжает существовать. См. об этом в настоящей статье пункт 6 раздела о деструктивной линии законодательного обеспечения градостроительной деятельности.

верховного должностного лица — без предваряющей подготовки и публичного предъявления документов, формализующих основания и пределы возможного для таких индивидуальных решений. Нетрудно обнаружить, что рассматриваемой линии присущи особые закономерности развертывания.

1. Первой после принятия ГрК РФ 2004 года законодательной акцией, дестабилизирующей процесс формирования муниципальных систем правового градорегулирования, стало принятие Федерального закона, согласно которому посредством инициативного введения в действие специальных региональных законов субъектам Российской Федерации в их административных центрах дозволялось лишать органы местного самоуправления права предоставлять земельные участки частным лицам для строительства²⁷. Деструктивность — это неизбежное следствие противоречий. В данном случае проигнорированное федеральным законодателем противоречие состояло в следующем. С одной стороны, имеется принадлежащее органам местного самоуправления полномочие образовывать земельные участки разумно, используя документацию по планировке территории, системно организующую территорию в контексте всего того, что окружает каждый отдельный земельный участок. С другой стороны, наличие права предоставлять земельные участки предполагает наличие от такого права неотрывного иного права — права образовывать земельные участки для предоставления. У субъектов РФ в рассматриваемых случаях был в распоряжении только один правомерный способ образования земельных участков — антисистемный институт «предварительного согласования мест размещения объектов строительства». Логикой заведомо predetermined результат внедрения в Федеральный закон указанного противоречия: 1) демонтаж лучших муниципальных систем градорегулирования, нанесение им вреда²⁸; 2) хаотизация застройки, в отношении которой как бы по закону предлагалось

не применять инструменты системной организации территории ради применения «более простых» антисистемных инструментов, неформализованных и публично не предъявляемых.

2. Очевидно, что законодательство развивается не только через понуждение его внутренней логикой к поступательному развитию, но и волей законодателей, испытывающих давление со стороны лиц, особо заинтересованных в соответствующих изменениях. Очевидно также, что применительно к правилам землепользования и застройки первоначально должно было появиться много административных лиц, не заинтересованных в их принятии вообще, либо — в установленный законом срок. Поэтому неизбежно было появиться как минимум двум способам реализации указанного антиинтереса: 1) обеспечение посредством неоднократных внесений изменений в Федеральный закон регулярной передвижки сроков принятия ПЗЗ²⁹; 2) отказ от активного содействия подготовке и принятию ПЗЗ, в том числе посредством непроявления должной инициативы в организации обучения специалистов новым методам градостроительного проектирования и в распространении соответствующих методик³⁰.

3. Переломным и как бы «победным» для деструктивной линии развертывания законодательства о градорегулировании стал 2011 год, когда был принят Федеральный закон о внесении изменений в ГрК РФ в части территориального планирования³¹ — закон, после которого стало «все можно, несмотря ни на что». Открытая этим законом вседозволенность в виде игнорирования противоречий была преемственно воспринята

27 Речь идет о состоявшемся в 2006 году введении пункта 10 в статью 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации». См. [Трутнев, 2008].

28 Лучших, поскольку речь идет о региональных столицах, где, как правило, сосредоточены лучшие профессиональные кадры в сфере градорегулирования.

29 Первый крайний срок определялся датой 01.01.2010, ныне этот срок после неоднократных переносов определяется датой 01.07.2016.

30 Например, несмотря на востребованность, в свое время не было обеспечено и даже пассивно блокировалось распространение среди специалистов «Рекомендаций по подготовке правил землепользования и застройки», подготовленных в 2005 году Фондом «Институт экономики города» и Фондом «Градостроительные реформы».

31 Речь идет о Федеральном законе «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части вопросов территориального планирования» от 20.03.2011 № 41-ФЗ.

последующими федеральными законами и проектами таких законов [Заключение..., 2014; Экспертное заключение..., 2014; Вопрос 55..., 2015]. Ограничимся лишь кратким перечнем, выделенным из длинного списка противоречий, созданных указанным законом. Было упразднено то, без чего территориальное планирование как правовой институт существовать не может: 1) упразднены из документов территориального планирования границы зон планируемого размещения объектов; 2) упразднена обеспеченная бюджетом ответственность государства (в лице Российской Федерации и субъектов Российской Федерации) за утвержденные документы территориального планирования; 3) упразднены комплексные планы реализации документов территориального планирования на уровне муниципалитетов (а также цели и задачи генеральных планов, мероприятия по их реализации); 4) упразднен институт добровольного (не принудительного) совместного территориального планирования, который замещен институтом принуждения органов местного самоуправления к «доделыванию» того, что не доделало государство в своих документах территориального планирования; в противоречие федеральному законодательству фактически легализован ранее упраздненный институт «нефинансируемых мандатов» [Трутнев, 2011].

4. Законодательство, как и все иное, не свободно от действия правила, согласно которому добрые намерения не всегда гарантируют достижение хороших результатов. Например, это относится к 1) оказавшимся неудачными попыткам усовершенствования ГрК РФ в части расширения понятия «градостроительная деятельность» путем введения в него института «эксплуатации зданий и сооружений»³²; 2) редакционным усовершенствованиям — введению новых понятий, определяющих объекты различного значения — федерального, реги-

онального, местного³³; 3) введению понятия «транспортно-пересадочный узел»³⁴; 4) расширению описания института нормативов градостроительного проектирования за счет введения дополнительной главы³⁵.

Отдельно следует сказать о так называемом исчерпывающем перечне процедур в сфере жилищного строительства. Для акти-

32 Очевидно, что в данном случае законодатель совершил ошибку: в отношении объектов капитального строительства действия, осуществляемые после введения таких объектов в эксплуатацию и вплоть до начала действий, направленных на реконструкцию таких объектов (область действий в период «эксплуатации»), никак не могут быть включены в ту область действий, которая регулируется законодательством о градостроительной деятельности.

33 Эта новелла не может считаться продуктивной, поскольку она является формальным (не операциональным) результатом мнимого решения ложно поставленной задачи: априорным методом (применяемым до выполнения, без выполнения совместного территориального планирования) распределить обязательства конкретных органов публичной власти по созданию конкретных объектов на конкретной территории, что и невозможно, и контрпродуктивно (в том отношении, что создает имитацию наличия решения при его фактическом отсутствии). Доказательства — см. [Трутнев, Бандорин, 2008].

34 Логическая конструкция этого понятия и допускаемой возможности его применения на практике такова: 1) определить указанные «узлы» так, чтобы их границы могли охватывать неопределенно большие территории (см. пункт 25 статьи 1 ГрК РФ); 2) поскольку указанные «узлы» подпадают под определение «объекты транспорта», то их создание может осуществляться посредством изъятия любой, в том числе жилой недвижимости для государственных и муниципальных нужд (см. пункт 2 статьи 49 ЗК РФ) на неопределенных в правовом отношении территориях. Очевидно, что таким образом построенное определение создает как бы правовые условия для оправдания деструктивных действий.

35 Законодатель допустил две концептуальные ошибки в отношении института нормативов градостроительного проектирования: 1) легализована деструктивная практика «априорного нормирования» — до (без) подготовки генеральных планов; 2) определено, что утверждать нормативы градостроительного проектирования должны органы представительной, а не исполнительной власти. Последнее ошибочно в том отношении, что указанные нормативы не могут быть оторваны от последовательного выполнения обязательств публичной власти, а отслеживание и обеспечение выполнения обязательств — это функция органов исполнительной власти (наиболее эффективно осуществляемая посредством регулярно подготавливаемых и исполняемых комплексных планов реализации генеральных планов). То есть совершив указанную ошибку, законодатель обеспечил правовые условия для утверждения в стране «бумажного нормирования». Подробнее: [Трутнев, 2013].

визации действий по снижению административных барьеров была реализована в федеральном законодательстве следующая схема: 1) посредством внесения соответствующих изменений в ГрК РФ было дано дополнительное полномочие Правительству РФ устанавливать исчерпывающий перечень процедур, уже определенных федеральными законами (то есть полномочие как бы утверждать то, что уже определено, не определяя ничего нового, но зато еще раз как бы отсекая все то, что не определено федеральными законами — что им противоречит, «еще раз запретить то, что уже запрещено»); 2) кроме того, Правительству РФ дано право дополнять исчерпывающий перечень теми процедурами, которые не определены федеральными законами, то есть противоречат федеральным законам, но которые с согласия Правительства РФ определены региональными и местными нормативными правовыми актами, однако без увязывания срока применения этих дополнительных процедур с крайними сроками принятия правил землепользования и застройки³⁶. В силу отсутствия указанной связи дополнительные процедуры, фактически противоречащие федеральным законам, могут применяться и после принятия правил землепользования и застройки сколь угодно долго. Это значит, что указанный способ можно будет достаточно эффективно использовать для утверждения, как и все предшествовавшие годы, системы точечно-административного градостроительства и вытеснения системы зонально-правового градорегулирования. Не тот ли это случай, о котором говорится «хотели как лучше, а получилось как всегда»?

К этой же группе изменений законодательства относится и принятие так называемого классификатора видов разрешенного использования земельных участков. Этот пример показателен тем, что правильные намерения, реализуемые посредством исходно неверных методологических посылок, обречены приносить не пользу, а вред³⁷.

5. Совершен ряд изменений ГрК РФ, которые были обусловлены не столько намерением усовершенствовать законодательство, сколько намерением узаконить позиции, от-

ражающие сугубо административные и корпоративные интересы краткосрочного периода и непротиворечивые с содержательной и правовой точек зрения. Вот некоторые примеры. Во-первых, была переформулирована действовавшая почти двадцать лет (со времени первого ГрК РФ 1998 года) норма части 4 статьи 43 ГрК РФ, и было создано такое положение, когда при образовании земельных участков существующих многоквартирных домов можно не принимать во внимание нормативы, действовавшие в период застройки. Таким способом были устранены правовые препятствия для образования земельных участков минимальных размеров, в том числе по контуру домов — «меньше малого». Нет возможности найти другую причину для такого усовершенствования, кроме намерения оставить в публичной собственности как можно больше земли, которая при необходимости может быть использована, в том числе посредством заполнения «пустот» точечной уплотнительной застройкой. Фактически была воплощена целевая установка, состоящая в отказе от достижения «упакованности» города — отказе от проведения реальной градостроительной политики, связанной в том числе с созданием условий для комплексного преобразования территорий, включая уплотнение улично-дорожной сети и формирование квартальной застройки в будущем³⁸. Второй пример: обоснованное введение в ГрК РФ нормы, согласно которой все, что относится к электрическим сетям, провозглашено как некая сфера, не подпадающая под регулирование законодательства о градостроительной деятельности³⁹. Третий пример: введение в ГрК РФ нормы, согласно которой в городах федерального значения ПЗЗ принимаются отныне не представительными органами власти, но исполнительными⁴⁰. Эта норма противоречит универсальным принципам законодательства в отношении недвижимости, поскольку ПЗЗ — это правовой режим использования недвижимости в будущем, это гарантии стабильности инвестиций; чем ниже уровень власти, тем чаще могут происходить

36 См. пункт 7.4 части 1 статьи 6 ГрК РФ, а также постановление Правительства РФ от 30 апреля 2014 года № 403 «Об исчерпывающем перечне процедур в сфере жилищного строительства».

37 См. [20].

38 Подробное объяснение того, почему в данном случае приходится говорить о фактическом отказе от реальной градостроительной политики, См. Вопрос (58) [Вопрос 58..., 2015].

39 См. часть 10.1 статьи 48 ГрК РФ.

40 См. новеллу, сформулированную в части 4.1 статьи 63 ГрК РФ.

изменения ПЗЗ, тем ниже уровень гарантий; больше неопределенности — ниже инвестиционная привлекательность города. Очевидно, что указанное изменение обусловлено лишь мнимым «удобством» администрирования, но не выверенным осмыслением последствий такого «гибкого управления» без обеспечения гарантий в отношении правовой стабильности города.

6. Возрастание уровня противоречивости федерального законодательства становится примером для подражания — инициирует на местах аналогичное небрежение к противоречиям, формирует правовой нигилизм. Вот некоторые примеры. Пример первый: в некоторых регионах в прямом противоречии с федеральными законами введена плата за изменение одного вида на другие виды разрешенного использования земельных участков⁴¹. Пример второй: в некоторых регионах в прямом противоречии с частью 17 статьи 46 ГрК РФ для образования новых земельных участков из состава публичных земель применяются не проекты межевания территорий с градостроительными планами земельных участков (ГПЗУ) в составе таких проектов, но ГПЗУ в виде самостоятельных документов (без проектов межевания территории), то есть вне планировочного контекста «вырываются нужные куски земли» подобно тому, как это делалось посредством прежних процедур предварительного согласования мест размещения объектов. Аналогичная практика внесистемного подхода не упразднена и новой редакцией ЗК РФ, соответствующие нормы которого позволяют органам власти образовывать земельные участки без подготовки проектов межевания территории, а взамен подготавливать внесистемные документы — схемы земельных участков на кадастровой карте территории⁴². Таким образом, институт предварительного согласования мест разме-

щения объектов — прежний троянский конь для разрушения системного градорегулирования — несмотря на номинальное упразднение, фактически остается не упраздненным, его существование законодательно обеспечено в ином модифицированном виде. Пример третий: в правилах землепользования и застройки некоторых городов введена запись, прямо нарушающая базовые нормы федеральных законов, — запись, смысл которой заключается в том, что определенные градостроительными регламентами предельные параметры разрешенного строительства являются якобы не обязательными, но рекомендательными. Это прямое нарушение законов не пресекается ни на стадии проверки документа перед его принятием представительным органом местного самоуправления, ни в порядке упреждающего прокурорского надзора, а когда дело доходит до судебных разбирательств, то суды встают на сторону застройщиков, то есть фактически происходит узаконение прямого нарушения федерального законодательства. Парадокс данной ситуации состоит в том, что инструмент зонально-правового градорегулирования посредством его фактического упразднения обращается в инструмент противоположной системы — инструмент противоположной системы — инструмент бесконтрольного принятия индивидуальных решений должностными лицами (что, помимо прочего, не может не быть псевдоправовым основанием для проявлений коррупции). Не является ли данный парадокс символом состояния российского законодательства в недалеком будущем — состояния неразличимого смещения противоположного и друг друга отвергающего?

7. Наблюдавшееся в последние годы неуклонное возрастание уровня противоречивости федерального законодательства, не встречая препятствий, должно было достичь своего максимального проявления. В силу внутренней логики развертывания изучаемого процесса максимум в данном случае должен характеризоваться двумя признаками достижения самого высокого противоречия: 1) противоречия не только внутри законов и между законами, но и с Основным Законом; 2) противоречия не только по отдельным правовым институтам, но и с фундаментальными принципами правового градорегулирования относительно свободы выбора в формализованных предустановленных рамках. Поскольку

41 Доказательства незаконности такой практики см. Вопрос (51) [Вопрос 51..., 2014].

42 Указанное право органов власти возникает в силу отсутствия для них запрета подготавливать схемы земельных участков на кадастровой карте территории при отсутствии документации по планировке территории и без понуждения органов власти такую документацию подготавливать для образования земельных участков, что следует из совокупности норм: пункта 2 статьи 11.3, пунктов 4 и 5 статьи 11.10, подпункта 3 пункта 2 статьи 39.6 ЗК РФ.

«предопределенное логикой обречено стать практикой», то должны случиться и уже случились некоторые исторические события, которые предлагается рассмотреть.

Событие первое — перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и субъектами Российской Федерации. Посредством принятия Федерального закона⁴³ и вслед ему принимаемых региональных законов была создана ситуация, характеризующаяся следующими противоречиями: 1) органы местного самоуправления фактически принудительно, но формально как бы «по закону» лишаются своих полномочий вопреки положениям Конституции Российской Федерации⁴⁴; 2) декларируется, что перераспределение (а фактически — принудительное изъятие) полномочий осуществляется только в отношении тех полномочий, реализация которых не влияет на процесс планирования местного бюджета, но при этом не замечается, что такое разделение однозначным непротиворечивым образом невозможно осуществить ни теоретически, ни практически, особенно в отношении полномочий в сфере градостроительной деятельности; 3) основанные на указанном Федеральном законе региональные законы разделяют полномочия, которые разделить невозможно без порождения противоречивых ситуаций; так, например, субъект Российской Федерации забирает себе полномочие подготавливать генеральные планы, а полномочие утверждать генеральные планы остается у органов местного самоуправления; при этом как бы забывается, что последние не обязаны утверждать то, что они не подготавливали; это значит, что созданы правовые основания для возникновения будущих конфликтов, инструменты правового разрешения которых не толь-

ко не предусмотрены законодательством, но и не могут быть придуманы в силу исходного неустраняемого противоречия (кроме «подавления недовольства силой»), что чревато замораживанием конфликтов между различными уровнями публичной власти для их неотвратимого проявления в будущем, а также утверждением неэффективной, если не деструктивной, градостроительной политики [*Вопрос (55)...*, 2015; *Экспертное заключение...*, 2014].

Событие второе — предъявление законопроекта о внесении изменений в ГрК РФ в части совершенствования института планировки территорий. Этот законопроект уже упоминался в самом начале данной статьи по причине его особого положения: он является завершающей вершинной точкой на пути развертывания-свертывания деструктивной линии, номинально направленной на совершенствование законодательства. Главные новеллы этого законопроекта заключаются в следующем [*Заключение...*, 2014]: 1) предлагается сделать так, чтобы правила землепользования и застройки перестали рассматриваться как основание для проверки проектов документации по планировке территории на соответствие правовому режиму, установленному градостроительными регламентами в составе ПЗЗ; 2) без определения вводится новый термин «требования к застройке», наличие которого вместе с градостроительными регламентами (которые упразднять пока еще не предлагается) создает новую противоречивую ситуацию, когда не застройщик выбирает параметры застройки (в рамках заранее установленных формализованных градостроительных регламентов), но застройщику в административном порядке предписываются-указываются требования относительно принятия без выбора параметров застройки, то есть фактически такой выбор запрещается (вопреки разрешению выбора, уже давно предоставленному федеральными законами). Последнее положение входит в прямое противоречие с фундаментальными основами и ЗК РФ, и ГрК РФ (в его нынешней еще не до основания искаженной редакции)⁴⁵ — факти-

43 Речь идет о Федеральном законе от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

44 Речь идет о части 1 статьи 132 Конституции РФ: «Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения».

45 Законопроект вводит противоречия нормам ЗК РФ и действующей редакции ГрК РФ (пунктам 2 и 3 статьи 85 ЗК РФ, пункту 9 статьи 1, пунктам 3 и 4 части 1 статьи 30, части 1 статьи 36 ГрК РФ) в части неправомерного упразднения для застройщиков права выбора из возможностей, определенных градостроительными регламентами.

чески дает указание на упразднение условий для развертывания системы зонально-правового градорегулирования ради утверждения диаметрально противоположной системы точечно-административного градостроительства.

Требуемые логикой деструктивной линии, но еще не состоявшиеся акции по свертыванию законодательного обеспечения системы правового градорегулирования

Деструктивная линия не могла не завершить, а потому и завершила свое развертывание достижением максимальных вершин. По этой линии дальше двигаться уже некуда. Кроме совершения последней акции по упразднению того, что препятствует этой линии стать «чистой», перестать быть насквозь противоречивой, — акции по упразднению фундаментальных основ системы правового градорегулирования, основ, которые, однако, упразднить никак невозможно даже путем изменения соответствующих текстов в соответствующих законах: то, что неупразднено, будучи изгнанным в дверь (посредством изменения текстов законов), непременно вернется обратно через окно (через практику, понуждающую «обратно» изменить закон согласно неупразднимым смыслам). Таким образом, сложилась необычная ситуация: чтобы двигаться дальше, надо убрать противоречия, но эти противоречия никак невозможно устранить. Достигнуто то, что в обиходе обозначается словом «тупик». Спрашивается: как быть дальше?

Логический несобытийный прогноз дальнейшего развертывания законодательства о градостроительной деятельности

Логика предопределяет то, чему невозможно не случиться, но не определяет даты и конкретные формы ее проявлений в виде исторических событий. Поэтому ниже предлагается лишь логический прогноз дальнейшего развертывания смыслов в отношении законодательства о градостроительной деятельности, который проявится в предстоящих исторических событиях.

Поскольку от сегодняшнего дня продолжать движение в будущее по линии деструктивной логики дальше уже некуда, то логический диапазон возможностей для развертывания и материализации дальнейших событий истории будет определяться двумя

основными вариантами действий. Вариант первый: удовлетвориться достигнутым, не посягать на большее, но упорно продолжать умалчивать о законодательной противоречивости предстоящего периода. Вариант второй: не дать себе удовлетвориться достигнутым и продолжить движение дальше, а это значит, что на основе понимания смыслов, определяющих должное, необходимо приступить к устранению ранее сотворенных завалов противоречий, что с неотвратимой неизбежностью понудит к демонтажу всего, что было ошибочно наделано по реализации деструктивной линии, то есть приступить к осознанному и честному выстраиванию системы зонально-правового градорегулирования, окончательно отказавшись от пороков системы точечно-административного градостроительства.

Такова объективная логика: никаких иных вариантов, кроме промежуточных, составленных из причудливых смесей, не существует. Дальше логика будет перелазиться в историю предстоящих событий, что будет связано с особенностями психологии конкретных субъектов действия или бездействия. Если смотреть со стороны психологии, то станет очевидным, что реализация второго варианта в ближайшем будущем невозможна по той простой и банальной причине, согласно которой субъекты-инициаторы уже осуществленных деструктивных законодательных акций долго не будут (если вообще будут) признавать факты совершенных ошибок, но напротив — будут хранить и защищать от возражений убеждение в правильности избранного направления, несмотря на его противоречивость.

Остается первый вариант поддержания удовлетворенности достигнутым и упорного замалчивания правовой противоречивости переживаемого периода — вариант, при котором допускается возможность для периодических декоративных усовершенствований законодательства, для обозначения как бы движения вперед при фактическом стоянии на месте. Главным содержательным двигателем событий на ближайшее время станет реакция практики на накопленные и ранее как бы не замечавшиеся ошибки законодательства. По прошествии времени неизбежно будет достигнут некий критический объем негативных реакций, в ответ на которые неизбежно возникнут новые инициативы уже для второго цикла развертывания законода-

тельства. В свою очередь для этих инициатив уготованы две развилки. Первая развилка — это возвращение к неупразднимому второму варианту, реализация которого в ближайшее время будет менее вероятной, поскольку это связано с необходимостью проявления воли реформирования, возникающей на основе понимания реального положения дел в законодательстве. В силу того, что второй развилке уже невозможно не располагаться в области алогичного, то здесь еще раз должна быть достигнута максимальная степень противоположного по отношению к логике. Поскольку в данном случае нет ничего более нелогичного, чем стремление упразднить ГрК РФ, то именно на это и должны быть направлены законотворческие усилия. Должны быть явлены попытки не устранять противоречия, но еще более закамуфлировать противоречия действующего законодательства путем его фрагментации и привязки раздробленных фрагментов к различным «курирующим» ведомствам, в частности, путем упразднения кодифицированного закона — ГрК РФ — и выделения из него нескольких относительно автономных федеральных законов (о территориальном планировании, о зонировании, о планировке территории, об архитектурно-строительном проектирова-

нии и строительстве, о саморегулировании, о девелопменте и проч.) [Вопрос (54)..., 2015]. Очевидно, что такое решение, хотя и будет вполне логичным в области алогичного, но непременно станет миной замедленного действия, которая в предопределенное время даст о себе знать. Результатом будет возникшее на новом временном витке осознание необходимости возвращения к некогда начатому, заброшенному и забытому — к реализации второго неупразднимого варианта, но уже на следующем третьем цикле развертывания законодательства о градорегулировании, по прошествии длительного времени, значительная часть которого обречена быть растроченной впустую.

Подводя итог, можно сказать, что четвертьвековой период развертывания законодательства о градорегулировании, несмотря на сложности и противоречия, все же не окончательно пропал даром, но был полезен в отношении приобретения опыта законотворческой работы (опыта как положительного, так и отрицательного), опыта восприятия и созидания смыслов — опыта, который должен стать обязательным предметом изучения ради формирования ответственного мышления и профессионализма у новой генерации градоустроителей России.

Список литературы

- Абанкина И., Высоковский А., Трутнев Э. Развитие рынка недвижимости и оценка стоимости земли // Вопросы экономики. 1994. № 10. С. 90–100.
- Афанасьева Т., Трутнев Э., Якубович Е. Градостроительное законодательство России на пути реформ. Сравнительный анализ и концепция реформирования. М.: Фонд «Международный институт развития правовой экономики», 1996.
- Вопрос (51) Библиотека ответов на вопросы о градостроительной деятельности. URL: http://www.urbanecomomics.ru/news/?mat_id=1192 (дата обращения 02.12.2015)
- Вопрос (54) Библиотека ответов на вопросы о градостроительной деятельности. URL: http://www.urbanecomomics.ru/news/?mat_id=1112
- Вопрос (55) Библиотека ответов на вопросы о градостроительной деятельности. URL: http://www.urbanecomomics.ru/news/?mat_id=1112 (дата обращения 02.12.2015)
- Вопрос (58) Библиотека ответов на вопросы о градостроительной деятельности. URL: http://www.urbanecomomics.ru/news/?mat_id=1112
- Высоковский А.А. Правила землепользования и застройки: руководство по разработке. Опыт введения правового зонирования в Кыргызстане. Б.: «Ега-Басма», 2005.
- Высоковский А., Валлетта У. и др. Правовое зонирование. Опыт разработки правил землепользования и застройки в городах России. М., 1999.
- Высоковский А., Трутнев Э. Концепция правового зонирования города. Методы разработки на примере Хабаровска. М.: Фонд «Институт экономики города», 1999.
- Заключение Института экономики города на проект Федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории» (текст Законо-

- проекта по состоянию на конец мая 2015 года).
URL: http://www.urbanomics.ru/news/?mat_id=1191 (дата обращения 02.12.2015)
- Правила землепользования и застройки в Новгороде. Утверждены решением городской Думы от 19.12.1996 № 36.
- Трутнев Э.К. Использование городских территорий. Зарубежная и отечественная практика. М.: ВНИИТАГ, 1990.
- Трутнев Э.К., Бандорин Л.Е. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации: ответы на проблемные вопросы градостроительной деятельности. М.: Издательство «Экзамен», 2008.
- Трутнев Э.К. (рук.) Градорегулирование. Основы регулирования градостроительной деятельности в условиях становления рынка недвижимости. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008.
- Трутнев Э.К. (рук.) Правовые вопросы межевания и преобразования застроенных территорий жилого назначения. М.: Фонд «Институт экономики города», 2006.
- Трутнев Э.К. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации в части института территориального планирования, измененного Федеральным законом от 20.03.2011 № 41-ФЗ // Журнал «Имущественные отношения в Российской Федерации». 2011. № 8.
- Трутнев Э.К. Азбука градостроительного нормирования. М.: Институт экономики города, 2013.
- Трутнев Э.К. Городская среда: воздействие правовых норм на повышение качества. М.: Институт экономики города, 2014.
- Трутнев Э.К. Сбалансированность города: правовые аспекты // Городской альманах. М.: Институт экономики города, 2014.
- Трутнев Э.К., Бандорин Л.Е. Азбука землепользования и застройки. М.: Институт экономики города, 2010.
- Экспертное заключение Института экономики города на федеральный закон от 27 мая 2014 г. N 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»». URL: http://www.urbanomics.ru/news/?mat_id=1192 (дата обращения 02.12.2015)

Н. Б. КОСАРЕВА, А. С. ПУЗАНОВ, Т. Д. ПОЛИДИ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЖИЛИЩНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 34-55
<https://doi.org/10.17323/usp00201534-55>

Basic Tendencies in Housing Economics of Russian Cities

Авторы: Надежда Борисовна Косарева, кандидат экономических наук, Президент Фонда «Институт экономики города», научный руководитель, профессор Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ

Александр Сергеевич Пузанов, кандидат географических наук, Генеральный директор Фонда «Институт экономики города», профессор Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ

Татьяна Дмитриевна Полиди, Исполнительный директор, директор направления «Рынок недвижимости» Фонда «Институт экономики города»

Authors: Nadezhda Kosareva, PhD (Economics), President of The Institute for Urban Economics, Research Supervisor and Professor in Graduate School of Urbanism NRU HSE

Alexander Puzanov, PhD (Geography), General Director of The Institute for Urban Economics, Professor in Graduate School of Urbanism NRU HSE

Tatiana Polidi, Executive Director, Head of the Real Estate Market Department, The Institute for Urban Economics

E-mails: kosareva@urbaneconomics.ru
apuzanov@urbaneconomics.ru
polidi@urbaneconomics.ru

Abstract: Urban environment quality and quality of living patterns are the key factors for Russian cities' competitiveness increase. They both are to a large extent driven by the housing economy characteristics. The article provides analysis of basic trends in housing economy of Russian cities including:

- housing consumption;
- structure of housing and ownership rights;
- housing price dynamics and the level of housing affordability;
- condition of housing stock and utility infrastructure, investment in renovation of the housing stock;
- state of competition at housing market and supply elasticity to demand for differentiated and good quality urban environment;
- state regulation of the housing economy – support for demand and supply, taxation policies.

Keywords: housing, housing policy, housing fund, prices, competition, taxation, regulation, housing affordability, construction

Структура жилищного фонда в России по формам собственности

Согласно статистическим данным [Статистический сборник..., 2002; Жилищное хозяйство..., 2013], на конец 2012 г. общее количество жилых помещений в Российской Федерации составляло 61 538,1 тысяч с общей площадью 3 349 млн м². Основную долю жилых помещений составляют квартиры в многоквартирных домах (около 68% от общей площади жилищного фонда, или 73% от числа жилых помещений). Общее количество жилых помещений в многоквартирных домах на конец 2012 года составляло 44 761 тысяч, общая площадь таких жилых помещений – 2 291 млн м². Количество индивидуальных жилых зданий – 16 777 тысяч, их общая площадь – 1 058 млн м².

На конец 2012 года структура жилищного фонда в целом по формам собственности характеризовалась следующими параметрами:

- *государственный жилищный фонд – 3,7%;*
- *муниципальный жилищный фонд – 9,1%;*
- *частный жилищный фонд – 87%,
в том числе 83,5% – собственность граждан;*
- *жилищный фонд других форм
собственности – 0,2%.*

Таким образом, преобладающей формой собственности на жилищный фонд является частная собственность, при этом основными частными собственниками являются граждане. Юридическим лицам частной формы собственности принадлежит только 3,5% жилищного фонда.

Доля жилищного фонда частной формы собственности, начиная с 1991 года, постоянно растет, и этот рост обеспечивается увеличением доли жилых помещений в собственности граждан: если в 1990 г. доля жилищного фонда в собственности граждан составляла 81% от частного жилищного фонда, то в 2012 г. — 83,5%.

В наибольшей степени изменилась структура жилищного фонда по формам собственности в городском жилищном фонде. Доля жилых помещений, находящихся в собственности граждан, в период с 1990 до 2012 г. увеличилась с 15,1% до 81,6% (в расчете на общую площадь жилых помещений). В сельской местности доля жилищного фонда, находящегося в собственности граждан, выше, чем в городском жилищном фонде — 88,3%.

Количественные характеристики потребления жилья

За период 2000–2012 гг. произошло существенное увеличение обеспеченности общей площадью жилья, которая увеличилась на 22% в целом по России, в том числе на 21% в городской местности (таблица 1). В первое десятилетие 2000-х годов сократилось отставание России по этому показателю от развитых стран. Так, в 2000 г. обеспеченность общей площадью жилья составляла 29% от обеспеченности в США¹ (19,2 и 66,3 м² на человека соответственно), а в 2012 году — уже 34% (23,4 и 69,7 м² на человека соответственно). Увеличились показатели не только средней, но и медианной обеспеченности общей площадью жилья. Последняя составляла около 18,7 м² в 2000 г. и около 21,7 м² в 2012 г., т. е. увеличилась примерно на 16%. Разрыв между медианной и средней обеспеченностью общей площадью жилья увеличился с 0,97 в 2000 году до 0,93 в 2012 году².

В несколько меньшей степени — на 13,8% — увеличилась обеспеченность жилыми помещениями (жилыми единицами) в расчете на 1000 чел., что объясняется существенным превышением среднего размера вновь построенного жилья за период 2000–2012 гг. (≈ 80 м²) относительно средней площади жилой единицы в целом (≈ 50 м²). В целом по показателю обеспеченности жилыми помещениями Российская Федерация находится на средневропейском уровне.

1 Так как в 2000 г. обследование American Housing Survey не проводилось, а для 2012 г. данные на сегодняшний день недоступны, были использованы значения 1999 и 2011 гг. По соответствующим годам доля обеспеченности жильем в России от показателей США составила 29% и 33%.

2 Анализ динамики количественных характеристик потребления жилья в целом за период развития рыночной экономики приведен в: Н. Б. Косарева, Т. Д. Полиди, А. С. Пузанов, А. А. Туманов. Сравнительный анализ потребления и расходов в жилищной сфере [Косарева и др., 2011].

Таблица 1. Динамика обеспеченности жильем в Российской Федерации

	2000	2012
Средняя обеспеченность общей площадью жилья, м ² /чел.	19,2 ³	23,4 ⁴
в т. ч. в городских поселениях	18,9 ⁵	22,9 ⁶
в сельских поселениях	19,9 ⁷	24,8 ⁸
Обеспеченность жилыми помещениями, жилых единиц на 1000 чел.	377 ⁹	429 ¹⁰

К сожалению, существующая статистика не позволяет рассчитать обеспеченность жильем в отношении именно занятых жилых помещений. В связи с наличием пустующих жилых помещений, не выведенных из состава жилищного фонда, общие статистические данные по жилищному фонду в целом могут не вполне адекватно отражать сложившуюся ситуацию (в большей степени это характерно для сельской местности). Косвенная оценка обеспеченности общей площадью жилья в занятых жилых помещениях возможна на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 года, согласно которым средняя обеспеченность общей площадью жилья составила 19 м² на человека¹¹ (согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 года — также 19 м² на человека).

Таким образом, вопрос о динамике реальной жилищной обеспеченности населения не столь однозначен и требует проведения дополнительных исследований. В связи с этим представляется актуальным проведение переписи жилищного фонда Российской Федерации. В большинстве развитых стран такая перепись осуществляется одновременно с переписью населения.

Уровень обеспеченности жильем пока еще остается недостаточным по сравнению со многими другими западными странами. Чтобы выйти на показатель 35 кв. м¹² общей площади жилья на человека, России требуется увеличить объем жилищного фонда в 1,5 раза, а если принять во внимание необходимость замещения аварийного и ветхого жилищного фонда, реконструкции или замены морально устаревшего и недостаточно благоустроенного жилищного фонда, то потребность в новом жилищном строительстве составит около 75% от существующих объемов жилищного фонда.

Качественные характеристики потребления жилья. Состояние жилищного фонда

В целом за период с 2002¹³ по 2012 г. отмечается увеличение среднего возраста жилищного фонда. Если в 2002 году медианное домохозяйство по возрасту занимаемого жилого помещения проживало в жилом помещении, построенном

3 Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России, 2013, табл. 3.2.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же.

9 Рассчитано по данным: Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России, 2013.

10 Аналогично.

11 Том 9. Жилищные условия населения. Таблица 6.

12 Примерно соответствует нижней границе жилищной обеспеченности в странах Западной Европы.

13 Среди доступных соответствующих статистических данных самыми ранними оказались данные Всероссийской переписи населения 2002 года.

в 1974 году, т. е. за 28 лет до рассматриваемого года, то в 2012 году соответствующие показатели составили 1978 год и 34 года (рассчитано по данным таблицы 2). При этом если в 2002 году 14,2% населения проживали в жилье, построенном более 45 лет назад, то через 10 лет эта доля достигла приблизительно трети (31,3%¹⁴).

Таблица 2. Распределение населения по возрасту занимаемых жилых помещений (в %)

Доля населения, проживающего в домах, построенных:	2002¹⁵	2012¹⁶
До 1920	2,3	2,5
1921–1945	3,7	4,4
1946–1956	8,2	29,1
1957–1970	27,6	
1971–1995	52,1	42,0
После 1995	5,2	22,0

Само по себе «старение» жилищного фонда не означает однозначного ухудшения его физических параметров, однако в сочетании с имеющимися данными о снижении объемов капитального ремонта позволяет говорить о значимом ухудшении физических характеристик жилых зданий.

На протяжении всего периода 2000–2012 гг. объемы капитального ремонта в России оставались крайне низкими — менее 30% от соответствующих показателей конца 80-х годов¹⁷, когда объемы капремонта отвечали нормам технического содержания многоквартирных домов. Тем не менее, присутствовал заметный положительный тренд: увеличение общей площади отремонтированных жилых помещений с 3,8 млн м² в 2000 году до 17,3 млн м² в 2009 году¹⁸. Однако к 2014 году данный показатель снова снизился до отметки 2,8 млн кв. м¹⁹. Расчеты показывают, что в результате подобной динамики объемов капитального ремонта площадь жилищного фонда с износом более 30% (значение, являющееся начальной границей потребности многоквартирного дома в капитальном ремонте) на 2012 год составила около 1 250 млн м², или примерно 37% жилищного фонда Российской Федерации.

В то же время в рассматриваемый период произошло улучшение потребительских свойств жилищного фонда по двум основным направлениям:

- 1) *устойчивое сокращение доли населения, проживающего в коммунальных квартирах и общежитиях;*
- 2) *увеличение доли жилых помещений, обеспеченных основными коммунальными услугами и удобствами.*

Доля домашних хозяйств, проживающих в коммунальных квартирах, снизилась в 2,4 раза — с 2,4% в 2000 году до 1% в 2012 году. Следует подчеркнуть, что эта позитивная динамика была обеспечена именно развитием рыночных отношений в жилищной сфере. Поскольку значительная часть коммунальных квартир нахо-

¹⁴ Рассчитано методом линейного интерполирования по данным таблицы 1.4.

¹⁵ Всероссийская перепись населения 2002 года, том 11, табл. 4.

¹⁶ Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России, 2013, табл. 2.4.

¹⁷ В 1989 году было капитально отремонтировано 323,2 млн м² общей площади жилых помещений.

¹⁸ Российский статистический ежегодник, 2013, табл. 6.39.

¹⁹ Данные Росстата <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=33801>

дилась в центральных районах городов, привлекательных с точки зрения спроса, программы преобразования коммунальных квартир в отдельные с предоставлением проживавшим в них гражданам других отдельных квартир оказались выгодны для агентов рынка жилья.

Обеспеченность жилых зданий основными коммунальными услугами и удобствами увеличилась за рассматриваемый период на 5–25% (таблица 3). В частности, обеспеченность жилых зданий ваннами или душем возросла с 64% до 67% (увеличение на 5%), а обеспеченность напольными электроплитами — с 16% до 20% (увеличение на 25%).

Таблица 3. Динамика обеспеченности жилых зданий основными коммунальными услугами (в %)

Доля населения, проживающего в жилых зданиях, обеспеченных:	2000 ²⁰			2006 ²¹			2012 ²²		
	Всего	Гор.	Сельск.	Всего	Гор.	Сельск.	Всего	Гор.	Сельск.
Водопроводом	73	86	39	76	88	44	79	90	49
Канализацией	69	84	30	72	86	34	74	88	40
Отоплением	73	87	37	81	91	54	84	92	61
Ваннами (душем)	64	79	24	66	81	26	67	81	29
Газом	70	69	74	70	68	75	68	66	74
Горячим водоснабжением	59	75	17	63	79	22	66	80	27
Напольными электроплитами	16	21	3	18	23	3	20	26	4

Доминирующая часть многоквартирных домов в стране (около 98%) представлена так называемыми «кондоминиумами», то есть совокупностями жилых и нежилых помещений, находящихся в собственности различных лиц (граждан, органов местного самоуправления и других). Огромная сложность организации скоординированного спроса таких собственников на управление многоквартирным домом приводит к многочисленным проблемам.

Конкурентный рынок услуг профессиональных управляющих компаний по комплексному управлению, предполагающему обеспечение текущего потребления жилищных и коммунальных услуг, включая своевременное проведение текущего и капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, к настоящему времени не сформирован.

Все это проявляется в плохом состоянии жилищного фонда, 3% которого официально признано ветхим или аварийным. Состояние жилищного фонда продолжает ухудшаться: ежегодный дополнительный износ жилищного фонда превышает инвестиции в его восстановление, по имеющимся оценкам, в пять раз.

Уровень доступности жилья

В качестве интегрального показателя доступности жилья, учитывающего влияние как доходов и цен на жилье, так и условий ипотечного кредитования, используется показатель «доля семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующую...

²⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России, 2003, табл. 9.10.

²¹ Социальное положение и уровень жизни населения России, 2007, табл. 9.6.

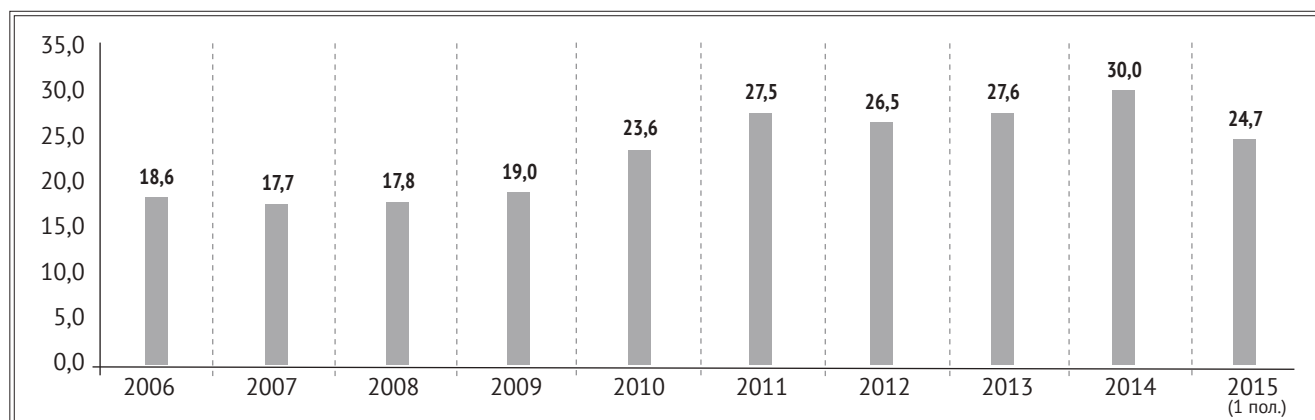
²² Социальное положение и уровень жизни населения России, 2013, табл. 9.13.

ющее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств»²³.

Данный показатель рассчитывается путем определения минимального совокупного среднемесячного дохода семьи из трех человек, необходимого для приобретения стандартного жилья за счет собственных и заемных средств, и последующего сравнения полученного результата с данными о распределении домохозяйств по уровню среднемесячного дохода²⁴.

В 2004 г. значение данного показателя составляло 9% и увеличилось к 2006 г. до 18,6%. В 2007–2008 гг. из-за опережающего роста цен по сравнению с доходами населения и несмотря на улучшение условий кредитования доля семей, которым доступно приобретение жилья, снизилась до уровня 17,7–17,8%. Начиная с 2009 г. вновь наблюдалось повышение рассматриваемого показателя до 27,5% в 2011 г. Это связано в первую очередь с положительной динамикой соотношения цен на жилье и доходов населения и постепенным снижением процента по ипотечным кредитам. Однако в 2013 г. в связи с замедлением динамики трендов процентной ставки, а также ощутимым падением средневзвешенного срока кредитования снизился и уровень доли семей, которым доступно приобретение жилья, — до 27,6%.

В 2014 году показатель достиг максимального значения за последнее десятилетие, порядка 30% семей могли приобрести жилье с помощью собственных и заемных средств. Такой уровень стал результатом опережающего роста доходов населения по сравнению с ростом цен на жилье, а также снижения ставок и увеличения сроков ипотечного жилищного кредитования. Ужесточение условий ипотеки в части размера ставок кредитования в 1-й половине 2015 года, особенно в 1-м квартале 2015 года, стало причиной сокращения возможностей населения по приобретению жилья. Рассматриваемый показатель доступности жилья снизился до 24,7% домохозяйств, что сопоставимо с уровнем 2010 года (см. рис. 1).

Источник: Росстат, АИЖК, Банк России, Институт экономики города

Рис. 1. Доля семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств, 2006 – 1-е полугодие 2015 г. (в %)

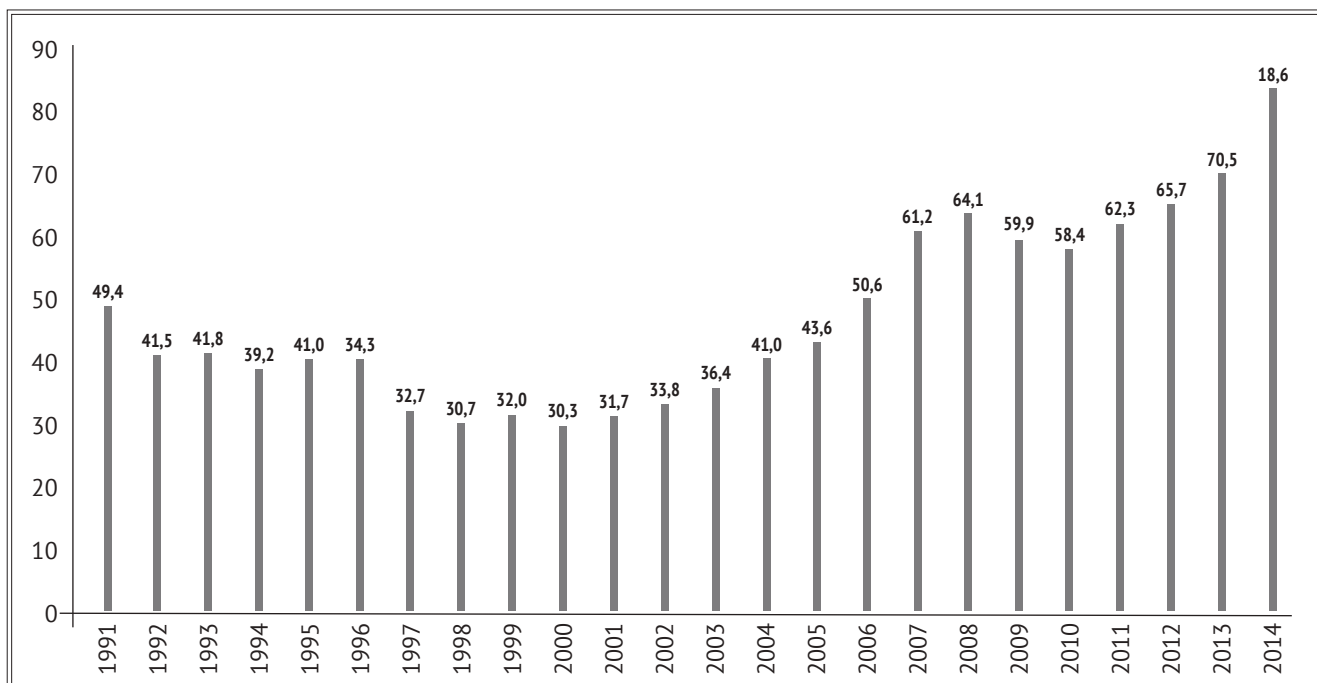
²³ В настоящее время данный показатель, разработанный экспертами фонда «Институт экономики города», является одним из целевых показателей ФЦП «Жилище». Более подробно о различных показателях доступности жилья см. Косарева Н., Туманов А. Об оценке доступности жилья в России [Косарева, Туманов, 2007].

²⁴ Долю домохозяйств с совокупным доходом выше минимального можно было бы определить исходя из данных о распределении домохозяйств по уровню среднемесячного дохода. Но ввиду отсутствия официальных данных о распределении домохозяйств по уровню среднемесячного дохода в расчетах используются данные о распределении населения по уровню среднедушевого месячного дохода, с которым сравнивается минимальный совокупный доход семьи из трех человек в расчете на одного члена семьи.

В целом ценовые тенденции на рынке жилья развиваются в тесной связи с динамикой доходов населения — основных инвесторов и потребителей жилья. В период экономического рывка 2000–2007 гг. реальные цены на жилье росли в среднем на 7% в год — так же, как экономика в целом. Далее значительно более умеренные темпы роста ВВП (2–3% в год) обусловили и стабилизацию цен на жилье. Рост реальных цен на жилье обусловлен, главным образом, дисбалансом спроса и предложения и не отражает эволюции качества жилья.

Особенности рынка жилищного строительства

Сложившийся сектор профессиональных застройщиков производит чуть более половины от объемов ввода жилья в год (в 2014 г. — 48 млн м²). Граждане — непрофессиональные застройщики — строят практически такой же объем жилья (в 2014 г. — 36,2 млн м²). Такое соотношение наблюдалась в России в советское время до 1958 года, в дальнейшем бум индустриального строительства, и доля «жилищного самостроя» резко упала. Другими словами, с развитием рыночных отношений структура сектора жилищного строительства в России по основным рыночным игрокам (профессиональные застройщики и непрофессиональные застройщики — граждане) вернулась на 70 лет назад, хотя объемы ввода жилья в 2014 году (84,2 млн м²) впервые превысили максимальный уровень советского периода — 76 млн м² в 1988 году (рис. 2).

Источник: Росстат

Рис. 2. Объемы строительства жилья в России в 1991–2014 гг. (млн м²)

Доля индивидуального жилищного строительства в последнее десятилетие прошлого века возросла в 4 раза и достигла около 40% общего ввода жилья, стабилизировавшись на этом уровне в течение последних 15 лет (рис. 3).

Следует подчеркнуть, что индивидуальное жилищное строительство доминирует в сегменте ввода 1- и 2-этажных домов, где практически не представлены профессиональные застройщики. Доля таких домов, построенных профессиональными участниками рынка, составила в 2010 г. только 4% от общего количества

ввода таких домов (7,6 тыс. домов, или 1,6 млн м²). В целом жилые (немногоквартирные) дома, построенные профессиональными участниками рынка (с учетом жилых домов, имеющих более двух этажей), составили в 2010 г. 6% общего ввода жилья (около 3,5 млн м², в том числе 0,7 млн м² — в коттеджных поселках)²⁵.

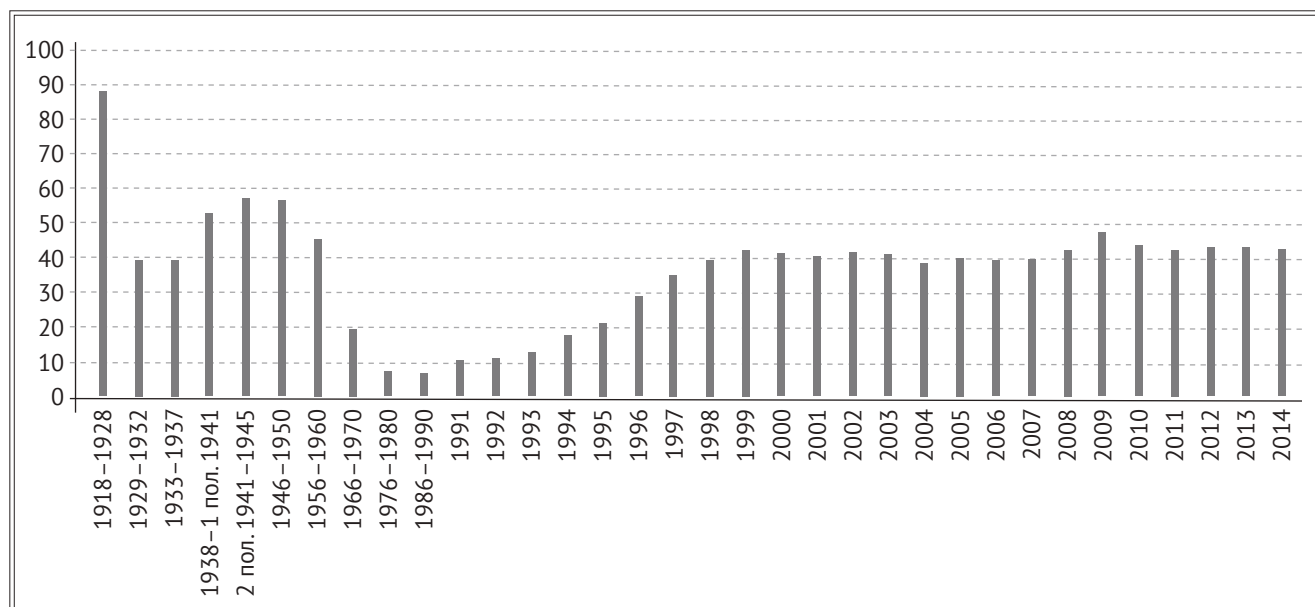

Рис. 3. Доля индивидуального жилищного строительства в общем объеме ввода жилья в России в 1918–2014 гг. (в %)

До 2000 года жилищное строительство в российских городах осуществлялось в основном в форме точечной застройки внутри сложившихся жилых массивов (до введения необходимого регулирования градостроительной деятельности), а в период экономического бума — в форме крупных проектов комплексного освоения «зеленых полей», предполагающих строительство типовых многоэтажных домов без обеспечения в достаточной степени благоустройства территорий и транспортной доступности таких новых районов.

К концу первого десятилетия 2000-х годов выявились экономические границы «расползания» городов в формате комплексного освоения их окраинных территорий (рыночные цены на жилье уже не могут окупить столь высокие затраты на строительство новой инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры), и наметилось зарождение тенденции редевелопмента существующей застройки — строительство взамен сноса ветхого жилья в границах застроенных территорий. Однако до настоящего времени около 97% нового жилья все еще строится на свободных земельных участках и не связано со сносом или реконструкцией ветхого жилья.

Таким образом, городская среда и планировка территории российских городов пока сохраняют отпечаток «административного градостроительства», в том числе дефицит общественных пространств, малого розничного бизнеса на городских улицах, перепады плотности застройки между центром и окраинами, влекущие многочасовые пробки на дорогах [Kosareva, Puzanov, 2012: 262–277].

Пока слабые достижения рынка в сфере жилищного строительства демонстрирует и крайне низкая вовлеченность финансовых институтов в этот сектор. До 70%

²⁵ Рассчитано авторами по данным формы С-1 федерального государственного статистического наблюдения.

инвестиций в строительство жилья профессиональные застройщики привлекают от населения напрямую, разделяя инвестиционные риски с теми, кто менее всего способен ими управлять. Напомним, что примерно столько же жилья строится населением и без привлечения профессиональных девелоперов. Банки не стремятся к развитию проектного финансирования и оценивают риски кредитования населения значительно ниже, чем риски кредитования девелоперов под залог проектов жилищного строительства.

Объем жилищного строительства в последнее десятилетие «застыл» на одном и том же уровне относительно реальных доходов населения — 1,6–1,8 м² на 1 млн руб. доходов населения (в начале 2000-х годов значение показателя составляло более 2 м²), что косвенно свидетельствует об отсутствии конкуренции на этом рынке [Косарева и др., 2013].

Основной проблемой для развития жилищного строительства остается сложность подключения к коммунальной инфраструктуре, что требует огромных инвестиций, в первую очередь частных. Привлечение частных инвестиций в развитие коммунальной инфраструктуры сдерживается высокими рисками, связанными в первую очередь с системой тарифного регулирования.

В соответствии с концепцией законодательства, затраты на создание коммунальной инфраструктуры должны нести сетевые организации, окупая такие затраты, в основном, за счет выручки от продажи коммунальных услуг потребителям и лишь частично — за счет платы застройщика за подключение (технологическое присоединение) к сетям. Этот подход соответствует принципу распределения крупных инвестиционных затрат во времени. Однако поскольку сфера установления тарифов является регулируемой государством, то такие тарифы ограничиваются административно-политическими решениями в целях сдерживания роста платежей населения за коммунальные услуги, что не позволяет сетевым компаниям планировать инвестиционный процесс и финансировать затраты на создание инфраструктуры в соответствии с потребностями нового жилищного строительства.

В результате в практике жилищного строительства реализуется другой подход — финансирование таких затрат за счет застройщика, а в конечном счете — за счет покупателей нового жилья. В результате вопросы присоединения к коммунальной инфраструктуре в основном решаются в форме неформальных переговоров между застройщиком и коммунальной организацией, что очевидно сдерживает развитие конкуренции.

Реформированию системы градорегулирования и землепользования, которая является основой для развития конкуренции в жилищном строительстве, противодействуют как административная система, которая приватизирует ренту в земельной и строительной сферах, так и пассивность сообщества застройщиков, которые уже получили доступ на рынок строительства и сформировали устойчивые каналы связи с административной системой. В результате рынок жилищного строительства отличается высокой степенью зависимости от административных органов, высокими административными барьерами, высокими рисками и низкой прозрачностью для инвестирования и кредитования.

Анализ предоставления на аукционах земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (80% земель населенных пунктов), для жилищного строительства или комплексного освоения в целях жилищного строительства показывает, что в большинстве случаев права на земельные участки предоставляются по цене существенно ниже возможной рыночной оценки таких земельных участков (по оценкам, почти в 2 раза). Вместе с тем такие земельные участки часто обременены дополнительными условиями, повышающими издержки застройщиков, а сами аукционы проводятся с нарушением требований федерального законодательства. Таким образом, дисконт в цене земельных участков отражает как дополнительную нагрузку на застройщика, так и возможные теневые отношения органов государственной власти, органов местного самоуправления и застройщиков.

Избыточные административные барьеры в жилищном строительстве также препятствуют входу застройщиков на этот рынок. При строительстве одного многоквартирного дома застройщикам в среднем необходимо пройти 100 административных процедур, потратив на это порядка 3 лет и 25 млн рублей, включая затраты на подключение к коммунальным сетям (в среднем — 21 млн рублей). При этом такие расходы составляют в среднем 10% от стоимости строительного проекта, а в некоторых городах достигают 30% стоимости проекта. В среднем 2/3 необходимых согласований и разрешений установлены местными или региональными властями в противоречии с федеральным законодательством²⁶.

Государственное регулирование жилищной экономики

Оценка объема расходов расширенного бюджета Российской Федерации в сфере жилищного обеспечения граждан

Для оценки объемов расходов расширенного бюджета Российской Федерации в сфере жилищного обеспечения в период 2006–2012 гг. были оценены бюджетные и квазибюджетные расходы в сфере обеспечения жильем граждан по следующим основным направлениям:

- 1) *программные расходы государственных (федеральных целевых) программ по финансированию жилищного строительства (капитальные вложения) и содействию обеспечению жильем отдельных категорий граждан (социальные выплаты), в том числе с учетом софинансирования региональных программ;*
- 2) *квазибюджетные расходы Государственной корпорации — Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства по переселению граждан из аварийного жилищного фонда (далее также — Фонд ЖКХ) с учетом софинансирования программ переселения из региональных и местных бюджетов;*
- 3) *расходы по строительству жилья в целях бесплатного предоставления жилых помещений по договорам социального найма гражданам, признанным малоимущими, и иным установленным законодательством категориям граждан (непрограммные расходы местных бюджетов и бюджетов городов федерального значения);*
- 4) *иные расходы региональных и местных бюджетов по финансированию жилищного строительства (капитальные вложения) и содействию обеспечению жильем отдельных категорий граждан (социальные выплаты), не предполагающие софинансирования из федерального бюджета;*
- 5) *иные расходы федерального бюджета по жилищному обеспечению жильем отдельных категорий граждан, в том числе военнослужащих и приравненных к ним категорий.*

Основные программные расходы федерального бюджета по финансированию жилищного строительства (капитальные вложения) и содействию обеспечению жильем отдельных категорий граждан (социальные выплаты) в рассматриваемый период были предусмотрены в рамках федеральных целевых программ «Жилище» и «Социальное развитие села до 2013 года».

Бюджетные расходы в рамках указанных федеральных целевых программ происходят в формах бюджетных инвестиций (капитальных вложений) и социальных выплат отдельным категориям граждан. Анализ соотношения бюджетных расходов, направляемых на капитальные вложения и на социальные выплаты, показывает увеличение доли расходов, направляемых на социальные выплаты отдельным категориям граждан. В целом по двум рассматриваемым федеральным

²⁶ Более подробно см.: Полиди Т. Д. Жилищное строительство в России: инвестиционный климат и административные барьеры [Полиди, 2014].

целевым программам доля социальных выплат увеличилась с 38% в 2006 году до 76% в 2012 году.

Социальные выплаты, осуществляемые в рамках ФЦП «Жилище» на 2011–2015 годы, направлены на выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем:

- 1) *категорий граждан, установленных федеральным законодательством (военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, подлежащих увольнению с военной службы, и приравненных к ним лиц; выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей; вынужденных переселенцев и др.);*
- 2) *отдельных категорий граждан (государственных гражданских служащих, прокуроров и следователей, молодых ученых и др.);*
- 3) *иных категорий граждан на основании решений Президента Российской Федерации и решений Правительства Российской Федерации;*
- 4) *молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий.*

В рамках программы по переселению граждан из аварийного жилищного фонда Фондом ЖКХ с 2008 года софинансируются региональные программы по строительству жилья для переселяемых граждан, отвечающие требованиям, установленным Фондом ЖКХ в рамках существующего законодательства. Средства Фонда ЖКХ были сформированы путем перечисления взноса в уставный капитал Фонда ЖКХ из средств федерального бюджета в 2007 году, поэтому в контексте настоящего анализа они рассматриваются как квазيبюджетные средства, направляемые на капитальные вложения. Объемы средств, выделяемых на реализацию программ по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, достигли своего пика в 2011 году (39,8 млрд руб.), после чего в 2012 году сократились до минимального объема за весь рассматриваемый период — 22,1 млрд руб.

Объемы нового *строительства жилищного фонда социального использования* составили в 2010 году только 1,4 млн м² из 11,0 млн м² вновь построенного жилья, предоставленного семьям, состоявшим на жилищном учете²⁷. Соответствующие бюджетные расходы могут быть оценены в объеме 43,2 млрд руб. Часть граждан, состоящих на жилищном учете, улучшает свои жилищные условия путем получения жилых помещений в собственность с использованием бюджетных субсидий на приобретение жилья, льготных программ жилищного кредитования, покупки жилья в рассрочку и других программ, предполагающих использование собственных средств «очередника».

Помимо участия в реализации федеральных целевых программ и реализации полномочий по обеспечению жильем малоимущих и иных установленных законом категорий граждан региональные и местные бюджеты, как правило, предусматривают расходы на реализацию собственных программ по жилищному обеспечению приоритетных для региона, муниципалитета категорий граждан (в основном, работников бюджетной сферы). Для целей настоящего анализа предположим, что объем таких расходов соответствует объему расходов региональных и местных бюджетов, софинансируемых в рамках федеральных программ за соответствующий год.

Данные по *иным расходам федерального бюджета по жилищному обеспечению отдельных категорий граждан, в том числе военнослужащих и приравненных к ним категорий, не входящим в рассмотренные федеральные программы*, приведены в таблице 4. К сожалению, такие данные в доступной для обработки форме оказались доступны только за 2012 год (последний год рассматриваемого периода).

27 По данным формы 4-жилфонд за 2010 год.

Таблица 4. Расходы федерального бюджета по жилищному обеспечению отдельных категорий граждан, не входящие в ФЦП «Жилище» и ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года», в 2012 году

Категория и наименование расходов	Объем расходов, млн руб.	Доля от всех расходов, процентов
Социальные выплаты	46 465,4	28,1
Субсидии гражданам на приобретение жилья	9 062,4	5,5
Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих	37 403,0	22,6
Бюджетные инвестиции	114 806,9	69,4
Строительство и приобретение жилых помещений для постоянного проживания имеющих специальные звания сотрудников федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена служба, приравненная к военной	31 137,9	18,8
Обеспечение военнослужащих федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, служебными жилыми помещениями и жилыми помещениями в общежитиях	83 669,0	50,6
Прочие расходы	4 096,7	2,5
ИТОГО	165 368,2	100

Источник: Информация об исполнении федерального бюджета за 2012 год

Как видно из таблицы, совокупный объем расходов федерального бюджета по жилищному обеспечению отдельных категорий граждан, в том числе военнослужащих и приравненных к ним категорий граждан; не входящих в ФЦП «Жилище» и ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года», составил в 2012 году около 165 млрд руб., что практически совпадает с оценкой объема бюджетных расходов на жилищное обеспечение граждан по всем прочим направлениям расходов. Можно предположить, что такое соотношение было характерно и для предшествующих периодов.

Кроме того, при оценке бюджетных расходов в сфере жилищного обеспечения граждан следует учитывать *перечисление средств материнского (семейного) капитала* семьям-участницам программы, поскольку, по существующим оценкам, до 95% перечисленных средств было использовано на улучшение жилищных условий.

Общая оценка бюджетных расходов в сфере жилищного обеспечения граждан по основным направлениям таких расходов приведена в таблице 5.

Проведенные расчеты показывают, что совокупный объем бюджетных расходов (включая квазибюджетные расходы Фонда ЖКХ) на жилищное обеспечение граждан, существенно — более чем в 2,5 раза — увеличившись в 2006–2009 годах, в период 2009–2012 гг. оставался достаточно стабильным и колебался в диапазоне 410–460 млрд руб. в год.

Таким образом, общий объем расходов расширенного бюджета Российской Федерации в сфере жилищного обеспечения граждан составил в 2012 году около 410 млрд руб. в год, или около 0,67% ВВП Российской Федерации.

Из общего объема расходов расходы на поддержку предложения (бюджетные инвестиции в капитальное строительство и приобретение жилья в целях жилищного обеспечения отдельных категорий граждан) составляют 198 млрд руб., или около 48% всех бюджетных и квазибюджетных расходов в данной сфере.

Расходы на поддержку спроса на жилье (социальные выплаты отдельным категориям граждан, включая перечисление средств материнского (семейного) капитала, накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих) составили около 207 млрд руб., или около 50% всех бюджетных расходов в данной сфере²⁸.

Таблица 5. Оценка бюджетных расходов в сфере жилищного обеспечения граждан по федеральным целевым программам, программам переселения из аварийного жилищного фонда, расходам на строительство жилых помещений, предоставляемых по договору социального найма, прочим расходам региональных и местных бюджетов, млрд руб. (в текущих ценах)

Категория расходов	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Расходы по федеральным целевым программам «Жилище» и «Социальное развитие села до 2013 года» ²⁹	45,0	62,5	85,5	83,8	80,8	84,4	83,2
Расходы по программам переселения из аварийного жилищного фонда, софинансируемым из средств Фонда ЖКХ	0,0	0,0	28,8	38,1	28,9	39,8	22,1
Расходы на строительство жилых помещений, предоставляемых по договору социального найма	26,1	24,7	26,6	35,1	43,2	43,2 ³⁰	43,2 ³¹
Прочие расходы региональных и местных бюджетов по жилищному обеспечению граждан ³²	6,3	16,3	10,2	10,3	10,8	21,2	14,6
Итого по федеральным целевым программам, программам переселения из аварийного жилищного фонда, расходам на строительство жилых помещений, предоставляемых по договору социального найма, прочим расходам региональных и местных бюджетов	77,4	103,5	140,9	167,3	163,7	188,6	163,1
Иные расходы федерального бюджета по жилищному обеспечению отдельных категорий граждан, в том числе военнослужащих и приравненных к ним категорий, не входящие в рассмотренные федеральные программы (оценка)	78,5	104,9	142,9	169,6	166,0	191,2	165,4
Расходы на перечисление средств по заявлениям о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала, направляемым на улучшение жилищных условий (оценка)	0,0	35,6	64,4	106,5	89,6	79,0	81,8
ИТОГО	155,9	244,0	348,2	443,4	419,3	458,8	410,3

28 Расходы в объеме 5 млрд руб. невозможно однозначно привязать к мерам поддержки спроса либо поддержки предложения на рынке жилья.

29 Без расходов на мероприятия по обеспечению условий для привлечения долгосрочных ресурсов и увеличения объемов предоставления долгосрочных ипотечных жилищных кредитов и займов населению (взносы из средств федерального бюджета в уставный капитал ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию» и государственные гарантии по привлекаемым кредитам).

30 Оценка.

31 Оценка.

32 Оценка.

Оценка объема расходов расширенного бюджета Российской Федерации в сфере поддержки производства и потребления жилищно-коммунальных услуг

Оценка суммарного объема бюджетных и квазибюджетных расходов на поддержку производства и потребления жилищно-коммунальных услуг по основным категориям таких расходов приведена в табл. 6.

Таблица 6. Оценка совокупных бюджетных расходов на поддержку производства и потребления жилищно-коммунальных услуг по направлениям затрат, млрд руб. (в текущих ценах)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ВСЕГО	н.д.	н.д.	662,7	647,6	706,4	835,2	781,9
Расходы, связанные с оплатой ЖКУ населению	219,8	258,9	296,5	323,7	355,1	404,5	409,3
• компенсация разницы между экономически обоснованными тарифами и тарифами для населения	72,3	95,8	113,6	97,9	96,3	107,9	105,1
• социальная поддержка по оплате ЖКУ (льготы)	103,2	118,1	138,6	173,3	203,5	238,6	248,0
• жилищные субсидии	44,3	44,9	44,2	52,4	55,4	57,9	56,2
Компенсация затрат из федерального бюджета на содержание объектов ЖКХ, принятых в муниципальную собственность	6,7	0,9	1,1	0,8	0,7	0,6	0,3
Финансирование замены изношенных основных фондов (в том числе – сетей), развития и модернизации ЖКХ	18,0	18,8	23,0	16,9	17,0	17,5	12,3
Затраты на капитальный ремонт многоквартирных домов	48,0	68,2	122,6	136,5	118,5	77,1	122,6
Расходы по благоустройству	н.д.	н.д.	219,6	169,7	215,0	335,6	237,4

Источник: Росстат: формы № 22-жкх (сводная), 26-жкх, 22-жкх (субсидии), 1-КР, данные Федерального казначейства

Данные таблицы 6 показывают, что общий объем рассматриваемых расходов в последние годы рассматриваемого периода был достаточно стабилен. В 2012 году совокупные бюджетные расходы на поддержку производства и потребления жилищно-коммунальных услуг составили 788,3 млрд руб., или около 1,3% ВВП.

Из общего объема расходов к инвестиционным расходам можно отнести расходы на капитальный ремонт многоквартирных домов, модернизацию и развитие коммунального комплекса. В 2012 году такие расходы составили 141,3 млрд руб., или 17,9% всех бюджетных расходов на поддержку производства и потребления жилищно-коммунальных услуг.

Расходы на поддержание текущего состояния жилищно-коммунальной сферы составили в 2012 году 409,6 млрд руб., или 52% всех бюджетных расходов на поддержку производства и потребления жилищно-коммунальных услуг. Из этих расходов 304,2 млрд руб. можно отнести к расходам на поддержку спроса на жилищно-коммунальные услуги (льготы и субсидии по оплате жилищно-коммунальных услуг), а 105,4 млрд руб. — к расходам, направленным на воздействие на уровень цен на рынке жилищно-коммунальных услуг.

Расходы по благоустройству (около 30% всех бюджетных расходов в жилищно-коммунальной сфере) представляют собой комплексные расходы, направленные как на поддержание текущего состояния, так и на расширенное воспроизводство в жилищно-коммунальной сфере.

Общая оценка государственных расходов в жилищной сфере

Проведенный анализ позволяет оценить сложившийся объем бюджетных расходов в жилищной и жилищно-коммунальной сферах в размере 1–1,2 трлн руб. ежегодно (табл. 7). Таким образом, в 2012 году совокупные бюджетные расходы в жилищной и жилищно-коммунальной сферах составили 1,97% ВВП России. Это примерно соответствует уровню бюджетных расходов в европейских странах с похожими моделями организации жилищной сферы, например, Швеция — 2,01% ВВП, Нидерланды — 2,31% ВВП [Boelhouwer, 2003]. Однако если в этих странах большую часть (от 2/3 до 3/4) расходов составляют инвестиции в создание новых и поддержание существующих объектов жилой недвижимости, то в России наоборот — большая часть всех бюджетных расходов в жилищной сфере направляется на поддержку текущего производства и потребления жилищно-коммунальных услуг (66% в 2012 г.).

Большая часть всех бюджетных расходов в жилищной и жилищно-коммунальной сферах направляется на поддержку производства и потребления жилищно-коммунальных услуг, при этом крупнейшей статьёй расходов продолжают оставаться расходы на финансирование льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг населением (около 20% всех бюджетных расходов в жилищной и жилищно-коммунальной сферах).

Большая часть бюджетных расходов на жилищное обеспечение граждан используется на поддержку приобретения жилья в собственность, иные формы обеспечения граждан жильем пока слабо поддерживаются государством (за исключением бюджетных расходов на строительство социального жилья, а также специализированного жилищного фонда для военнослужащих).

Если же рассматривать не только прямые бюджетные расходы, но и выпадающие бюджетные доходы, то с учетом имущественных налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц при приобретении гражданами жилых помещений в собственность (в 2012 г. такие вычеты были предоставлены в объеме 212 млрд руб. гражданам с доходами, позволяющими им и без таких вычетов приобрести жилье в собственность) ежегодно на поддержку приобретения гражданами жилья в собственность направляется более 500 млрд руб.

Такой приоритет бюджетных расходов на поддержку приобретения жилья в собственность граждан снижает возможности развития иных форм удовлетворения жилищных потребностей граждан (найма жилья, жилищно-строительной кооперации).

Таблица 7. Оценка совокупных бюджетных расходов в жилищной и жилищно-коммунальной сферах, млрд руб. (в текущих ценах)

	2008	2009	2010	2011	2012
Расходы на поддержку жилищного обеспечения граждан	348,2	443,4	419,3	458,8	410,3
Расходы на поддержку производства и потребления жилищно-коммунальных услуг	662,7	647,6	706,4	835,2	781,9
Итого	1 010,9	1 091,0	1 125,7	1 294,0	1 192,2

Источник: Росстат: формы № 22-жкх (сводная), 26-жкх, 22-жкх (субсидии), 1-КР, данные Федерального казначейства

Оценка диспропорций совокупных расходов в жилищной сфере

Совокупные текущие и инвестиционные расходы в жилищной сфере складываются из расходов домохозяйств, организаций и государства. При оценке расходов государства следует учитывать, что расходы, направленные на стимулирование спроса на приобретение жилья (социальные выплаты), не являются конечными расходами и должны быть учтены как расходы домохозяйств или организаций. Также при оценке совокупных расходов не учитываются расходы на благоустройство территорий. Соответственно из 1,2 трлн руб. совокупных бюджетных расходов в 2012 году (табл. 7) при анализе совокупных расходов учитываются только 745 млрд, из которых 410 млрд руб. могут быть отнесены к текущим расходам и 335 млрд руб. — к инвестиционным (бюджетные инвестиции).

Совокупные (текущие и инвестиционные) расходы в жилищной сфере увеличились в 2000–2012 гг. в номинальном выражении с 0,5 трлн руб. до 3,9 трлн руб., при этом их доля в ВВП несколько снизилась — с 6,7% до 6,3%. Вместе с тем существенные изменения претерпевала структура таких расходов — инвестиционная составляющая увеличилась в этот период с 38% до 54%.

Однако данные инвестиции преимущественно направляются на увеличение объема жилищных активов, а не на обеспечение их необходимого состояния. Тем самым продолжается ранее сложившаяся тенденция, когда темпы увеличения жилищного фонда опережают темпы увеличения объема восстановительных инвестиций в жилищной сфере. Недофинансирование восстановительных инвестиционных вложений в жилищную сферу, стабильно усугубляющееся наращиванием объема жилищного фонда, является фундаментальной причиной отмеченного ухудшения состояния жилищного фонда и коммунальных сетей.

Указанный вывод о нарастании экономических диспропорций (искажений) в жилищной сфере подтверждается следующими оценками:

- 1) инвестиции в восстановление существующего жилищного фонда (капитальный ремонт, реконструкция, строительство новых жилых зданий взамен снесенных ветхих зданий) снизились с 30% в 2000 году до 13% в 2012 году от инвестиций в создание дополнительного жилищного фонда (строительство новых жилых зданий на территориях, не занятых ранее жильем); в результате разрыв между необходимым объемом текущих (годовых) восстановительных инвестиций в жилищной сфере и фактическим объемом таких инвестиций постоянно возрастает;*
- 2) постоянный дефицит текущих восстановительных инвестиций в жилищной сфере привел к созданию накопленного дефицита таких инвестиций, который в 2012 году оценивается в объеме 22,6 трлн руб., или 36% ВВП;*
- 3) доля потребленного жилищного фонда — площади жилищного фонда, соответствующая доле невозмещенного за счет восстановительных инвестиций износа жилищного фонда за вычетом 15%³³ — увеличилась с 2000 по 2012 годы с 15% до 18,5%. Доля потребленных коммунальных сетей увеличилась за данный период в среднем с 27% до 37% от общей протяженности сетей;*
- 4) увеличение доли потребленного жилищного фонда, который подлежит либо восстановлению, либо выбытию, существующего лишь условно и не производящего жилищные блага, привело к более медленному увеличению эффективной обеспеченности граждан жильем по сравнению с увеличением номинальной обеспеченности, то есть площади всего (непотребленного и потребленного*

³³ Методика оценки предполагает, что износ 15% стоимости нового здания не сказывается на его функционировании. То есть при средней продолжительности жизни здания в 100 лет первые 15 лет здание не нуждается в капитальном ремонте.

условно) жилищного фонда. Если номинальная обеспеченность граждан жильем увеличилась за 12 лет на 21% (см. табл. 1), то эффективная обеспеченность – только на 18% (с 16 м² на человека до 19 м² на человека);

- 5) основным источником финансирования расходов в жилищной сфере являются домохозяйства, доля расходов которых увеличилась за рассматриваемый период с 61% до 73%. Участие государства сократилось за тот же период с 29% до 19%. Таким образом, государственные расходы были замещены частными расходами граждан. При этом доля бизнеса, в том числе привлеченных бизнесом заемных средств, оставалась практически неизменной на уровне порядка 10%. При этом 97% инвестиционных расходов граждан (1,49 трлн руб. в 2012 году) приходится на инвестиции в создание дополнительного жилищного фонда, который составил в 2012 году 2% от общей площади жилищного фонда, и только 3%, или 45 млрд руб., было направлено гражданами на поддержание необходимого состояния жилищного фонда (6 млрд руб. на капитальный ремонт многоквартирных домов и 39 млрд руб. на восстановительное строительство жилья).

На основании указанных оценок можно сделать вывод о том, что в условиях накопившихся фундаментальных дисбалансов в жилищной сфере дальнейшее наращивание объема дополнительного жилищного фонда без увеличения восстановительных инвестиций в жилищной сфере может привести к катастрофическим последствиям для социально-экономической ситуации в стране.

Наращивание объема жилищного фонда без влияния на его структуру по уровню износа не только постоянно увеличивает финансовую нагрузку на будущие поколения по финансированию инвестиций в поддержание жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры, но становится со временем все менее эффективным инструментом достижения цели повышения обеспеченности граждан жильем, поскольку возрастает не только доля, но и масса потребленного жилищного фонда.

Типологические особенности российской жилищной политики

В современной литературе жилищную политику принято рассматривать как механизм государственного корректирования рынка жилья, т. е. рыночные контракты служат в качестве главного инструмента распределения жилья, тогда как государственное вмешательство осуществляется в виде корректирования экономических и институциональных параметров рыночных контрактов. Можно предположить, что объем «государственного корректирования» будет зависеть от уровня государственного участия на рынке жилья [Stamso, 2010; Housing..., 2004].

Следуя классификации моделей государства благосостояния Эспинг-Андерсена [Esping-Andersen, 1990], при оценке модели государственных интервенций на рынке жилья в литературе используются три связанных между собой параметра моделей государства благосостояния, но уже применительно к сфере жилья:

- 1) уровень декоммодификации показывает, в какой степени жилищная обеспеченность домохозяйства связана с его доходом – низкий уровень такой связи говорит о высоком уровне декоммодификации;
- 2) уровень стратификации определяется тем, в какой степени государственное вмешательство связано с иерархией внутри общества или в какой степени оно поддерживает эту иерархию на основе дохода или социального статуса. С одной стороны, уровень стратификации зависит от того, каким образом государство перераспределяет доход внутри общества, а с другой – от того, как оно распределяет социальные услуги в обществе;
- 3) пропорции совместного участия государства, рынка и домохозяйств в обеспечении жильем и в оказании влияния на жилищную политику [Hoekstra & Reitsma, 2002; Hoekstra, 2003, 2005].

На основе применения типологии государств благосостояния к жилищной сфере в современной литературе сложилось представление о трех различных типах (архетипах) жилищной политики, которые характеризуются как либеральная, социал-демократическая и корпоративистская модели. Данная типология была сформирована на основе анализа практики государственного регулирования и функционирования общественных институтов в странах Западной Европы, однако представляется, что данная типология имеет более общий характер. Основные архетипические модели отражают ценностные различия различных обществ, представления о роли государства, семьи, различных корпораций и общественных объединений в жилищном обеспечении, которые транслируются в представления о принципах государственного вмешательства в жилищную сферу, приоритетные направления жилищной политики, основные инструменты, используемые при реализации такой политики [*Delivering stability...*, 2004; *Holmans et al.*, 2010].

Для *социал-демократической модели* типичным является сильное вмешательство государства в вопросы жилищной политики и процессы регулирования на фоне довольно высоких объемов государственного субсидирования. В целом доступ к жилью, появление которого является результатом тех или иных форм государственного вмешательства на рынке жилья, осуществляется на общих основаниях, т. е. не по результатам проверки нуждаемости, и предопределяется выбором самого потребителя.

При *либеральной модели* доминирующую роль играет рынок, а социальные пособия и услуги используются для обеспечения социальной защиты наиболее уязвимых и при этом ограниченных по численности групп населения. Прочим инструментам жилищной политики и практике государственного вмешательства отводится незначительная роль. Социальное субсидирование осуществляется, в основном, на основе проверки нуждаемости, а сами субсидии должны предназначаться наиболее социально уязвимым семьям, в отношении которых они обеспечивают выполнение функции социальной защиты. Степень «жилищной стратификации» высока и определяется в том числе разницей в уровне доходов между домохозяйствами с разными формами владения недвижимостью — съемное жилье или жилье, занимаемое собственником [*Green et al.*, 2003].

При *корпоративистской модели* социальное обеспечение в жилищной сфере осуществляется на основе согласия, взаимодействия и координирования действий между социальными партнерами и государством. Государственное участие заключается в обеспечении работы рынка на принципах справедливости, а также в содействии обеспечению взаимодействия между частными (семьи и некоммерческие организации) и государственными структурами. В рассматриваемой модели объем государственного финансирования жилищной сферы будет несколько ниже по сравнению с социал-демократической моделью, но выше в сравнении с либеральной моделью. Таким образом, для корпоративистской модели характерна «трансляция» общественной иерархии в иерархию в жилищной сфере, при этом положение в иерархии определяется принадлежностью к определенной группе (корпорации): профсоюзы, иные профессиональные корпорации. Вопросами жилищного обеспечения занимаются в первую очередь сами домохозяйства (индивидуальное жилищное строительство, как правило, с привлечением ресурсов родственников) и некоммерческие организации: предоставление многих услуг в жилищной сфере осуществляется некоммерческими участниками на основе рыночных механизмов, а за пределами рынка — семьями (что часто носит взаимодополняющий характер) или некоммерческими организациями [*Hoekstra*, 2003, 2005].

Классификация стран Западной Европы по рассмотренным моделям оказывается тесно связанной с географическим положением страны. Северные, или скандинавские, страны (Дания, Швеция) относят, как правило, к странам с социал-демократической моделью жилищной политики, Великобританию и Ирландию — с либеральной моделью, а континентальные страны Западной Европы (Бельгия, Германия, Франция) — с корпоративистской моделью. Указанные страны

являются примерами наиболее яркого проявления описанных типов жилищной политики. В ряде других стран жилищная политика может включать элементы различных моделей. В частности, жилищная политика, реализуемая в Нидерландах, описывается как гибрид социал-демократической и корпоративистской моделей [Hoekstra & Reitsma, 2002].

Анализ российской жилищной политики показывает, что она также включает в себя элементы различных моделей.

Высокая зависимость типа жилищной политики от исторически сложившихся в обществе институтов (path dependency) определяет необходимость оценки жилищной политики до перехода к рыночной экономике. Жилищная политика в советский период включала в себя элементы социал-демократической и корпоративистской моделей. Элементами первой являлись высокий уровень общественных расходов в жилищной сфере, жилищное обеспечение всех нуждающихся домохозяйств независимо от уровня их доходов за счет государственных бюджетных средств, высокая доля арендного (государственного) жилья и жилья в многоквартирных домах в структуре жилищного фонда.

Элементами корпоративистской модели являлись высокая доля ресурсов государственных предприятий, в том числе средств фондов социального развития и жилищного строительства в 70–80-е годы прошлого века, в жилищном обеспечении граждан; зависимость уровня жилищного обеспечения от принадлежности к определенной корпорации (номенклатура, военнослужащие, работники стратегических предприятий и т.п.); наличие системы льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг, устанавливаемых по категориальному принципу; преобладание индивидуального жилищного строительства в сельской местности.

При переходе к рынку произошло очевидное и ожидаемое сворачивание элементов социал-демократической и появление элементов либеральной модели в качестве системообразующих.

Однако более проверенный анализ показывает, что ситуация не столь однозначна.

Важнейшими элементами либеральной модели в организации жилищной сферы в современной России является высокий уровень зависимости возможностей жилищного обеспечения от уровня доходов домохозяйства (публичные обязательства по жилищному обеспечению за счет общественных ресурсов сведены к предоставлению социального жилья малоимущим гражданам и некоторым другим категориям).

При этом особенности распределения населения по доходам (при общем высоком уровне дифференциации преобладающую долю составляют группы населения с доходами ниже и существенно ниже средних/медианных), а также сложившийся высокий уровень монополизации рынка жилищного строительства, определяющий наличие монопольной ренты и низкую эластичность предложения, ограничивают возможности развития в рамках либеральной модели. В обозримом будущем большинство домохозяйств не смогут приобретать жилье на рынке без той или иной формы государственной поддержки.

Кроме того, в силу инерционности процессов в жилищной сфере зависимость между уровнем доходов и уровнем жилищного потребления хотя и растет, но остается на достаточно низком уровне в сравнении со странами с рыночной экономикой, поскольку многие домохозяйства, обеспеченные жильем в советский период, продолжают пользоваться данными жилыми помещениями³⁴. При этом преобладание жилых помещений в многоквартирных домах в структуре жилищного фонда определяет совместное проживание в одном многоквартирном доме

34 В большинстве случаев сменив статус нанимателя на статус собственника в результате приватизации. При этом бесплатная приватизация жилья привела к появлению массового феномена «бедного собственника», не способного в полной мере нести расходы, связанные с владением жилой недвижимостью.

домохозяйств с различными доходами как типичную ситуацию. Связанные с этим политические ограничения определяют сохранение существенных элементов социал-демократической модели, которые проявляются в:

- 1) фактическом сохранении государственных обязательств по капитальному ремонту многоквартирных домов, переселению граждан – собственников жилых помещений из аварийного жилья;
- 2) сохранении высокого уровня прямого и косвенного субсидирования предоставления жилищно-коммунальных услуг, что определяет общий высокий уровень общественных расходов в жилищной сфере.

В этих условиях элементы корпоративной модели, видоизменив свою структуру, сохранили и даже усилили свое значение. Это проявляется в увеличении доли индивидуального жилищного строительства (около 45% от ввода общей площади жилых помещений) и значительной роли межпоколенных трансфертов в жилищном обеспечении населения.

Кроме того, как показано выше, значительная доля бюджетных средств, направляемых на поддержку жилищной сферы, формируется по принципу поддержки отдельных «корпораций», в первую очередь военнослужащих и государственных гражданских служащих.

При этом на фоне стран с развитыми рынками жилья Россия отличается достаточно узким набором используемых инструментов государственной жилищной политики, направленных на повышение доступности жилья. В значительной степени это связано с тем, что в России пока не сформировался институт социальных (некоммерческих) наймодателей, который является объектом целого ряда инструментов государственной поддержки в зарубежных странах (особенно западно-европейских)³⁵, а также с тем, что пока не сформирован цивилизованный рынок найма жилья вне границ государственного и муниципального жилищного фонда. Также в России относительно узок спектр инструментов налогового и градостроительного регулирования, направленных на повышение доступности жилья. Расширение спектра используемых инструментов государственной поддержки жилищной сферы должно происходить на основе стратегического видения основных параметров устойчивого состояния жилищной сферы в контексте выбора того или иного типа жилищной политики, обеспечивающего устойчивое функционирование жилищной сферы.

Таким образом, современное состояние жилищной сферы в России можно охарактеризовать как причудливое сочетание всех трех описанных выше моделей. Это сочетание не является результатом общественного договора, отражающего особенности сложившихся институтов, а сформировалось в значительной степени стихийно.

Отнесение значительной части необходимых расходов в жилищной сфере на будущие периоды (в первую очередь ликвидация накопленного дефицита текущих восстановительных инвестиций), характерное для современной России, также отражает тот факт, что целостная устойчивая модель развития жилищной сферы в Российской Федерации и обеспечивающей ее государственной жилищной политики еще не сформирована.

При формировании новой российской жилищной политики необходимо учитывать следующие основные вызовы:

- 1) нарастание общих экономических диспропорций в жилищной сфере, в первую очередь между текущими восстановительными и инвестиционными расходами в жилищной сфере;

35 Подробный анализ инструментов государственной поддержки в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Нидерландах и Ирландии содержится в: Хаффнер М., Хоекстра Дж., Оксли М., ван дер Хейден Г. Возможно ли преодолеть разрыв между социальным и рыночным секторами арендного жилья в шести европейских странах? [Хаффнер и др., 2014]

- 2) *изменение требований к качеству жилья и городской среды: необходимость внедрения новых подходов к проектированию и индустриальному домостроению энергоэффективных, экологически безопасных и комфортных жилищ в сегменте жилья экономического класса, в том числе строительство малоэтажного жилья (не только малоэтажных многоквартирных домов, но и коттеджей, таунхаусов и др.);*
- 3) *отсутствие альтернатив для улучшения жилищных условий граждан с различным уровнем доходов, что определяет необходимость развития наемного жилищного фонда, кооперативного жилищного строительства;*
- 4) *низкий уровень конкуренции в жилищном строительстве;*
- 5) *кризис системы управления многоквартирными домами, что определяет необходимость формирования рынка профессиональных услуг по управлению таким рынком, развития кредитования капитального ремонта многоквартирных домов.*

Список литературы

- Косарева Н., Туманов А. Об оценке доступности жилья в России // Вопросы экономики. 2007. № 7.
- Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Рынок жилищного строительства в России: современное состояние и перспективы развития // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 109–125.
- Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С., Туманов А.А. Сравнительный анализ потребления и расходов в жилищной сфере. М.: НИУ ВШЭ, 2011.
- Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Жилищная политика и экономика в России: результаты и стратегия развития. М.: НИУ ВШЭ, 2015.
- Полиди Т.Д. Жилищное строительство в России: инвестиционный климат и административные барьеры // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 2. С. 89–99.
- Хаффнер М., Хоекстра Дж., Оксли М., ван дер Хейден Г. Возможно ли преодолеть разрыв между социальным и рыночным секторами арендного жилья в шести европейских странах? Общ. ред. М. А. Догадайло. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2014.
- Boelhouwer P. Housing Finance in Seven European Countries: Financial Instruments and Government Expenditure // Netherlands Journal of Housing and the Built Environment. 1993. Vol. 8. № 4. pp. 405–420.
- Countries compared on public performance. The Hague and New Brunswick (USA), The Netherlands Institute for Social Research / SCP and Transaction Publishers, pp. 241–285.

- Delivering stability: securing our future housing needs // Barker Review of Housing Supply. Final Report. London, 2004.
- Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, Polity Press, 1990.
- Eurostat. General government expenditure by function (COFOG). Accessed 8, September 2011. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=gov_a_exp&lang=en (дата обращения 02.11.15)
- Green R.K., Malpezzi S. A Primer on U.S. Housing Markets and Housing Policy. AREUEA Monographs, The Urban Institute Press, 2003.
- Haffner Marietta, Lennartz & Kees Dol. Housing // Countries compared on public performance, The Hague and New Brunswick (USA). Jonker, Jedid-Jah (ed.). 2012. The Netherlands Institute for Social Research /SCP and Transaction Publishers, pp. 241–285. URL: http://www.scp.nl/english/Publications/Publications_by_year/Publications_2012/Countries_compared_on_public_performance (дата обращения 01.12.2015)
- Hoekstra J.S.C.M. & Reitsma A. De zorg voor het wonen. Volkshuisvesting en verzorgingsstaat in Nederland en België, Delft, DUP Science, 2002.
- Hoekstra J. Housing and the Welfare State in the Netherlands: an Application of Esping-Andersen's Typology // Housing, Theory and Society. 2003. Vol. 20. № 2. pp. 58–71.
- Holmans A., Whitehead Ch., Scanlon K. Fiscal Policy instruments to promote affordable housing. London: LSE Research outline, 2010.
- Housing and Housing Policy in the Nordic Countries // Ed. Martti Lujanen. Copenhagen: Nordic, 2004.
- Kosareva N., Puzanov A. Urban Development and Town Planning Policy in Modern Russia // Fast Forward: City Planning in a Hyper Dynamic Age / Ed. Nan S. and C. Gossop C. ISOCARP. 2012. pp. 262–277.
- Stamso M.-A. Housing and Welfare Policy – Changing Relations? A Cross-National Comparison. // Housing, Theory and Society. 2010. Vol. 27. № 1. pp. 64–75.

М. Я. БЛИНКИН

КАЧЕСТВО ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ СЕТЕЙ

В ЗЕРКАЛЕ КЛАССИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ТЕОРИИ ТРАНСПОРТНОГО ПОТОКА

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 56-67
<https://doi.org/10.17323/usp00201556-67>

Urban Network Design Quality in the Classical Models of the Traffic Flow Theory

Автор: Михаил Яковлевич Блинкин, PhD (технические науки), директор Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ, профессор Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ

Author: Mikhail Blinkin, PhD in Technical Sciences, Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies (ITE&TPS) at National Research University Higher School of Economics: Director, professor of Graduate School of Urbanism NRU HSE

E-mail: mblinkin@hse.ru

Abstract: This article investigates the application of the classical models of the traffic flow theory to the analysis of the modern transport and urban planning problems in the world. As a typical case study author refers to the “Two-Fluid Model of Urban Traffic”,

proposed by the American physicist Robert Herman and Nobel laureate Ilya Prigogine in the 1970s. The choice of this case was based not only on the model’s “noble scientific origin”, but on its modern appeal due to emergence of large arrays of the full-scale data (eg, GPS-tracks), that was unavailable before. “Herman–Prigogine” model allows for HP-indicator (η) calculation, which characterizes the elasticity of speeds to street-road network load factor increase. It is based on a comparison of synchronous time series data of running time and travel time. The indicator determines the quality of planning decisions on street and road design. The article presents the results of the HP-indicator calculations made for a number of cities around the world in 1980–2000, and the main objects of the Moscow road network

Keywords: *Traffic flow models, road network, Herman-Prigogine Indicator, elasticity of speeds to load factor increase, street-road network design*

Введение

Математическая теория транспортного потока — почтенная естественнонаучная дисциплина с 80-летней историей. На этом поле потрудились многие первоклассные ученые, известные своими достижениями в области физики, прикладной математики, математической статистики, computer science.

Результаты трудов всех этих замечательных людей нашли вполне конкретное отражение в градостроительной и инженерной практике продвинутых городов мира: в стандартном софте, применяемом в планировочных расчетах; в алгоритмах мониторинга и управления трафиком, «запаянных» в лучшие образцы современных ITS; в нормах проектирования дорог и улиц; в правилах застройки и землепользования...

К сожалению, однако, даже в профессиональной среде российских урбанистов нет отчетливых представлений о том, какое отношение имеют достижения классиков к реальным транспортным проблемам, с которыми ежедневно сталкиваются российские горожане.

По этой причине было бы небесполезным предоставить читателю конкретный пример классической модели, верифицированной по реальным данным городов мира, а также опыт содержательной интерпретации получаемых результатов.

«Двухжидкостная» модель Хермана-Пригожина

Имя американского астрофизика Роберта Хермана (Robert Herman, 1914–1997) ассоциируется скорее с теорией «Большого взрыва» и оценкой температуры реликтового излучения, нежели с дорожным движением. Между тем, более четверти века Р. Херман руководил научной группой, а затем и Департаментом теоретической физики в General Motors Research Laboratory; целью деятельности этих подразделений было создание теории транспортного потока как самостоятельной научной дисциплины (sic!).

Нобелевского лауреата по химии Илью Пригожина (Ilya Prigogine, 1917–2003) — при всем многообразии его научных интересов — было бы еще затруднительнее отнести к числу транспортных исследователей. Тем не менее, этот выдающийся ученый много лет работал под началом Роберта Хермана в упомянутом департаменте General Motors. Их основная и самая знаменитая монография по кинетической теории транспортного потока [Prigogine, 1971] представляет собой интереснейший исторический документ и замечательное пособие для специального курса прикладной математики. Трудно переоценить ее влияние на все дальнейшее развитие traffic flow theory. Однако вряд ли кто-либо из специалистов, работающих на этой ниве сегодня, стал бы использовать модели, описанные в этой книге.

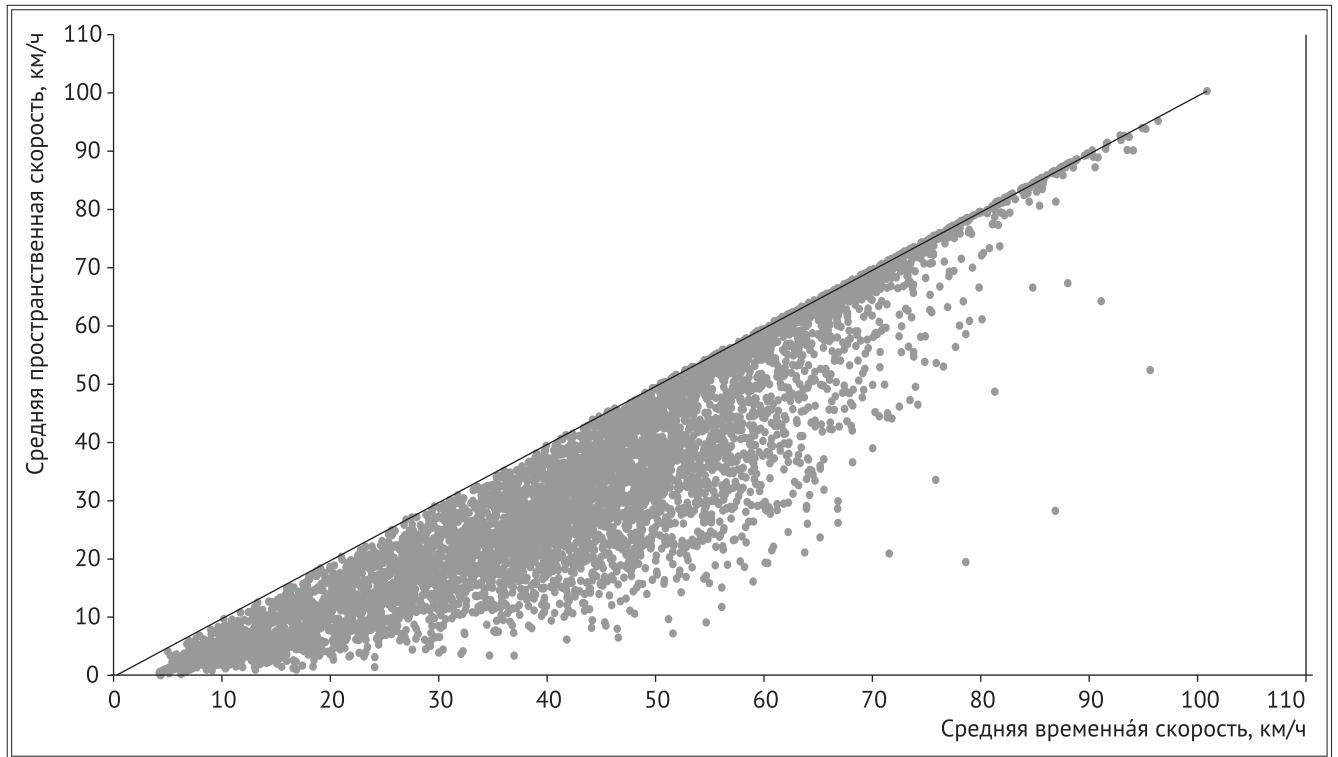
Совсем иную судьбу имела «Two-Fluid Model of Urban Traffic», предложенная теми же авторами в конце 1970-х годов, на завершающем этапе их совместной работы в General Motors [Herman, 1979]. Конструкция этой модели была по-своему удивительной: будучи чрезвычайно простой в техническом плане, она — прямо или косвенно — включала в себя обширный круг идей, занимавших в то время центральное место в теории транспортного потока. Бесспорным подтверждением чрезвычайных достоинств модели является то обстоятельство, что ее по сей день используют на практике специалисты из многих стран и городов мира.

В рамках «двухжидкостной» модели трафик рассматривался как смесь стоящих и движущихся транспортных средств в долевом соотношении f_s к f_r с нормировкой $f_s + f_r = 1$. При этом принималась так называемая эргодическая гипотеза, согласно которой доля стоящих автомобилей на некотором фрагменте улично-дорожной сети равна удельному весу простоев в суммарном времени поездки, то есть

$$f_s = ST/TT \quad (1)$$

где ST (standing time) — время простоя, RT (running time) — время в движении, TT (travel time) — суммарное время поездки, $RT + ST = TT$.

При верификации и калибровке модели приходится решать вопрос о «рубеже отсечения», то есть о скорости, по которой следует отделять стоящие автомобили от движущихся. В оригинальной публикации [Herman, 1979] стоящими считались те, и только те автомобили, которые стоят у стоп-линии на регулируемых перекрестках. В дальнейшем, в ходе многочисленных попыток практического использования этой модели, рубез отсечения отодвигался от нулевой отметки к некоторой небольшой, но заведомо ненулевой скорости. К примеру, есть все основания полагать стоящими те автомобили, которые с минимальной скоростью продвигаются в очереди, зависшей на съезде с ТТК на Волгоградский проспект. К счастью, модель

Здесь и далее используются данные наблюдений Б. А. Ткаченко на улично-дорожной сети г. Москвы за 2008 г.

Рис. 1. Статистика пространственных и временных скоростей транспортного потока

Хермана-Пригожина оказалась наделенной хорошими робастными свойствами, которые позволяют принимать рубеж отсечения на любом разумно низком уровне; например, по скорости пешехода — порядка 5 км в час.

Переменные TT и RT обратно пропорциональны средней скорости, взятой, соответственно, по пространственной (\bar{v}_s) и временной (\bar{v}_t) совокупности наблюдений (рис. 1):

$$TT = 1/\bar{v}_s, \quad RT = 1/\bar{v}_t.$$

В духе стандартных моделей «скорость-плотность», которые Р. Херман исследовал ранее совместно с Деносом Газисом¹ и другими авторами (*Gazis et al., 1959; Gazis et al., 1961*) принималась гипотеза степенного убывания скорости с ростом уровня загрузки дороги, в данном конкретном случае — с ростом удельного веса компоненты стоящих автомобилей:

$$\bar{v}_t = v_{max} \times (1-f_s)^\eta \tag{2}$$

и, соответственно, с учетом формулы (1):

$$\bar{v}_s = v_{max} \times (1-f_s)^{\eta+1} \tag{3}$$

¹ Денос Газис (Denos C. Gazis, 1930–2004) — выдающийся американский ученый, специалист в области ИТ, прикладной математики, исследования операций, истории философии. В течение длительного времени руководил транспортными проектами в IBM Research Center; автор концепции и термина Intelligent Transportation System (ITS).

где v_{\max} — средняя максимальная скорость, наблюдаемая при $f_s \approx 0$, а η — подгоночный параметр модели. Позднее его назовут НР-индикатором, или «индикатором качества обслуживания транспортного потока на сети» (“Indicator of the Quality of Traffic Service in the Network”).

Херман и Пригожин обращали внимание читателя, что вводимая в данной модели характеристика загрузки дороги f_s функционально связана с плотностью потока ρ (авт./км):

$$f_s \sim 0 \left(\rho / \rho_{\max} \right)^\rho \quad (4)$$

где ρ_{\max} — максимальная (заторовая) плотность, ρ — дополнительный подгоночный параметр модели, зависящий от особенностей конфигурации сети. С учетом этой эквивалентности «двухжидкостная модель» представляла собой еще одно — вслед за конструкцией Газиса-Хермана-Ротери [Gazis, 1961] — макроскопическое обобщение старинной модели «следования за лидером».

По физическому смыслу НР-индикатор измеряет эластичность скорости сообщения (и, соответственно, времени поездки) к увеличению загрузки улично-дорожной сети. Из уравнений (1) и (2) следует соотношение, которое, собственно, и называют моделью Хермана-Пригожина:

$$RT = T_{\min}^{1/\eta+1} \times TT^{\eta/\eta+1} \quad (5)$$

где $T_{\min} = 1/v_{\max}$ — среднее минимальное время поездки.

При $\eta = 0$ время в движении (RT) сохраняется на уровне T_{\min} , соответственно, суммарное время поездки (TT) будет возрастать ровно по мере возрастания времени простоя (ST).

При $\eta > 0$ суммарное время поездки (TT) увеличивается за счет обеих компонент: как времени простоя (ST), так и времени в движении (RT). Чем больше значение параметра η , тем быстрее ухудшаются условия движения с ростом загрузки.

Существенное практическое преимущество модели (5) состояло еще и в том, что она в принципе не требовала измерять текущую плотность потока (ρ): эластичность условий движения к росту загрузки улично-дорожной сети оценивается здесь исключительно по статистике временных и пространственных скоростей.

Несмотря на это, казалось бы, выигрышное обстоятельство, интерес к указанной модели был невелик вплоть до 1990-х годов: в рамках технологических возможностей того времени получение больших синхронных выборок пространственных и временных скоростей было не многим менее трудоемким делом, нежели непосредственные измерения плотности потока. В частности, в оригинальной работе [Herman, 1979] авторы называли аэрофотосъемку в качестве единственного реального способа сбора данных для калибровки их модели. Обследования условий движения сводились тогда, в основном, к сбору и обработке данных, получаемых от детекторов прохода (к примеру, индуктивных или пневматических), базированных в выборочных сечениях сети.

Ситуация коренным образом изменилась к концу 1990-х, когда в распоряжении транспортных исследователей оказались новые технологии, связанные с GPS-позиционированием автомобилей и GIS-картами городов.

Программы обследований, опирающиеся на указанные технологии, условно можно разделить на два типа. Активное наблюдение предполагает сбор данных по траекториям движения одной или нескольких мобильных лабораторий, перемещающихся по дорожной сети в режиме подвижного наблюдателя по заранее заданному плану эксперимента.

Пассивное наблюдение становится возможным, когда значительная часть автомобилей обзаводится бортовым GPS-оборудованием. В этих условиях дело сводится к формированию репрезентативной совокупности случайных траекторий таких автомобилей, а затем обработке этих траекторий с адресной привязкой к GIS-карте.

В обоих случаях в распоряжении исследователя находятся значительные по объему ряды данных в координатах $\langle \vec{v}_s \leftrightarrow \vec{v}_t \rangle$ или, в эквивалентной форме, « $TT \leftrightarrow RT$ », сгруппированные по характерным фрагментам УДС и периодам суток.

Современные измерения и практические выводы

Судя по публикациям последних лет (*Nelson 1998; ALGadhi, 2001; Jones, 2002; Jones, 2004; Hong, 2005; Lee, 2005; Crowe, 2009; Dixit, 2010*), модель Хермана-Пригожина становится весьма популярной в практике интерпретации результатов транспортных обследований.

Базовое уравнение (5) трактуется как «исходник» для построения линейной регрессии между переменными RT и TT , которую строят по данным натурных наблюдений. При этом η и T_{min} считаются функциями от подгоночных параметров модели (k) и (b):

$$\ln(RT) = k \times \ln(TT) + b \quad (6)$$

Располагая значениями (k) и (b), имеем:

$$\eta = k / (1 - k), \quad T_{min} = e^{b(\eta+1)}.$$

Расчеты такого типа были сделаны нами по данным обследования, спланированного и проведенного Б. А. Ткаченко².

2 Борис Александрович Ткаченко (1946–2014) – один из ведущих российских специалистов в вопросах теории транспортного потока, организации дорожного движения, методологии транспортных обследований, анализа транспортного поведения горожан. Полковник в отставке; работал в разные годы во ВНИИ БД МВД СССР, НИПИ Генплана Москвы, Центре исследований транспортной инфраструктуры (ЦИТИ). Был автором методики и организатором данного обследования, так же как и аналогичных обследований разных лет, проведенных в период его работы в ЦИТИ. Будучи физиком-экспериментатором по образованию и образу мышления, он был одним из немногих отечественных транспортных исследователей, следящих за повесткой «мировой лаборатории» transportation science.

**Таблица 1. Результаты расчета для улично-дорожной сети
Москвы в целом**

ПОКАЗАТЕЛИ	ЗНАЧЕНИЯ	
Средние скорости (v_s, v_t)	21,8	46,5
Показатели регрессии $\ln(RT) = k \times \ln(TT) + b$		
Коэффициенты линии регрессии (k, b)	0,588	1,699
Стандартные значения ошибок оценки коэффициентов линии регрессии (SE_k, SE_b)	0,005	0,030
Коэффициент детерминации r^2	0,832	
Стандартная ошибка оценки зависимой переменной	0,294	
F-статистика	11677,5	
Число степеней свободы (df)	2366	
Регрессионная сумма квадратов	1006,6	
Остаточная сумма квадратов	2366 (20,3%)	
НР-индикатор ($\eta = k/(1-k)$)	1,428	
Стандартная ошибка оценки НР-индикатора ($SE_\eta = SE_k/(1-k)^2$)	0,032 (2,24%)	
T_{\min} , сек/км	61,8	
V_{\max} , км/час	58,2	

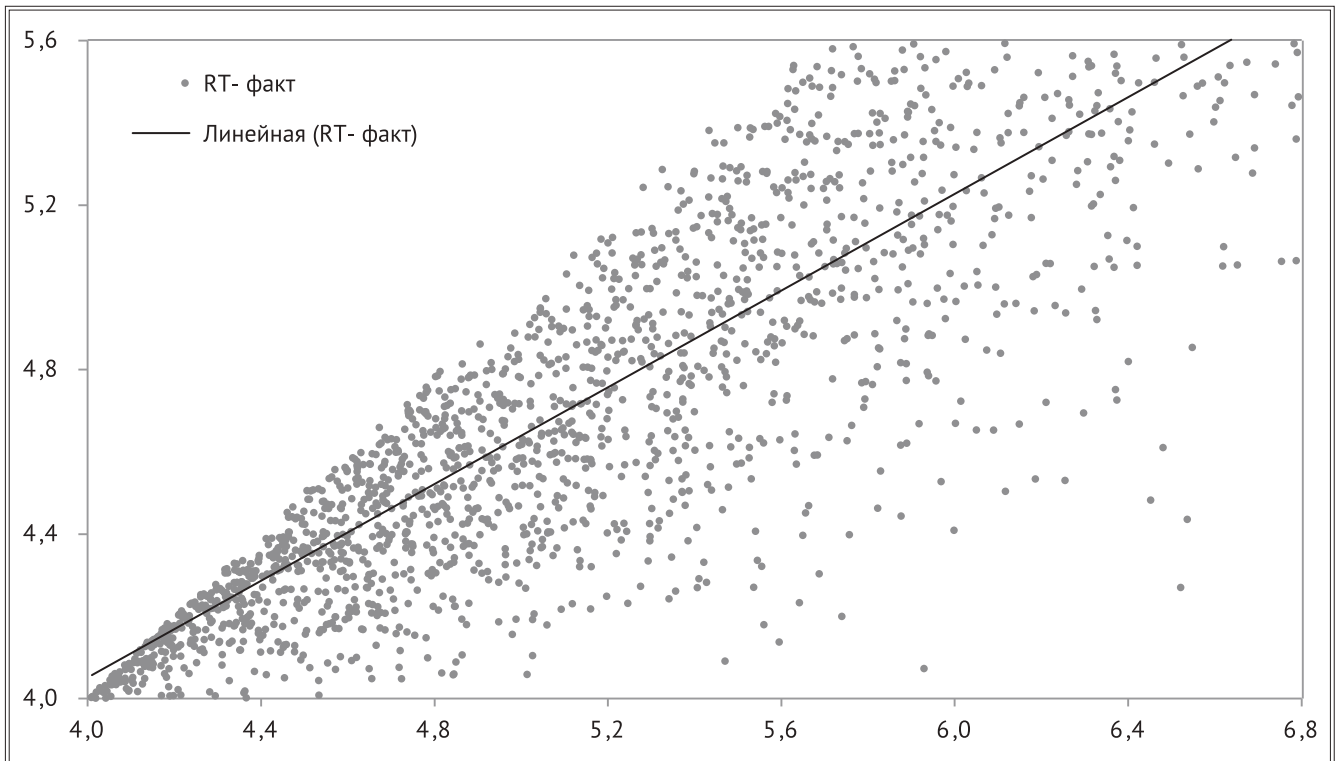

Рис. 2. Регрессия «Время в движении от времени поездки» для улично-дорожной сети Москвы (формула 6)

Результаты обработки данных по улично-дорожной сети города в целом представлены в табл. 1 (см. также рис. 2).

Из данных, представленных в табл. 1, очевидно наличие сильной регрессионной связи с вполне удовлетворительными значениями всех стандартных показателей. Вычисляемый на основе коэффициентов линии регрессии (k и b) НР-индикатор обладает свойством «хорошей определенности»: $\pm 2,24\%$ от номинального значения с 95-процентной вероятностью. Не менее надежные регрессионные зависимости и, соответственно, значения НР-индикатора были получены также для отдельных фрагментов улично-дорожной сети: центр города (рис. 3.), Садовое кольцо, Третье транспортное кольцо (рис. 4), МКАД.

В табл. 2 сведены оценки НР-индикатора, полученные в разные годы и в разных городах мира нашими зарубежными коллегами, а также наши собственные оценки для Москвы (см. также рис. 5).

Спектр значений НР-индикатора лежит (как и предполагали авторы исходной модели) в диапазоне от 0,4 до 3,6. При этом значение $\eta = 1$ условно разделяет область кривых «скорость-загрузка» с высокой и, соответственно, низкой эластичностью скоростных режимов к росту загрузки УДС.

Если сеть устроена разумным образом, а движение организовано более-менее удовлетворительно, то $\eta < 1$. В этих условиях кривая (2) выпукла вверх; соответственно, падение средней скорости движения с ростом нагрузки идет вполне щадящим образом.

В противном случае (например, при архаической конфигурации сети, при которой совмещаются функции улицы и дороги, при скверной стыковке магистральной сети с низовой уличной сетью, при неудовлетворительной координации работы светофорных объектов и т.п.) η достигает двух и более единиц. Соответственно, кривая (2) выпукла вниз, так что падение средней скорости движения с ростом нагрузки носит весьма резкий характер.

Таблица 2. НР-индикаторы для городов мира

Город, место и год наблюдения	Значение НР-индикатора (η)
Эр-Рияд – магистральные улицы (1999)	0,4
Орландо – магистральные улицы и городские фривеи, вечерний пик (2008)	0,63
Сеул – центр, утренний пик (2005)	0,718
Орландо – магистральные улицы и городские фривеи, утренний пик (2008)	0,79
Хьюстон – магистральные улицы и городские фривеи (1982)	0,8
Сеул – центр, вечерний пик (2005)	1,058
Москва – центр (2008)	1,253
Даллас – центр (2003)	1,35
Москва – улично-дорожная сеть в целом (2008)	1,428
Москва – Садовое кольцо (2008)	1,729
Москва – ТТК (2008)	2,621
Брюссель – центр (1982)	2,76
Лондон – центр (1982)	3,02
Москва – МКАД (2008)	3,619

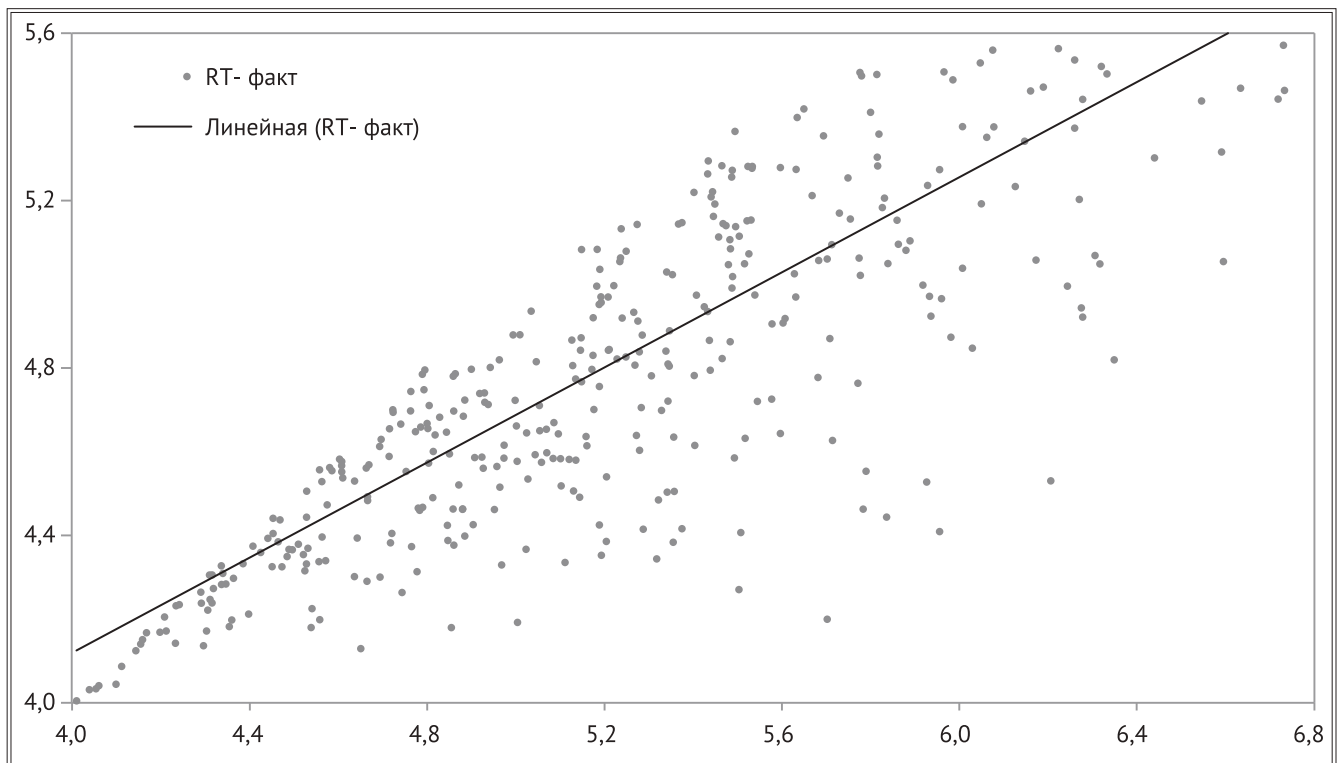

Рис. 3. Регрессия «Время в движении от времени поездки» для улично-дорожной сети центра Москвы (формула 6)

Выход на нижнюю (лучшую!) границу спектра был достигнут на «центральных улицах Эр-Рияда, не являющихся фривеями» [ALGadhi, 2001], но пользующихся явным приоритетом в светофорных циклах. Этот город, один из богатейших в мире, имеет умеренный по нынешним меркам уровень автомобилизации (порядка 300 автомобилей на 1000 жителей), располагает наилучшими современными техническими возможностями управления трафиком и отличается крайне жесткими требованиями к дисциплине участников дорожного движения.

Крупные города развитых стран мира располагают в настоящее время двумя взаимодополняющими компонентами УДС: низовой сетью улиц со светофорным регулированием (Local Streets, Collector Streets, Arterials) и системой городских фривеев (Urban Freeways, Expressways, Motorways). Организация движения во всех этих городах предусматривает планировочные и регулирующие меры для максимально гладкого сопряжения двух этих систем, включая регулирование доступа, разделение проезжей части фривея на экспрессную и коллекторную составляющую и т. п. Все эти меры предназначены, в частности, для того, чтобы окрестности съездов с фривеев на местную сеть не превращались в эпицентры возникновения «ударных волн в транспортном потоке» [Хейт, 1966].

Города США (в нашем примере — Орlando и Хьюстон) пришли к такой конфигурации сети еще полвека назад; соответственно, приличный уровень эластичности скоростей к загрузке ($\eta < 1$) был обеспечен там еще в начале 1980-х годов.

Город Сеул, где формирование современной дорожной сети и освоение продвинутых технологий организации движения прошло за три последних десятилетия, находится на границе двух отмеченных частей спектра: здесь для утреннего пика $\eta < 1$, для вечернего пика $\eta > 1$.

Худшая граница спектра достигалась в 1970–1980-х годах в центральной части крупнейших городов Западной Европы. В этот период эти города уже вышли на рубеж автомобилизации 400 и более автомобилей на 1000 жителей, но еще не при-

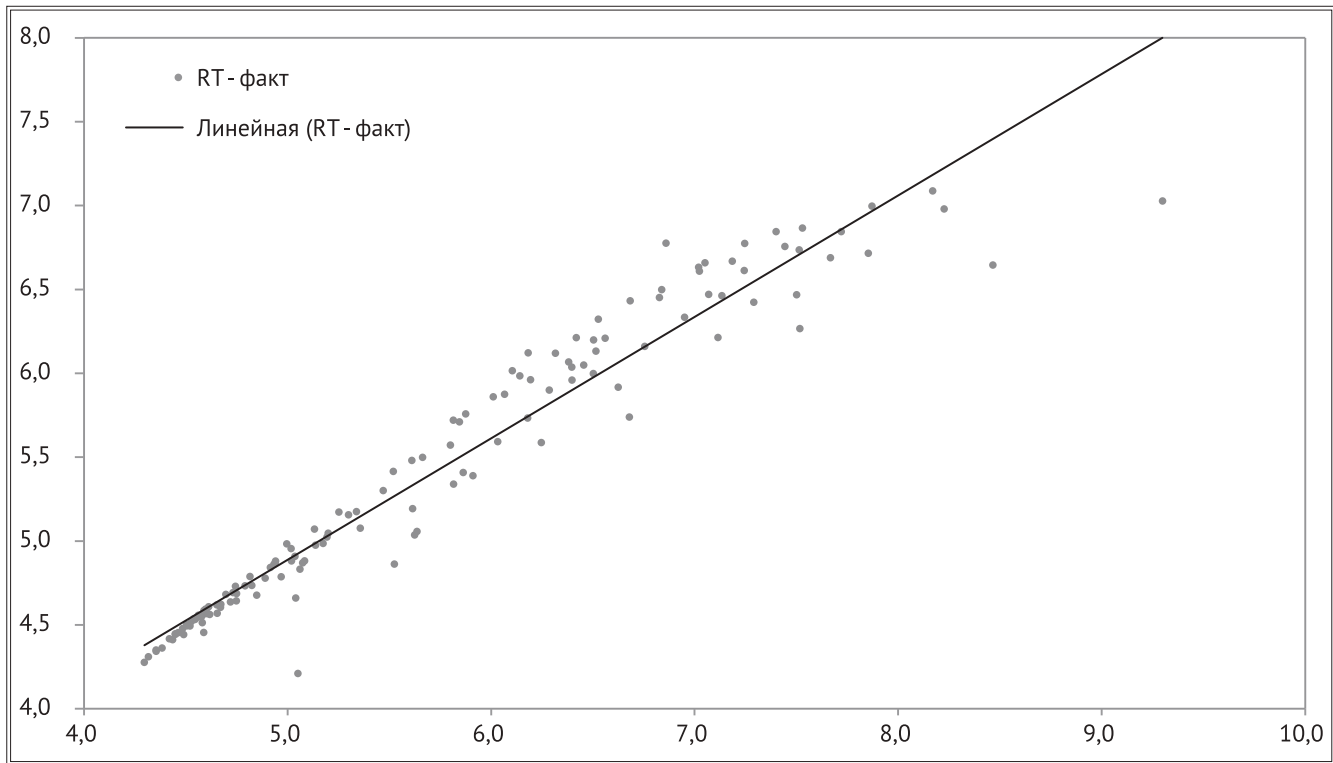

Рис. 4. Регрессия «Время в движении от времени поездки» для для Третьего транспортного кольца (формула 6)

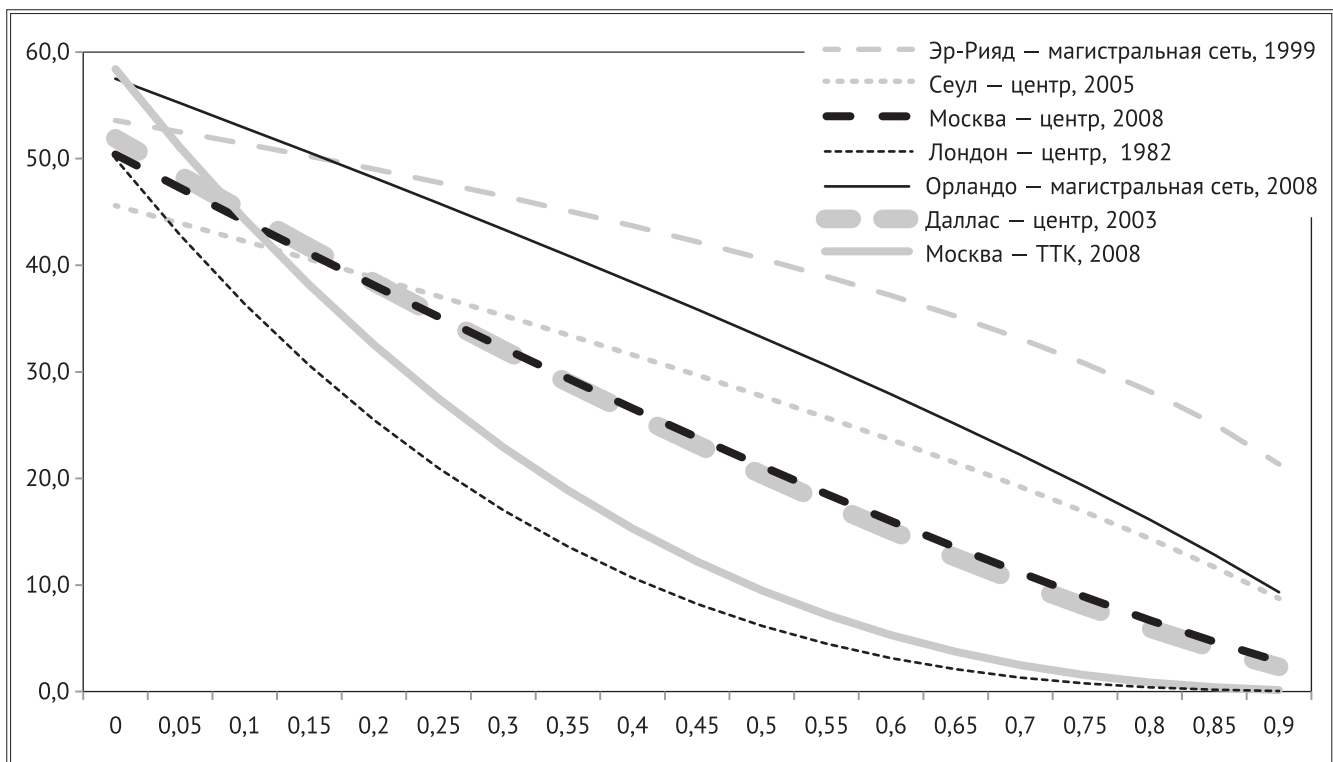

Рис. 5. Модель Хермана—Пригожина (формула 2), калиброванная по данным разных городов мира

няли широко известные ныне эффективные меры планировочного, регулировочного и фискального плана для снижения загрузки городских центров, а также для адаптации условий движения к высоким нагрузкам. Этот факт наглядным образом подтверждается крайне высокими значениями НР-индикатора для Брюсселя и Лондона начала 1980-х годов.

НР-индикаторы для центра Москвы находятся в серединной части нашего спектра, не слишком отличаясь от своих аналогов, к примеру, для городских центров Далласа или Сеула. Можно утверждать, что трафик на улично-дорожной сети центра Москвы, управляемый в рамках сложившейся схемы организации движения и более-менее отлаженной системы светофорного регулирования, имеет в целом удовлетворительную эластичность («терпимость») скоростного режима к росту загрузки.

В то же время скоростные режимы на московских магистралях проявляют аномально высокую эластичность к росту загрузки. По этому показателю ТТК и МКАД резко отличаются в худшую сторону не только от зарубежных дорог и магистральных улиц, но даже от Садового кольца, на большей части которого сохранено светофорное регулирование. Кривая «скорость-загрузка» для МКАД в диапазоне больших нагрузок ведет себя примерно так же, как для центральных лондонских улиц эпохи «больших европейских заторов».

Аномально высокая чувствительность главных московских дорог к росту загрузки связана, в первую очередь, с большой частотой въездов и съездов, обусловленной бедностью московской улично-дорожной сети в целом и, соответственно, отсутствием альтернативных выходов на сеть с большинства «пятен затройки». При этом большинство съездов с ТТК и МКАД работают в режиме «стохастического светофора», при котором очереди к выездной рампе запирают движение по основному направлению. Для радиальных магистралей главную негативную роль играют неперенные bottlenecks, возникающие ровно по месту стыка реконструированного участка со старой московской улицей, к которой этот участок приводит.

У меня есть все основания считать, что столь же аномально высокую эластичность скоростей к нагрузке будут демонстрировать московские проспекты и шоссе по завершении капиталоемких реконструкций, проводимых в настоящее время. Реконструктивные проекты такого рода основаны на незнании либо игнорировании известного предостережения Станислава Ежи Леца³: *«Ну, допустим, пробьешь ты головой стену. И что ты будешь делать в соседней камере?»*.

В завершение я хотел бы сделать вывод методического плана.

Лучшие главы из классики математической теории транспортного потока, включая описанную выше модель Хермана-Пригожина, бесспорно относятся к категории «старого, но грозного оружия». «Двухжидкостная модель», калиброванная на основе данных, получаемых с помощью современных ИТ-инструментов, предоставляет нетривиальную и весьма полезную информацию для объективного анализа успешности/неуспешности транспортной и градостроительной политики городских властей.

3 Станіслав Ёжи Лец (Stanisław Jerzy Lec, 1909–1966) – выдающийся польский поэт, философ, писатель-сатирик. Проблемами транспорта и дорог он не занимался, однако его афоризмы были и остаются крайне полезными при принятии решений в любой профессиональной области.

Список литературы

- Блинкин М. Я. Пропускная способность и нелинейное оценивание параметров диаграмм «скорость-плотность»//Труды ГИПРОДОРНИИ. 1981. № 34 С. 96–101.
- Иносе Х., Хамада Т. Управление дорожным движением. М.: Транспорт, 1983.
- Хейт Ф. Математическая теория транспортных потоков. М.: Мир, 1966.
- Al-Gadhi S. A. et al. Determination and Comparison of Quality of Traffic Service// Journal of King Saud University: Engineering sciences. University Libraries, King Saud University, 2001. Vol. 4. № 2.
- Crowe J. M. C. The calibration, validation, and comparison of VISSIM simulations using the two-fluid model. University of Central Florida, 2009.
- Breiman L. A Relationship between Space and Time Distributions in Homogeneous Traffic Flow and its Applications//Transpn. Research. 1974. Vol 8. № 1. pp. 39–44.
- Dixit V. V., Crowe J., Radwan E. The Calibration and Validation of Microscopic Simulation Using the Two-Fluid Model// Transportation Research Board 90th Annual Meeting. 2011. № 11–4006.
- Gazis D. C., Herman R., Potts R. B. Car-following theory of steady-state traffic flow// Operations research. 1959. Vol. 7. № 4. pp. 499–505.
- Gazis D. C., Herman R., Rothery R. W. Nonlinear follow-the-leader models of traffic flow// Operations research. 1961. Vol. 9. № 4. pp. 545–567.
- Herman R., Prigogine I. A two-fluid approach to town traffic//Science. 1979. № 4389. pp. 148–151.
- Hong S. Y. et al. Analysis of Two-Fluid Model Using GPS Data//Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies. 2005. № 6. pp. 560–572.
- Jones E., Farhat W. Validation of two-fluid model of urban traffic for arterial streets// Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. 2004. № 1876. pp. 132–141.
- Jones E. G., Jankowski C. A. Scalability of the Two-Fluid Model of Urban Traffic: The Other End of the Scale Signalized Intersections//Proc. 81st TRB Annual Meeting. Washington, 2002.
- Lee C. et al. Characterizing Urban Network Performance Using Two-Fluid Model// Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies. 2005. № 6. pp. 1534–1544.
- Nelson P., Sopasakis A. The Prigogine-Herman kinetic model predicts widely scattered traffic flow data at high concentrations//Transportation Research Part B: Methodological. 1998. Vol. 32. № 8. pp. 589–604.
- Prigogine I., Herman R. Kinetic theory of vehicular traffic. N.Y.: Elsevier, 1971.

М. А. ЧУБУКОВА

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВОЙ СРЕДЫ АРБАТСКОГО РАЙОНА г. МОСКВЫ

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 68-79
<https://doi.org/10.17323/usp00201568-79>

Обращение к изучению звуковой среды мегаполиса в рамках исследования города в целом не ново, однако в России эта тема пока еще не очень разработана. Традиция отечественных размышлений о городском пространстве скорее ориентирует на решение широких градостроительных проблем¹, в то время как детальные исследования пространства чаще нацелены на изучение визуальной составляющей, при этом нередко используется методология социальной антропологии². В то же время уже появляются и теоретические работы³, и практические средовые исследования [Возьянов, 2014a], нацеленные на изучение звука в городе, которые могут быть вписаны в отечественную научную парадигму и сопоставлены с аналогичными мировыми исследованиями [Sterne, 2012].

Формулировка темы — «Особенности звуковой среды Арбатского района г. Москвы» — может несколько дезориентировать своей широтой. Стоит сразу предупредить читателя, что ставка сделана на поиск метода, поэтому далее речь в основном идет об опыте предшественников и об отработке возможных подходов к изучению проблемы.

Цель работы — описать подход к построению звуковой картины города и разработать методологию описания городских звуковых пейзажей. В качестве объекта исследования выбран Арбатский район горо-

1 См., например, Глазычев В. Л. Город без границ [Глазычев, 2011].

2 См., например, Визуальная антропология: городские карты памяти [Романов, Ярская-Смирнова, 2009].

3 См., например, Замятин Д. Н. Пространство и звук: к пространственным антропологиям звука и звучания [Замятин, 2010].

The Specificity of a Soundscape at Arbat Area (Moscow)

Автор: Маргарита Андреевна Чубукова, магистр градостроительства, Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ

Author: Margarita Chubukova, MA in Urban Studies (Graduate School of Urbanism NRU HSE)

E-mail: mchubukova@gmail.com

Abstract: This paper presents a variety of approaches to soundscape analysis. Also it aims to introduce a methodology of acoustic environment description. The soundscape of a central Moscow district was investigated and characterised by seven binary oppositions:

- 1) Character of a sound presence (dominant / secondary);
- 2) Character of a sound (linguistic / non-linguistic);
- 3) Source of a sound (technical / natural);
- 4) "Dynamics" of a sound (dynamic / static);
- 5) "Subjectness" of a sound (anthropogenic / non-anthropogenic);
- 6) Role of a sound in a city scenography (event / background);
- 7) "Friendliness" of a sound (friendly / unfriendly).

This evaluation identified main sonic peculiarities and opened new research perspectives.

Keywords: Moscow soundscape, urban studies, sonic environment, soundwalk, sonic comfort

да Москвы, а предметом стал звук, звучащий в городе. В основе исследования лежит гипотеза о взаимообусловленности звуковых характеристик городского пространства и его сегментирования.

Возможные способы классификации городских звуков

Центральное понятие работы — звуковая среда города (или саундскейп). Под ним вслед за рядом исследователей понимается совокупность звуков, в том числе музыкальных фраг-

ментов, которая регулярно воспроизводится в определенной объективной окружающей среде [Schafer, 1993; Colombjin, 2007].

В академическом сообществе принято считать, что термин «саундскейп» (калька с англ. — *soundscape*), образованный по аналогии с *landscape* (с англ. — «ландшафт»), ввел в научный дискурс канадский композитор-энвайронменталист [Milbrath, Fisher, 1984] Мюррей Шафер (Raymond Murray Schafer), используя его в своем пионерном исследовании глобальной звуковой среды (World Soundscape Project in Vancouver)⁴.

Как Шафер отмечает в работе «The Soundscape» [Schafer, 1993], использование понятия «саундскейп» оправдано в самых разных сферах — акустике, психоакустике, отологии, в области коммуникации и инженерии звукозаписи, лингвистике и теории музыки, также в сфере городской экологии и городского планирования⁵. Исследования, проходящие во всех вышеперечисленных отраслях науки, раскрывают понятие «саундскейп» с разных сторон. Пользуясь имеющимся и специально разрабатываемым инструментарием, ученые, представляющие разные научные и практические сферы, пытаются ответить на одни и те же вопросы: каковы взаимоотношения между человеком и звуками окружающей его среды? Что происходит, когда эти звуки меняются?

Шафер разделил все звуки на hi-fi, что дословно переводится как «высшее качество

звучания», и на lo-fi, что эквивалентно понятию «невысококачественная система воспроизведения (звука)». К категории hi-fi отнесены звуки природы и «загородные» звуки, а в категорию lo-fi попали звуки современной городской среды. В hi-fi среде все звуки носят упорядоченный характер, воспроизводятся только в определенные моменты — будь то пение птиц в рамках суточного распорядка дня или сезонное звучание пастушьего рожка; в то время как lo-fi среда представляет собой непрерывный звуковой фон. В hi-fi среде можно выявить определенные звуковые закономерности («устоявшиеся паттерны»), рассказывающие о круговороте жизни, близкой к природе. Еще одно различие, о котором говорит Шафер, связано с восприятием природных и городских звуков: все аудио-источники и сами звуки lo-fi среды близки человеку, в то время как в hi-fi среде возможно дистанцирование от непосредственного источника, виден так называемый «акустический горизонт». Один из главных вопросов, который стоит перед исследователем: как можно поддержать hi-fi среду? Также его волнуют и острые этические проблемы lo-fi пространства: он обращает внимание на стимуляцию производителей (использование «белого» шума на рабочих местах) и потребителей (фоновая музыка в торговых точках) [Schafer, 1993: 6–7].

Также, согласно Шаферу, работая с саундскейпом, необходимо фиксировать значимые звуковые явления, например, уникальные звуки или доминирующие. Для работы с конкретными звуковыми примерами Шафер создал систему, в которой упорядочил все виды звуков по способам их происхождения. Три главные группы — 1) основные звуки (keynote sounds), 2) предупреждающие звуки / звуки-сигналы (signals), 3) звуки, присущие конкретному месту (soundmarks). К основным звукам относятся «природные» — вроде шума ветра, лесов, насекомых, животных, хотя в городском пространстве к ним может быть причислен и звук транспорта. К звукам-сигналам относятся звуковые явления, призванные маркировать то или иное событие: предупреждающие устройства, звон колоколов, звук сирены. Звуки, присущие конкретному месту — это так называемые звуковые ориентиры (слово *soundmark* образовано по аналогии с *landmark* — с англ. — «заметный объект местности, памятник»).

Параметры приведенной классификации могут быть соотнесены с элементами анали-

4 В начале 1970-х гг. Мюррей Шафер сделал шаг в сторону от традиционных подходов к исследованию звуковой среды (ср. с акустикой — разделом физики, например) и решил посмотреть на проблему в том числе с гуманитарной точки зрения [Smith, 1994]. Официальный сайт проекта: <http://www.sfu.ca>.

5 А. Возьянов классифицирует профессиональные интересы подобных исследователей и дает подробные библиографические ссылки. В своей статье «Саундскейп городского двора» он отмечает, что «экологи <...> концентрируются на изучении «звуковой экологии» и проблемах зашумленности, социальные географы и картографы — на составлении аудиальных карт и путеводителей, культур-антропологи описывают музыкальную культуру города как элемент локальной идентичности и туристической привлекательности. <...> Масштаб городской аудиальности, попадавший в поле внимания исследователей, колебался от города в целом или даже группы городов до отдельных событий, например, фестивалей или же специфических городских мест (гетто, клубов, отдельных кварталов)» [Возьянов, 2014b].

за города, которые предложил Кевин Линч⁶. Если структура образа города, воссоздаваемая с помощью инструментария К. Линча («пути», «границы», «узлы», «районы»), будет визуальной, то Шафер предлагает схему для фиксации аудиальных впечатлений и таким образом исследует морфологию звукового пространства.

Наряду с исследованием М. Шафера значимым среди исследователей звукового пространства считается эссе Ф. Коломбийна «Тоооот! Вроооом!». Отмечаемые проблемы антропологического характера связаны, во-первых, с тем, что восприятие звука носит субъективный характер, и это влечет за собой высказывание о том, что «уровень шума — субъективная оценка» [Colombijn, 2007]. Коломбийн заключает, что шум может быть даже не всегда громким. Именно из-за того, что механизм перцепции вариативен у людей, объективировать категории, связанные с восприятием звука, достаточно трудно. Иная сложность связана с характером самого анализируемого материала. История звукозаписи имеет не очень глубокие корни, что исключает возможность полноценного ди-ахронического исследования звуков.

В практической части своей работы Коломбийн, занимая позицию стороннего наблюдателя, обращается к индонезийским городам. Его классификация звуков выглядит следующим образом: 1) звуки улицы (транспорта, призыва на молитву муллой), 2) звуки «власти / силы»⁷ (по Коломбийну, сама возможность шуметь, издавать звуки — это проявление власти над определенным пространством), 3) звуки современности (это в первую очередь звучание «прогресса», также воспроизведение современной музыки)

и 4) «личные / приватные» звуки (*sounds of intimacy*; приводится пример празднования свадьбы).

Основная дихотомия при классификации звуков заключается в их природном либо антропогенном происхождении. Это базовое деление, возникшее в традиции экологического подхода, весьма закономерно. Остальные виды звуков могут выделяться на самых разных основаниях: по функциональному принципу (сигнал, ориентир) или через объяснение их принадлежности и характера (звуки улицы, звуки современности). Проблемными вопросами в данных научных исследованиях видятся субъективность (даже при высокой степени формализации анализируемой информации) исследования и молодость отрасли, которая не всегда дает возможность обратиться к материалам даже недавнего прошлого.

Практика исследования звукового ландшафта имеет неглубокие корни в России. Выше упоминались статьи А. Возьянова, занимающегося вопросом изучения саундскейпов в ключе мировых подходов и использующего терминологический аппарат социального антрополога. Работы⁸ этого исследователя на данный момент скорее представляют исключение и, насколько нам удалось выявить, единственный российский опыт обсуждения звуковой среды города в стилистике дискурса, сформированного на Западе.

В то же время уместным здесь представляется упоминание концепции теоретика и музыкального критика М. Е. Тараканова о «фоносфере» как звуковой среде обитания человечества [Тараканов, 1986: 3]. Автор понятия «фоносфера» вдохновился идеей ноосферы (Тейяр де Шарден, Вернадский), актуальность которой особенно возросла в момент осознания проблемы ухудшения состояния окружающей среды и понимания необходимости воспитания экологического мышления

6 Об аналогии с классификацией Линча [Линч, 1982] также говорят и Коломбийн, Смит и др. (Colombijn F. Тоооот! Вроооом! The Urban Soundscape in Indonesia; Smith C. J. The acoustic experience of place: An exploration of the soundscapes of three Vancouver area residential neighbourhoods [Colombijn, 2007; Smith, 1994].

7 Данную концепцию о господстве власти стоит прочитывать в контексте высказываний М. Фуко о повсеместном распространении властных отношений между субъектами. См., например, Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977, Knopf Doubleday Publishing Group, 1980. Дискурс о власти над пространством, в том числе городским, развивает Д. Харви в своем эссе «Право на город» [Харви, 2008].

8 Статья «Политики шума, шумовое неравенство и тактики сопротивления шуму: случай ростовской общаги» посвящена рассмотрению практики совместной жизни студентов Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова в стенах одного общежития. Отмечена профессиональная трудность: всем студентам необходимы музыкальные репетиции. В статье «О саундскейпе городского двора» воссоздается звуковой образ двора в исторической перспективе. Автор пользуется социологическим инструментарием для проведения своих исследований.

(ср. с зарождением концепции энвайронменталиста Шафера об экологии звука); также Тараканов испытал влияние материально-технического прогресса (появление и внедрение радиовещания), который принципиально расширил возможности тотального распространения музыки. Именно повсеместность музыки, которая сделалась доступной почти в любой точке земли, стала причиной для разговора о «фоносфере» как о новом феномене, порождающем свои экологические проблемы»⁹.

В этом контексте следует вспомнить и о Рах Sonoris — концепции Звучащего мира, идейным отцом которой был Дживани Константиневич Михайлов, советский композитор и музыковед. Согласно Дж. Михайлову, одно из основных положений, на основе которого строится единая система мировой музыкальной культуры, заключается в том, что звук не является элементом музыкальной ткани. Звук — это полноценное самостоятельное явление, «воплощающее в себе весь макрокосм бытия, отражающее специфику различных цивилизаций и создаваемых ими «моделей мира»» [Музыкальные культуры...].

Исследовательский подход

Звук является одной из составляющих городской повседневности. В XX веке Ш. Бодлер, пытаясь осмыслить городскую действительность, вводит фигуру фланера. Вымышленный Бодлером образ подхватывают и по-своему переосмысливают В. Беньямин [Беньямин, 1996, 2004] и А. Лефевр [Лефевр, 2007], они пробуют интерпретировать происходящее в городе через призму фланерства. Исследователи визуальной составляющей города привлекают в ходе анализа базовые философские высказывания XX века: «Движение по городскому пространству, в процессе которо-

го происходит чтение текста городской среды, эквивалентно постструктуралистскому понятию «прогулки по тексту», предложенному Р. Бартом» [Трушина, 2000]. Традиционным языком, которым пользуются современные «читатели» городского пространства, является язык визуальных кодов. В данном случае предпринимается попытка сконцентрироваться на звуке, зафиксировать и проинтерпретировать звуковые коды.

Исследовательская тактика в момент сбора полевых материалов походит на фланерство. В этой практике есть сходство с методикой сонографической фиксации, в ходе которой данные для анализа саундскейпа получают в том числе во время звуковых прогулок (soundwalks).

Сбор полевых материалов

Для полевого исследования, подразумевавшего фиксацию звуковых явлений города в словесной форме и их дальнейшую интерпретацию, был выбран Арбатский район Москвы. В течение трех выходных праздничных дней (01.05.2013–03.05.2013) в дневное время, в промежутке с 11.00 до 17.00, были собраны качественные данные о звуковой среде района.

Фиксация звуков происходила следующим образом: 57 улиц района были пройдены целиком от начала до конца или на отрезке улицы, вписывающемся в границы района. Во время движения по улице записывались все слышимые звуки вне зависимости от их происхождения и акустических параметров.

Всего зафиксировано около 700 звуков, из них 210 являются уникальными (т. е. замечены на исследуемой территории лишь раз). Звуки были проанализированы по ряду параметров. Во-первых, была сделана попытка отметить принадлежность звука, которая определялась по субъекту или объекту, производящему звук. Во-вторых, звуки были описаны в рамках системы специально выделенных бинарных оппозиций.

9 В одном из черновых вариантов к своей статье для «Курьера ЮНЕСКО» Тараканов пишет: «...в перспективе наша планета будет окружена глобальной «фоносферой» непрерывно производимых осмысленных музыкальных звучаний. <...> речь идет о загрязнении звуковой среды обитания, о вольном либо невольном воздействии на слух и музыкальное сознание массы людей, захлестнутых потоком разноголосых звучаний, порой воспринимаемых как своего рода ритмизированный шум, остающийся за порогом осмысленного восприятия» [Тараканов, 1986: 36]. (курсив М.Ч.)

Анализ саундскейпа

Использованный в работе метод бинарных оппозиций используется в различных научных сферах¹⁰ и является весьма эффективным и продуктивным способом описания реальной действительности. Звуковой ландшафт города было решено схематично описать с помощью семи пар оппозиций, выстроенных на следующих основаниях:

- 1) *степень превалирования звука (доминирующий / подчиненный);*
- 2) *характер звука (языковой / неязыковой);*
- 3) *происхождение звука (техногенный / естественный);*
- 4) *динамика звука (движение / покой);*
- 5) *субъектность звука: антропогенный / неантропогенный;*
- 6) *местоположение звука в городской сцене (фоновый / событийный);*
- 7) *«дружелюбность» звука (дружелюбный / недружелюбный).*

Оппозиция, подразумевающая выявление **степени превалирования звука**, заключается в определении звука как **доминирующего** в звуковой картине улицы либо как **подчиненного**. Доминирующий звук воспроизводится с одинаковой периодичностью (или он вовсе является монотонным) на одной и той же громкости на протяжении всей улицы или на участке улицы большой протяженности. Звуки подчиненные, как правило, воспринимаются как более тихие, заглушаемые основным, доминирующим, звуком.

Принцип разделения звуков на группы **языковые** и **неязыковые** состоит в фиксации моментов звучания человеческой речи.

Фиксация **происхождения звука** позволила отнести звуки либо к **техногенным**, либо к **естественным**. К естественным относятся звуки, которые воспроизводит человек и другие живые существа, а также неживая природа. К техногенным относятся все остальные звуки.

¹⁰ В основе метода лежит опыт использования смысловых оппозиций в фонологии, предложенных Н. С. Трубецким [Трубецкой, 1960], развиваемого коллегами-лингвистами (Р. Якобсон, М. Халле). Также описанием закономерностей действительности активно пользуется структуралист-антрополог К. Леви-Стросс, теоретик и историк искусства Г. Вельфлин и другие.

Каждый звук был проанализирован на предмет его принадлежности человеку. Все звуки, источниками которых является человек, — **антропогенные**; остальные — техногенные и природные — **неантропогенные**.

С сугубо физической точки зрения звук нельзя назвать статичным явлением, он слышен за счет распространения звуковых волн, т. е. подразумевает под собой движение. Однако нам показалось правомерным отмечать **динамику звука**, которая воплощается в **движении** или **покое** источника звука. Превалирование на определенной территории источников звука, находящихся в постоянном движении, характеризует и саму среду как динамичную в звуковом плане. Действует и обратная схема: статичные источники продуцируют «неподвижную» звуковую среду.

Определяя **местоположение звука в городской сцене**, мы выделили **фоновые** и **событийные** звуки. Фоновые звуки являются частью постоянного городского звукового пейзажа, они не привлекают к себе внимания, никак не выделяются. Под событийными или случайными звуками мы понимаем звуки, разрывающие звуковую ткань фоновых звуков, событийные звуки привлекают к себе внимание слушающего.

Чтобы выразить собственное отношение к каждому из анализируемых звуков, мы ввели критерий «**дружелюбности**» звуков. Каждый звук расценивался субъективно как **дружелюбный** или **недружелюбный**. Эта оппозиция коррелирует с ощущением комфорта окружающей звуковой среды. Констатируя враждебность или дружелюбность звукового пейзажа, мы выделяем положительные и отрицательные образы городских саундскейпов.

После анализа звуков по перечисленным параметрам отдельно был составлен звуковой образ каждой улицы. Для этого был разработан специальный алгоритм. При составлении звуковых портретов улиц в первую очередь выявлялись доминирующие звуки, которые представляют собой канву звуковой картины. Если доминируют фоновые звуки, это значит, что повседневный звук активно овладевает пространством, если же основу составляют событийные звуки, т. е. в некотором роде уникальные, нетипичные для рассматриваемой среды, можно почувствовать «прозрачность» звуковой среды, лишенной постоянного фона. Далее определяются приоритетные признаки среди доминирующих и подчиненных звуков,

на этой основе составляется звуковой образ улицы.

Классификация звуков

При интерпретации собранных звуковых данных было сделано допущение о том, что каждый из звуков встроен в систему глобальной акустической коммуникации, т. е. каждый звук коммуникативен по своему характеру и несет в себе смысловой посыл, часто легко распознаваемый и нередко не требующий в повседневной жизни рефлексии. Анализируя звуки по выделенным параметрам, мы попытались «считать» смыслы городских звуковых сообщений.

Фиксация звуков позволила выявить основные составляющие звукового ландшафта Арбатского района Москвы. Чаще всего здесь можно услышать речь, шаги и иные звуки, сопутствующие передвижению человека, шум машин, звуки транспорта и стройки, пение птиц.

Принадлежность звука

Анализ звуков по параметру «принадлежность» выявил их основные источники — люди, транспорт (машины, троллейбусы, вертолет) и прочие техногенные устройства (генераторы, вентиляционные устройства, электроштиты), городская природа (ветер, птицы) и отдельные детали городской среды, провоцирующие появление звуков (плохо закрепленные крышки канализационных люков, домофоны, водосточная труба).

Скорее всего, такой источник звука как, например, вертолет (ул. Воздвиженка) является нетипичным для повседневной звуковой картины, однако исследование проводилось в один из праздничных майских дней в то время, когда был установлен повышенный контроль за городом, и в то же время происходила традиционная подготовка к 9 мая. Так, получается, что был отмечен звук, маркирующий определенное положение в городе («надзор за городом») и/или подготовку к определенной календарной дате.

Не всегда можно однозначно расценить источник звука (ровно об этой проблеме размышляет и Мюррей Шафер [Schäfer, 1993: 22–23]). Например, в Староваганьковском переулке основным звуком оказался звук ветра. Логично интерпретировать вой ветра как звук природы, однако на отрезке меж-

ду РГБ и Музеем Архитектуры им. Щусева специфическая ситуация скорее обусловлена архитектурно-планировочной структурой конкретного пространства. В данном случае в качестве источника звука был все же выбран ветер, хотя если смотреть глубже на условия происхождения этого звукового явления, то в качестве субъекта, обусловившего эту ситуацию, может выступать и человек.

Степень превалирования звука

Был сделан вывод о том, что часто доминирующими являются звуки транспортных потоков, такая ситуация характерна для каркасных улиц¹¹. Звуки антропогенного характера (шаги, которые гулко разносит эхо под навесом здания; речь) или статичные техногенные (например, звук работающей вентиляции) встречаются там, где трафик и функциональная нагрузка ниже.

Неожиданным оказался следующий факт: некоторые улицы не имеют доминирующих признаков, они прозрачны в звуковом плане и проницаемы для любых акустических вторжений. Примером подобного случая может служить Нижний Кисловский переулок.

В Нижнем Кисловском слышна речь русская и нерусская, шуршание пакета; как открывается и захлопывается дверь машины, затем машина заводится. Улавливается звук гнущегося пластика, опускающегося в мусорный бак пакета, шаги людей, стук каблучков, шелест одежды, эпизодически появляющийся негромкий звук вентиляции, шум от пролетающего вертолета, чириканье птиц, звонок телефона. В отдалении звучит стройка, проходят музыкальные репетиции, на соседней улице проезжают машины. Переулок

11 Теорию, в которой объясняется естественный цикл развития города, предложил А. Э. Гутнов. В качестве основного структурного элемента городской системы был выделен каркас, остальные пространственные компоненты города было решено назвать тканью. Так возникла двоичная модель градостроительной системы «Каркас-ткань», позволяющая «отказаться от зонирования городской территории по типу протекающих на ней функциональных процессов и перейти к зонированию по интенсивности протекания (и соответственно пространственной концентрации) этих процессов» (цит. по: Гутнов А. Э. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы, 1985).

полон звуков, но в то же время в нем нет постоянно звучащей доминанты, как это можно увидеть на примере Большой Никитской улицы, где наряду с остальными оказываются доминирующими те звуки, которые только что в Нижнем Кисловском значились как не доминирующие.

Характер звука

Оппозиция языковых и неязыковых звуков интересна тем, что на первый взгляд очень похожа на описывающую антропогенные и неантропогенные звуки, но в то же время не идентична ей. Например, неречевыми, но антропогенными будут звуки шагов людей, примером речевых и неантропогенных могут служить доносящиеся из музыкальных колонок, расположенных на фасадах кафе (например, на улицах Арбат и Новый Арбат), песни и объявления рекламного характера.

Рассматривая корреляцию с антропогенными звуками, можно увидеть, как на определенных улицах звучит немало антропогенных и в то же время неречевых звуков, в подобной закономерности можно увидеть особый режим существования подобных пространств. В пример можно привести Колымажный, Плотников и Калашный переулки. Все это тихие, небезлюдные, но «молчаливые» переулки. На отрезке Колымажного переулка, входящего в границы района, просто неудобно разговаривать, потому что там ремонт и люди вынуждены проходить друг за другом, что не располагает к беседе. Возможно, это случайность, что в Плотниковом переулке не было отмечено речи, однако можно сделать вывод о том, что просто этот переулок сам по себе не очень популярен в выходной день, он включается в определенные маршруты пешеходов, но не является прогулочной зоной, ведь речь чаще всего сопутствует размеренной прогулке.

Примером активного речевого разнообразия будет улица Арбат. Эта улица была переделана в пешеходную прогулочную зону для общения в последней трети XX века. Сегодня эта зона неспешного променада, подразумевающего насыщение развлечениями, населена самыми разными языковыми проявлениями: она наполнена речью иностранной и русской; на ней слышится шепот, пение уличных музыкантов и просто пение горожан, звучат возгласы, окрики и выкрики (троекратное «Ура!» у фонтана «Принцесса Турандот» рядом с теа-

тром Вахтангова). Речь придает активный статус антропогенной среде.

Происхождение звука

Разделение звуков на техногенные и естественные в некотором роде отсылает нас к выявлению принадлежности звуков тому или иному источнику. Здесь встает вопрос о том, кому нам как исследователям дать возможность присвоить звук. Достаточно прозрачен критерий: естественное — все, источником чего служат природа и человек, а техногенное — все техническое, работающее на основе тех или иных источников энергии помимо сил природы и человека. Примеры естественных звуков — пение птиц, звук стука каблучков; примеры техногенных звуков — звуки машин, стройки (сварка, сверление). Отдельно можно отметить, что в группу естественных звуков были занесены звуки едущего велосипеда (т. к. в движение его приводит человек), шуршания пакета, шелеста одежды, скрипа качелей. В то же время техногенным будет звук из радиации охранников парковки, сигнал домофона и звук ворот, закрывающихся автоматическим способом.

Естественные звуки можно считать более близкими человеку. В качестве примера улицы с превалированием естественных звуков приведем Спасопесковский переулок. Здесь на фоне техногенных звуков — вентиляции, домофона и машин с соседней улицы — звучат человеческие шаги, русская и зарубежная речь, звенит посуда в кафе, шелестит одежда прохожих, шуршит пакет, слышится кашель и стук каблучков, чириканье птиц и взмахи птичьих крыльев. Обилие естественных звуков влияет на оценку среды с точки зрения «дружелюбности». Наличие простых человеческих или природных звуков делает среду более привлекательной с аудиальной стороны.

Динамичность звука

Динамичные звуки — звуки, проносимые мимо слушателя вслед за своими источниками, они закономерно придают движение и самой городской среде. Наиболее часто встречающиеся неподвижные звуки — звуки стройки, птиц, вентиляции, расположившихся на солнцепеке воркующих голубей.

Нединамичная звуковая среда может вызывать ощущение периферийности, ведь

закономерно следующее положение дел: в большом мегаполисе все всегда спешит, топчется и громко звучит, как это происходит на улице Новый Арбат.

Высокая скорость происходящего — черта, диктуемая современностью¹². Горожане знают о таких динамичных улицах, как Новый Арбат, Моховая, и вряд ли с такой же легкостью вспомнят, где находится менее востребованный и потому более спокойный Малый Каковинский переулок, в звуковой картине которого можно ясно различить, как голуби вышагивают по карнизу дома или пощелкивает раскаленная на солнце крыша машины.

Попытка остановиться, задержаться и жить в медленном темпе оказывается непростительной роскошью. Вероятно, спокойствие в современном мире — либо признак состоятельности (можно предположить, что с неординарной спокойной звуковой средой можно столкнуться на огороженных территориях), либо признак «неуспешности», непопулярности.

Субъект звука

В качестве примера активно-людной звуковой среды можно привести Арбатскую площадь и Арбатские ворота, где не просто объективно много людей, но и сильно чувствуется их звуковое присутствие. На фоне движения потока машин слышится смех, речь, кашель, плевки прохожего, который ест семечки; звук от игрушки-шумелки, которой развлекаются молодые люди; улавливается стук каблучков.

Примером абсолютно неантропогенной среды может служить 1-й Николощеповский переулок, в котором слышен звук потока машин со Смоленской набережной, звуки стройки со Смоленского бульвара, чириканье птиц и удары развеваемых ветром флагов, сшитых из плотной материи.

12 Похожую оппозицию использует В. Паперный в своей работе «Культура Два», посвященной характеристике двух эпох — 1920–1930-х гг. и 1930–1950-х гг. В главе «Растекание — затвердевание» он рассматривает оппозицию «движение — неподвижность». Паперный использует диахронный подход к анализу культуры, динамичность и подвижность видятся исследователю как определенные черты времени [Паперный, 2011: 60–72].

Местоположение звука в городской сценографии

Во время сбора полевых данных был отмечен факт: в звуковом пейзаже существует некоторая иерархия звуков: некоторые из них доминируют, остальные словно отходят на второй план; некоторые звуки являются постоянным атрибутом московских улиц, остальные случайно внедряются в общую картину. По этой причине в оппозиции «местоположение звука в городской сценографии» звуки проанализированы на принадлежность к фоновым (часто встречающимся в звуковом ландшафте города) и к случайным (внезапным, временным, нетипичным).

Интерес представляют те случаи, когда фоновые звуки не преобладают или отсутствуют в звуковых пейзажах улиц. Примером такой улицы может служить Гоголевский бульвар. Здесь слышен не только привычный скрип тормозящих машин, позвякивание троллейбусов и сигналы светофора. Под ногами постоянно звучит гравий, туристы и горожане делают фотоснимки (звук фотосъемки), работает генератор и льется вода из шланга, журчит вода в фонтане (памятник Михаилу Шолохову), а продавец глиняных свистулек показывает потенциальным покупателям всевозможные вариации звукоизвлечения. Подобным образом нетипичные звуковые пейзажи вносят разнообразие в звуковой облик города.

Отдельно отметим, что европейская нерусская речь в центральном районе легко включается в число фоновых звуков. Вероятно, в периферийных районах франкоязычную или итальянскую речь стоило бы расценить как случайность.

«Дружелюбность» звука

Параметр дружелюбности — субъективный критерий, был введен, чтобы попытаться охарактеризовать комфортность среды в звуковом плане.

На «дружелюбность» влияет источник звука. Приятны естественные, антропогенные звуки. Например, в Среднем Кисловском переулке звучат «дружелюбные» звуки тихих шагов, речь, смех людей, чириканье птиц, нейтральный по своему характеру звук дофона, а также звук проезжающей, по-особому трогательно «тархтящей», пожарной машины (с выключенной сиреной). К этой же группе были отнесены бытовые звуки, возникающие рядом с легковой машиной: загрузка

Таблица 1

Доминирующие 6				Подчиненные 14			
Фоновые	4	Событийные	2	Фоновые	10	Событийные	4
Движения	2	Покоя	4	Движения	10	Покоя	4
Неантропогенные	4	Звуки людей	2	Звуки людей	9	Неантропогенные	5
Неязыковые	6	Языковые	0	Неязыковые	12	Языковые	2
Техногенные	3	Естественные	3	Техногенные	4	Естественные	10
Дружелюбные (friendly)	3	Недружелюбные (unfriendly)	3	Дружелюбные (friendly)	9	Недружелюбные (unfriendly)	5

вещей, захлопывание двери. Особое обаяние переулку придают звуки музыкальных репетиций, т. к. Средний Кисловский играет роль «заднего двора» Московской консерватории: слышны пассажи духовых и струнных инструментов, фортепиано. «Недружелюбности» добавляют звуки сигнализации, вентиляции, гудения электронного щита, врывающаяся в звуковую ткань переуллка ритмичная музыка из проезжающей машины.

Звуковые портреты улиц

Распределив звуки каждой из улиц по соответствующим графам, мы получили количественные результаты по рассмотренным признакам. На основе преобладающих по количеству звуков составлены словесные портреты улиц. Приведем несколько примеров.

Например, **Большому Кисловскому переулку** на момент дня 1-го мая 2013 года соот-

ветствует следующая картина (см. Таблицу 1).

На основе этой схемы можно сделать следующий вывод о состоянии звуковой среды: *спокойная и вместе с тем активно проявляющая себя звуковая среда, в которой преимущественно представлены неантропогенные, неязыковые звуки; нередко встречаются естественные звуки, что в целом помогает охарактеризовать переулок как дружелюбный.*

Схема звуковой картины Нижнего Кисловского переуллка (1.05.2013, день) выглядит следующим образом (см. Таблицу 2).

Отсутствие доминирующих звуков позволяет охарактеризовать аудиальную среду переуллка как *прозрачную в звуковом плане, в то же время наполненную преимущественно приятными естественными звуками неязыкового характера.*

Кодифицирование звуков легко поддается расшифровке и, хочется верить, позволяет сделать некоторые репрезентативные вы-

Таблица 2

Доминирующие 0				Подчиненные 20			
Фоновые	0	Событийные	0	Фоновые	15	Событийные	5
Движения	0	Покоя	0	Движения	11	Покоя	10
Неантропогенные	0	Звуки людей	0	Звуки людей	10	Неантропогенные	4
Неязыковые	0	Языковые	0	Неязыковые	16	Языковые	2
Техногенные	0	Естественные	0	Техногенные	8	Естественные	12
Дружелюбные (friendly)	0	Недружелюбные (unfriendly)	0	Дружелюбные (friendly)	11	Недружелюбные (unfriendly)	9

воды о звуковой картине. Легко выделяются пять небольших пространств, входящих в состав района и отделенных друг от друга каркасными улицами: ось, на которой находятся Новый Арбат и Воздвиженка, пересекается дважды бульварами сначала Гоголевским, затем Новинским. Каждая из этих частей воспринимается по-разному.

Каждая из каркасных улиц обладает своим портретом. На Новом Арбате слышится радио и шум машин, на Воздвиженке тоже рычаг моторы, совершенно безликими кажутся ветреные Новинский и Смоленский бульвары, тихий Гоголевский бульвар ассоциируется с хрустом гравия под ногами и звуками свистулек, которые продает нелегальный продавец. Лишь Гоголевский бульвар в этом ряду выглядит привлекательно, так как он не слишком шумный и обладает уникальным образом по сравнению с другими значимыми транспортными артериями.

Пространство в границах Воздвиженки, Моховой, Большой Никитской, Большого Кисловского переуллка и Никитского бульвара воспринимается как закулисье Московской государственной консерватории — в звуковом плане самого яркого здесь объекта. Тихие переулки наводнены «дружелюбными» звуками, прозрачная в звуковом плане среда позволяет различить самые мелкие детали вроде скрипа закрывающихся ворот, шуршания целлофанового пакета, смеха горожан, заводящейся машины, и различим даже звон монет в кармане прохожего.

По другую сторону Воздвиженки — пространство, ограниченное Знаменкой, Большим Знаменским и Колымажным переулками, а также Гоголевским бульваром. Эта территория едва ли примечательна, здесь распространены антропогенные средовые звуки, слышится монотонный гул вентиляции и рабочих машин-поливалонок, «тикающий» светофор.

Больше всего «звуковых событий» можно встретить на территории, ограниченной Гоголевским бульваром, Сивцевым Вражком,

Денежным и Глазовым переулками, Садовым кольцом и, наконец, Новым Арбатом. Высокий уровень «событийности» связан в первую очередь с тем, что здесь находится улица Арбат (Старый Арбат), богатая на всякие аудио-аттракционы. Чтобы заманить в кафе или магазин, недостаточно броского визуального оформления, используется реклама, громко работает радио, маркируя то или иное пространство. Кроме того, на этой же улице часто звучит музыка профессиональных уличных музыкантов и любителей. На улице Арбат было зафиксировано наибольшее число непосредственно антропогенных звуковых иллюстраций: троекратное «ура», зазывание промоутеров, пение нетрезвых мужчин, причитание попрошайки, живое исполнение иноязычной и российской музыки, реклама через громкоговорители и др.

Территория за Садовым кольцом, относящаяся к Арбатскому району, в целом оказалась однородной в звуковом плане, она наполнена спокойными бытовыми антропогенными и природными звуками. Выделяется здесь Смоленская набережная, так как там постоянно дует сильный ветер. Вероятно, во многом в связи с этим там малоллюдно, что также отражается на звуковой картине. Сбор данных происходил в канун майских праздников, поэтому на набережной можно было услышать, как развеваются флаги (сильные удары плотной ткани).

Пространство между Бульварным и Садовым кольцами, ограниченное Новым Арбатом и Поварской, можно охарактеризовать следующим образом: это активная звуковая среда, наполненная приятными неязыковыми естественными звуками, там же присутствуют динамичные звуки неантропогенного характера. Из жилых домов доносится свист чайника, звон посуды, из музыкальных заведений — барабанная дробь, репетиция ансамбля, а на самих улицах — звуки стройки, скрип автомобильных тормозов, птичий щебет и не только.

Подобные описания можно детализировать: более подробно перечислять все зафиксированные звуки, выявлять их иерархию, уточнять источники. Однако до тех пор, пока методология не будет расширена, результаты описания данных будут носить сугубо этнографический характер. Будучи анализатором среды, единичный исследователь способен лишь тотально зафиксировать окружающую обстановку (нужно отдавать себе отчет в том, что он все же будет это делать в меру своих возможностей), но не может дать ей весомую оценку. Очевидно, что, помимо подобной «этнографии», ценно и мнение горожан, временных и постоянных пользователей пространства.

Заключение

Согласно целям работы, благодаря упорядочиванию высказываний исследователей, принадлежащих различным научным группам, в рамках исследования были выявлены и описаны разнообразные подходы к построению звуковой картины города. Также были собраны данные о звуках Арбатского района Москвы. В ходе анализа звуков возник ряд кратких выводов и развернутых умозаключений.

Если сделать допущение о том, что все звуки коммуникативны, то становится ясно, что аудиальный ландшафт несет в себе черты локальной и общегородской идентичности.

Выделение звуков по оппозициям позволяет не просто дифференцировать улицы, но и выявить общую картину сегментирования пространства по определенным параметрам, что подтверждает гипотезу о взаимообусловленности звуковых характеристик пространства и его сегментирования.

Звуки являются маркерами особенностей городской жизни, способны проиллюстри-

ровать календарные события, укладываются в паттерны.

Не всегда просто определить источник: часто звук оказывается результатом взаимодействия нескольких субъектов или объектов.

Существуют улицы прозрачные в звуковом плане, не отягощенные постоянно повторяющимися или непрерывными звуками. В то же время в постоянно повторяющихся звуках можно увидеть непрерывность: они по своему характеру становятся фоновыми.

В звуковых картинах улиц не всегда присутствуют доминирующие звуки.

Активная антропогенная среда не всегда является активной языковой средой, при этом речь, наряду с прочими естественными звуками, придает улицам города дружелюбность. Выявлены улицы с особым «режимом» существования, на которых люди присутствуют, но не коммуницируют друг с другом вербально.

Разговор о динамичности городской среды в звуковом плане заставляет задуматься о Москве как о глобальном городе и попытаться ответить на вопрос о том, есть ли в большом современном городе место статике. Динамичные звуковые среды — успешные, популярные среди горожан пространства. Аудиальное спокойствие среды является либо признаком высокого качества среды, либо его невостребованности.

Перспективы данного исследования на данный момент пока еще рано связывать с задачами планирования и оптимизации звуковой среды города, конструирование звуковых пространств невозможно без получения актуальных данных от самих горожан. Именно в связи с этим в качестве следующего этапа исследования видится выход в поле с целью выявить отношение к звуковому ландшафту самих жителей города.

Список литературы

- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996.
- Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004.
- Визуальная антропология: городские карты памяти // Под ред. Романова П., Ярославской-Смирновой Е. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009.
- Возьянов А. Винил в большом городе: между звуком и зрелищем // Визуальная антропология: городские карты памяти. Ред. Романов П., Ярославская-Смирнова Е. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.
- Возьянов А. О саундскейпе городского двора: Препринт статьи // Микроурбанизм. ред. Запорожец О., Бредникова О. Издательство НЛО, 2014.
- Возьянов А. Политики шума, шумовое неравенство и тактики сопротивления шуму: случай ростовской общаги, 06.04.2010 / Cogita.ru / URL: <http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/andrei-vozyanov-politiki-shuma-shumovoe-neravenstvo-i-taktiki-soprotivleniya-shumu-slushai-rostovskoi-obschagi> (дата обращения 25.04.2013)
- Глазычев В.Л. Город без границ. М.: Территория будущего, 2011.
- Гутнов А.Э. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1985.
- Замятин Д.Н. Пространство и звук: к пространственным антропологиям звука и звучания // Звук и отзвук. Сб. науч. статей / Отв. Ред. Е. Д. Андреева. М.: Институт наследия, 2010. С. 131–142.
- Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008. Т. 66. № 3. С. 141–147.
- Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 33–36.
- Музыкальные культуры мира // Официальный сайт научно-творческого центра Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. URL: <http://www.worldmusiccenter.ru/pax-sonoris-kak-predmet-sovremenno-muzykoznanija> (дата обращения 25.11.2015)
- Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Тараканова Е.М. Концепция фоносферы на рубеже тысячелетий // Звуковая среда современности. Сборник статей памяти М. Е. Тараканова (1928–1996). Отв. ред.-сост. Е. М.Тараканова. М.: ГИИ, 2012.
- Тараканов М.Е. Музыкальное пространство и звуковая среда обитания СССР // Курьер ЮНЕСКО. 1986. Май. С. 3.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. Изд-во Иностранной лит-ры, 1960.
- Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.
- Colombijn F. Tooooot! Vroooooom! The Urban Soundscape in Indonesia // Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. 2007. Vol. 22. № 2. pp. 255–272.
- Milbrath L.W., Fisher B. V. Environmentalists: Vanguard for a new society. SUNY Press, 1984.
- Schafer R.M. The soundscape: Our sonic environment and the tuning of the world. Inner Traditions/Bear & Co, 1993.
- Schafer R. Murray Exploring the new soundscape // UNESCO Courier. 1976. November. pp. 4–8.
- Smith C.J. The acoustic experience of place: An exploration of the soundscapes of three Vancouver area residential neighbourhoods. National Library of Canada, 1994.
- Sterne J. (ed.). The sound studies reader. Routledge, 2012.

А. В. ИВАНОВ ИСТОРИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ ЕРЕВАНА

ЧЕТЫРЕ ОТРЕЗКА ОДНОЙ ПРЯМОЙ¹

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 80-93
<https://doi.org/10.17323/usp00201580-93>

Генеральная линия

Этот текст посвящен не модернизму как архитектурному явлению, локализованному во времени чаще всего в пределах XX века² [Генис, 2001], но, скорее, особому типу культуры, определяемому парадигмой «силового» отношения к городу, человеку, природе. В ее рамках цель оправдывает средства, движение вперед ценнее «обращенности внутрь»³, новое лучше ветхого, конкретные места как «накопленные времена» [Де Серто, 2013] игнорируются «зодчими будущего», течение истории можно изменить усилием воли, а городскую идентичность — кардинально реформатировать. То есть речь пойдет о, если можно так выразиться, культуре модернизма. И в этом смысле модернизм Еревана едва ли не столь же древен, как и сам

- 1 Автор благодарен Рубену Аревшатыану за предложение написать первоначальный вариант этого текста для каталога павильона Армении на XIV Архитектурной биеннале в Венеции. Краткий вариант статьи опубликован на английском языке: Ivanov, Andrey. Historical Modernism of Yerevan: Four Stages on the Same Line // Cultural Heritage Preservation. The international conference, Yerevan, 4-6 June 2014. URL: <http://chp2014.restauromenia.org/abstracts/Ivanov.pdf> (последний просмотр данной и всех последующих электронных ссылок — 25 ноября 2015 г.).
- 2 Встречаются и более узкие определения, например: «Модернистское городское планирование: подход к планированию, распространенный в первые десятилетия после Второй мировой войны и характеризующийся строгим зонированием и развитием пригородов с низкой плотностью населения, основанный на недорогом топливе, использовании автомобилей и общественных инвестициях в инфраструктуру» [Urban Planning..., 2013].
- 3 Перифраз выражения армянского композитора Т. Мансуряна [Мансурян, 2007].

Historical Modernism of Yerevan: Four Segments of One Straight Line

Автор: Андрей Владимирович Иванов, магистр городского менеджмента и развития (IHS/Университет Эразма Роттердамского, Роттердам, Голландия), профессор Международной Академии архитектуры, советник Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства.

Author: Andrey Ivanov, MSc in Urban Management & Development from Institute for Housing and Urban Development Studies (IHS)/Erasmus University, Rotterdam, the Netherlands, Professor of the International Academy of Architecture, Adviser in the Russian Housing Development Foundation.

E-mail: andreyivanovarch@mail.ru

Abstract: The article deals with the phenomenon of “historic modernism” inherent in urban development of Yerevan – the capital of the Republic of Armenia. There are “Four Yerevans” described – the main periods of this city’s development: Ancient (Urartian, medieval Armenian, and Ottoman-Persian); Russian imperial; Soviet; and Post-Soviet. The author shows how at each subsequent stage the environmental achievements of the previous period were “canceled” in the frame of the linear modernist paradigm, and a new, more “correct” city was built on these ruins. The emphasis is placed on the exceptions to this rule: vernacular districts created in the “bottom-up” manner by the citizens themselves, the so-called “islands of resistance”. However, the urban community in general remains “undermodernized” and has little effect on the ongoing top-down processes of city formation. Apparently, only the significant changes in the society (development of the actual local self-government; awareness raised on the value of all periods and styles heritage; genesis of a genuine urban culture) will be able to launch the transition to the “Fifth Yerevan”, a contemporary historic city carefully keeping the whole multilayered urban heritage.

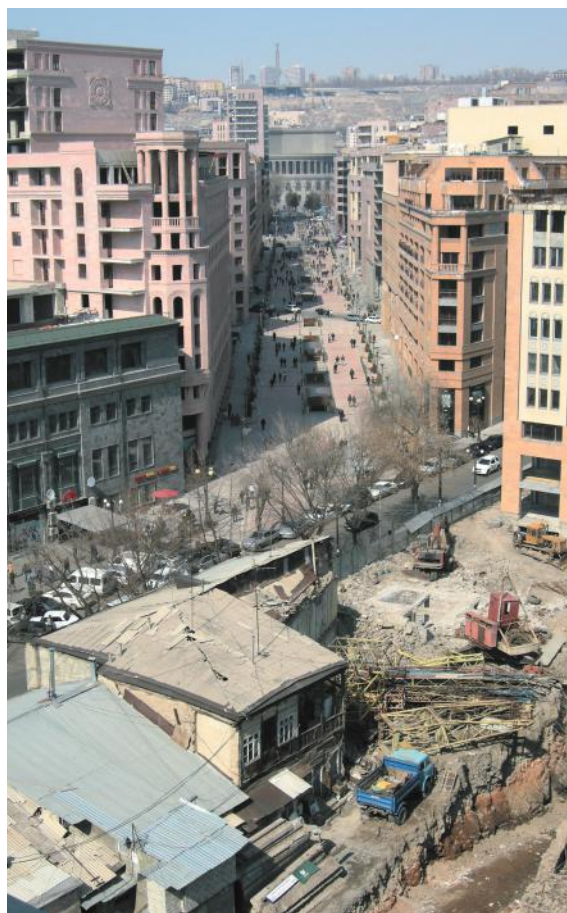
Keywords: modernism, vernacular, strata of urban history, place, identity, architect-visionary, urban culture, top-down/bottom-up

этот почти 2800-летний город, ставший в какой-то мере отражением протяженной, сложной и «рваной» армянской истории.

Не случайно оплот духовной традиции — религиозный центр Армении Эчмиадзин — пространственно отделен от ее светской (12-й или 13-й по счету) столицы и живет своей жизнью. Сам же Ереван, напротив, можно назвать городом «линейного и секулярного времени прогресса» [Горин, 2013]. Прерывистость. Нестабильность. Вычеркивание старого новым. Марафонский забег в направлении от собственного прошлого. Ереван — город вот такой вековой модернистской культуры.

Северный проспект
и остатки исторических
зданий на улицах Абовяна
и Арами. Фото автора, 2012.

Общий вид Еревана от музея Эрбуни.
Фото автора, 2013.

Кто фокусник, вытаскивающий, словно из волшебного сундука, многоэтажки вместо крепости, детский парк вместо главного рынка, многозвездный отель вместо части другого парка, проспект вместо переулочной вязи? Не присущ ли этому месту некий безответный дух перемен, никак не дающий ему устояться и стать собой?

Подобный дух отличал харизматичных визионеров-преобразователей — Екатерину II, перепланировавшую русские города, барона Османа, перестроившего Париж, Ле Корбюзье, мечтавшего ре-перестроить Париж и перестроить Москву. И Ереван привлек в свое время визионера не меньшего масштаба — Александра Таманяна, возможно, уловившего и подхватившего модернистскую устремленность этого города.

Эту устремленность, пожалуй, следует отличать от органичного для иных культур стремления к постоянному новаторству, о чем, например, писал Р. Мугераер применительно к появлению луврской пирамиды: «... закладываемые <...> перемены в Лувре, <...> которые, по-видимому, расколют исторический покой

и эстетическую целостность в придачу, правительство Миттерана пытается утверждать, что значение имеет не консервация шедевров прошлого, <...> но, скорее, непрерывное, настоящее достижение креативности, которое и есть французское художественное и культурное достояние. Лувр, таким образом, не превратится в институализированного Дориана Грея, но будет свидетельствовать о французской подлинности как все еще действующей творческой силе» [Mugerauer, 1996].

В Ереване же вместо тонких новаторских включений в исторический контекст на протяжении всей истории города происходит перманентное уничтожение самого контекста.

Четыре Еревана

Можно выделить четыре основных периода истории города: древний (равно непропорциональный по протяженности во времени и бедности сохранившимися артефактами в сравнении с последующими), русско-имперский, советский и постсоветский.

Первый Ереван — урартский, средневеково-армянский, османо-персидский — был (с небольшими перерывами) небольшим колониальным городом на территории Восточной Армении с частой сменой правителей, в основном не укорененных в данном месте и без всякого пиетета относившихся к наследию предшественников. Материального наследия этих этапов сегодня почти не видно, духовное — эфемерно либо музеефицировано. Однако в этом протомодерном периоде, от которого почти не осталось внятных следов, скрыты корни многих актуальных процессов⁴.

Второй Ереван. В 1828 г. город обнаружил себя периферийным административным центром Российской империи, а в конце XIX в. уже пробовал стать «европейским»: в позднеимперской Эривани появляются зачатки модернити. Вот только собственно армянские культура и бизнес процветали не здесь. Упрочиться, нарастить городские «мускулы», достичь состояния неотъемлемости городу не дала, среди прочего, ориентация активного армянства на центры силы, расположенные вне Армянского нагорья — Тифлис, Баку, Константинополь, Санкт-Петербург. И все же в это время успели оформиться «раскрашенные львом»⁵ разноцветно-туфовые центральные улицы губернской столицы, и сложились поблизости разноязычные вернакулярные районы и кварталы — Конд, Фирдуси и др. Сегодня эти срединные слои урбанистического пи-

Ереванский микст: улица Абовяна.
Фото автора, 2012.

рога Еревана, которые должны были стать «замковым камнем» его исторически преемственной градостроительной конструкции, истончаются на глазах и не рассматриваются большинством горожан как сколь-нибудь ценные.

Третий Ереван. А началось это небрежение с А. Таманяна. Великий зодчий, призванный правительством т. н. Первой республики в 1919 г. для составления генерального плана ее столицы, не принял пестрого, мультикультурного, живого, но не-ставшего города. И захотел создать вместо него город новый, правильный, истинно «армянский», избрав архитектурным прототипом царственные руины Ани, одной из прежних столиц. 1920–80-е годы стали временем господства модернити как таковой. Архитектура авангарда — «неармянский стиль» — «армянский советский модернизм» — все это возникало и сменялось одно другим в рамках единой современной парадигмы.

А сегодня — ни то, ни другое, ни третье. **Четвертый,** постсоциалистический Ереван: среда «быстрых денег», финансовых инвестиций и потребления, «глобалистские» или

- 4 Политолог и публицист Арис Казинян недаром ставит вопрос, «каким именно образом эта территория умудрилась сохранить свой армянский стержень в периоды, когда Ереван находился в составе Ахеменидского Ирана, Монархии Селевкидов, Римской империи, Сасанидской державы, Византийской империи, Арабского халифата, Сельджукского султаната, Грузинского царства, Монгольской империи, Ильханства Хулагуидов, Империи Тимура и власти Чобанидов, Государства Кара-Коюнлу, Падишахства Ак-Коюнлу, Империи Сефевидов, Османской империи, Персидской империи Каджаров и т.д.» [История..., 2015].
- 5 Перифраз из третьего стихотворения цикла «Армения» О. Мандельштама («Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала, // Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?»).

псевдоклассицистские здания без своего лица и каких-либо архитектурных открытий, как галлюциногенные грибы растущие на месте старых построек. Как с сожалением отмечает Карен Бальян, «современный Ереван лишен современного мышления <...>, и именно это не позволяет формироваться свободомыслию, демократичности и сохранять среду города» [Бальян, 2015].

Простота перемен

Что творилось с духами этого места, когда здесь веками никто не жил? Когда сменили друг друга царства, империи и республики, правители и народы? Когда исчезло Урарту... Когда, через тысячелетия, улетучился «азиатский» Ереван, замороживший итальянского журналиста Л. Виллари в 1905 г.: «сводчатые

пассажи, манящие восточными тайнами, магазины с темными занавесками и толпы татар в длиннополой синей одежде выглядели занимательно. <...> На каждом углу предлагали кофе и чай. <...> В галереях и маленьких двориках отдыхали неуклюжие верблюды» [Виллари, 2006].

Когда — еще совсем недавно — ушла куда-то «ереванская цивилизация» золотой декады этого города, 1960-х, ярко описанная С. Лурье и А. Давтяном в одноименной книге. Улица Саят-Нова — характерный пример быстрых линейных перемен, происходящих с ереванскими городскими структурами.

На улице Саят-Нова закипела совершенно новая жизнь. Люди осваивали ее прямо на глазах, делились впечатлениями, с одобрением принимали новые ее правила. Например, сразу привыкли, что розы рвать нельзя, а рыбок в бассейне нельзя не толь-

**Модернистская застройка 1960–70-х гг. на месте
вернакулярной застройки Конда. Фото автора, 2013.**

Улица Саят-Нова.
Фото автора, 2013.

ко пугать, но и пытаться кормить. Сразу решили, что когда деревья начнут плодоносить, рвать с них фрукты разрешено будет только детям. <...> Люди чувствовали себя по-новому, радовались, и были удивительно едины — от мала до велика. <...> Этой улице, этой радости предстояло сыграть огромную роль в становлении образа Еревана и образа ереванца. Эта роль, может быть, была даже большей, чем роль плана Таманяна, хотя последний гораздо более известен [Лурье, 2007].

А сегодня Саят-Нова — обычная, рутинная улица городского центра, не выделяющаяся ничем особенным из своего окружения.

Инновации появляются здесь извне среды, как правило, на уже чем-то или кем-то занятом месте; старое расчищается; новое вспыхивает, некоторое время «искрит», но вскоре «нормализуется», нивелируется, не обретая собственной, устойчивой ценности, и в конце концов заменяется новым новым. Ереванская модерность, расцвет которой пришелся на 70 советских лет, оказалась близка по духу к тому типу модерности, который «ориентирован на снятие напряжения между сущим и должным не во временной перспективе, а в пространственной. Для прорыва к идеалу не требуется кропотливая работа по связыванию прошлого, настоящего и будущего. Необходимо лишь радикально сменить декорации» [Горин, 2013].

К Еревану вряд ли применимы такие термины, как ревитализация или регенерация исторической среды, отражающие сегодняшнюю практику других столь же древних городов (Иерусалим, Рим, тот же Константинополь-Стамбул — армянский Полис), где в результате сложения историко-культурных слоев рождается синергия, происходит взаимодействие архитектурно-исторических, функциональных, символических ценностей, дающее ощущение глубины, плотности и мощности смыслов.

Здесь же приходится самому реконструировать картину городской истории, ее пласты как-то не склеены, фрагментны, и в иные из них порой приходится только верить.

Древний город словно боится вглядываться в свое реальное прошлое и оказывается в ситуации безвременья — старое не ценится и не работает, новое не успевает укрепиться и прочно врасти в среду. Так что модернизм — не новость для Еревана.

Жертвы линейности

Самая крупная жертва второго Еревана — Эрианская крепость, построенная Сефевидами в начале XVI в. Разрушение началось при русских уже с середины XIX в., и сегодня на наших глазах исчезают последние реликты этой покоренной генералом И. Ф. Паскевичем цитадели. Место крепости постепенно застраивается безликими жилыми многоэтажками.

Последний пилон мечети на территории бывшей Эриванской крепости. Фото автора, 2013.

А ядро, средосердие⁶ исторической Эривани — средовой ансамбль рынка Гантар и Базарной площади, с торговыми рядами и караван-сараями, Бульваром (главным городским променадом), лучшими отелями и магазинами, русской церковью — стало жертвой Еревана третьего. Базарные постройки и функции уничтожены в 1930-е и 40-е гг., а не так давно снесены последние могики Гантара — здание гостиницы «Севан» архитектора Н. Буниатяна, а также более ранний Сельскохозяйственный банк того же автора и соседние с ним дома [Иванов, 2014]. Теперь вместо этого важнейшего городского места, которое при его развитии могло бы скрепить разрозненные слои ереванской истории, — бесформенная площадь Шаумяна, полупустой детский парк им. Кирова, вновь построенное правительственное здание для МИДа и ряда других министерств⁷, пустынная, ведущая к мэрии, эспланада. Казалось бы, разные эпохи, идеологии, различное понимание наследия, а процесс борьбы с прошлым один — линеен, модернен...

Так что жертвы четвертого Еревана, появившиеся в последние годы, — снесенный Дом молодежи, изрядный кусок Парка Победы, занятый отелем Golden Palace, Крытый рынок, изуродованный реконструкцией под супермаркет, полууничтоженные улицы Бюзанда и Арами, да и единственная сохранившаяся в центре города со времен средневековья церковь Катогике XIII в., вдруг оказавшаяся «довеском» к огромному церковному новоделу — это прямое продолжение череды прежних потерь и разрушений. Здания модернизма могут «устареть» (как объявили недавно устаревшим круглый терминал аэропорта «Звартноц»), дух модернизма не устаревает. По крайней мере, в Ереване.

6 Термин «средосердие» в применении к городской среде использовался Александром Высоковским, определявшим его как «место, которое олицетворяет город для его жителей. Это главная точка городского ландшафта и главный символ, с которым они готовы себя идентифицировать. Другими словами, это сердце города, точка отсчета ценности всех остальных мест города» [Высоковский, 2007].

7 При этом сегодняшнее здание МИДа — т. н. второй Дом правительства, входящий в ансамбль площади Республики, планируется перестроить под фешенебельный отель.

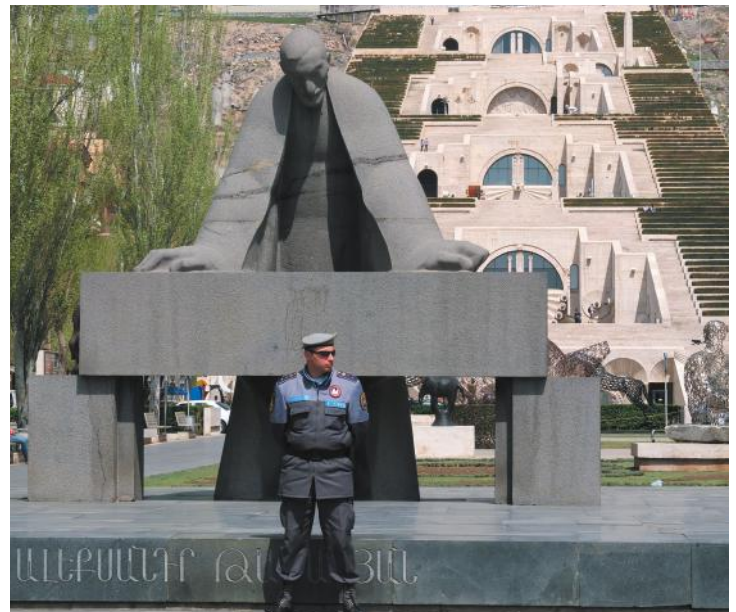
Неявный модернист

Имя А. Таманяна, внесшего выдающийся вклад в формирование нового центра Еревана, вызывает обычно благоговейный трепет. В истории армянской, а также советской архитектуры его фигура рассматривалась в отрыве от модернистского контекста, что соответствовало дихотомичной логике идеологизированной истории, где «модернистам» авангарда противопоставлялись «носители прогрессивных традиций национального архитектурного наследия» [Веймарн, 1951]. Однако его роль все же не видится столь однозначной. Таманян, бесспорно, — один из главных создателей *genius loci* Еревана. Но он оказался и одним из его «расшатывателей», задав идеал города как обрамленного величественными горами гармоничного, архитектурно организованного пространства, и заложив, наряду с вектором обращенности города к Арарату [Бальян, 2006], вектор выморачивания спонтанно сложившейся, неспланированной среды. Сохранив в генплане новой столицы Армении многие второстепенные элементы сложившейся планировочной структуры Эривани, Таманян дополнил их рядом радикальных планировочных инноваций, а к рядовой застройке, в то время преимущественно вернакулярной, отнесся как к «пустоте» — *tabula rasa* для будущей «правильной» архитектуры. Почти все здания, которые изображены на генеральном плане, утвержденном в 1924 г. — новые, обрамляющие по периметру регулярные площади и кварталы (исключения — несколько церквей и мечетей, многие из которых все равно были снесены).

В творчестве Таманяна совпало, казалось бы, несочетаемое: модернистский подход к истории места⁸ и стремление к созиданию нового на основе древних национальных прототипов. Но это кажущееся противоречие. Для настоящего визионера равно допустимо и игнорирование, и изобретение реальности. И рана, нанесенная Таманяном городу, до сих

Портрет А. Таманяна и схема генплана Еревана 1924 г. на 500-драмовой купюре, вышедшей из употребления.

Памятник А. Таманяну (скульптор А. Овсепян, архитектор С. Петросян, 1969). Фото автора, 2013.

8 Архитектуроведению для такого признания понадобился почти век, как это сделал, например, К. Бальян: «Генплан Таманяна, составленный в 1919–1924 годах, был исключительно модернистским проектом. Ереван был первой в XX веке заново строящейся столицей. Таманян строил идеальный город, который должен был иметь единый облик» [Бальян, 2015].

пор не осознана. Физическое и, что важнее, ментальное уничтожение подлинной исторической застройки, к которым Таманян, разумеется, не призывал, но как бы «разрешил» их социуму, не стало для ереванцев культурной травмой. Не потому ли так относительно легко воспринимались на протяжении последнего века новые и новые разрушения? Характерен пафосный вердикт Андрея Белого:

...Кривули закоулков, растрески стенные <...>, с резными террасами и подворотнями, с зарослью мощных кустов на распавшихся крышах, с которых белье полоскается, — те кривули пожалеешь: снесутся; <...> трезво же подумав, не станешь жалеть: на развале уж новый фундамент сидит; <...> недавний стиль зодчества — новоармянский, тяжелый и вымученный [вероятно, А. Белый имеет в виду дореволюционную эклектику, или т. н. «кавказский ампи́р» — А. И.], или то — ренессанс, не калечащий местный ландшафт, явно ладящий с ним: дома эти — оранжевых, розовых, серо-ореховых цветов, с белую лепкой; прекрасны постройки Таманова, сложенные из цветов необмазанной почвы, с заостренной крышею из черепицы, поладившие архаической формой с теперешним веком; «тамановский» стиль, поднимающий будущее и умело являя в нем староармянское зодчество, строит картину великого «завтра» [Белый, 1985].

Можно сказать, что Таманян, изобретая новый Ереван ради «великого национально-го завтра», по отношению к старому действовал в рамках стратегии «уничтожения места», предполагающей, как считают Н. и Д. Замятины, «отмену всех его традиционных признаков и примет, стереотипов и знаков. Взамен появляется новое место — метаместо Гения, который своим творчеством старые местные образы переплавляет в своей образной «печи»» [Замятина, 2007]. Переплавились. И большинство новых пространств вполне успешны — «венский» Ринг Кольцевого бульвара вместо провинциального променада, «римские» клещи площади Республики вместо небольших торговых пятачков, «вашигтонский» молл все еще незавершенного Главного проспекта — вместо лучших эриванских кварталов. Однако, потеряв большую часть дореволюционной застройки, город, на мой взгляд, утратил существенную часть своей самобытности.

Общий вид Северного проспекта.
Фото автора, 2012.

И вот сегодня под угрозой сноса или искажения уже постройки самого Таманяна — от скромного здания «с заостренной крышею из черепицы» на ул. Пушкина, 25 (по состоянию на конец 2015 г. от него осталась единственная фасадная стена) до основного его творения — Дома правительства на площади Республики⁹.

Просека проспекта

Северный проспект, новый «бродвей» Еревана, строящийся с 2004 г. на месте паутины реликтовых «глиняных» переулков и улицы Лалаянца и «открытый» в 2007-м, подавался авторами¹⁰ как реализация одной из идей А. Таманяна: нацеленная на Арарат диагональ в прямоугольной уличной сетке, обстроенная культурными и общественными объектами, должна была соединять главные здания города — Народный дом (будущую Оперу) и Дом правительства.

9 Существуют предложения по строительству во внутреннем дворе здания башни с куполом, задуманной, но не реализованной в свое время А. Таманяном, и по высоте и объему значительно превышающей параметры его проекта.

10 Проспект строился под патронажем тогдашнего президента Армении Р. Кочаряна; автор планировочного решения и проектов большинства зданий — Н. Саркисян, главный архитектор Еревана в 1999–2004 и 2011–2013 гг.

**Северный проспект ночью.
Фото автора, 2015.**

Но получилось нечто иное, гибридное: активно посещаемое публичное пространство улицы-молла с роскошными бутиками и кафе, устроенными в первых этажах практически не обитаемых элитных жилых высоток. Здания здесь несомасштабны окружению и одеты либо в упрощенный «неоармянский» декор, либо в угловатый, резкий пост-постмодерн. В них нет ни глубокой культурной рефлексии, ни формальных находок, присутствующих лучшим произведениям армянского зодчества вплоть до 1980-х гг.

В итоге Северный проспект вместо усиления местной идентичности привел к ее размыванию: здесь доминирует стандартизованное «глобальное», а не «ереванское». Почему Ереван позволяет так себя упрощать? А почему Москва? Но ведь Париж, Берлин, Барселона где-то находят силы для непрерывного самоусложнения, противостояния глобальной энтропии? Эти города, в какой-то момент своей истории тоже оказавшиеся на линейно-модернистском пути, смогли остановиться и перейти к новой урбанистической парадигме.

К сожалению, в Ереване путь к «новому» опять пролегал по ядру исторического города, вместо того, чтобы вывести к некоему местному «Дефансу», который все еще не придуман. Когерентность исторических слоев вновь нарушена: самый новый разрывает самую сердцевину городской ткани.

Островки сопротивления

И все же в городе остаются места, не поддающиеся разрушительным интенциям, своего рода завитки-ответвления от бульдозерной прямой его развития — любимые места автора. Это, прежде всего, вернакулярные районы, «муравейники эриванские» (О. Мандельштам) — Конд, Козерн, Старый Норк, Канакер, Норагюх, Сари-Тах, — а также несколько небольших анклавов в пределах центра: дворики, спрятанные за туфовыми фасадами, внутренние интимные миры-соседства, сохранившиеся при периметральной обстройке кварталов.

Эти миры спонтанного вернакуляра разных времен обладают рядом существенных свойств, отличающих их от модернистских сред города.

Это неоднородная, устойчивая жизненная среда, перманентно меняющаяся вместе со своим субъектом при «ручной» адаптации окружения к человеку: устройстве «удобств», гаражей и новых жилых помещений по мере роста семей, надстройке крыш, возделывании дворовых садов и виноградников.

Это самоорганизованная среда, выстроенная снизу вверх, обладающая собственными, не заданными извне, этикой и красотой, дарящая ощущение плотных неформальных (соседских, родственных, деловых) человеческих связей.

Наконец, это демократичная и «честная» среда, адекватная реальным возможностям

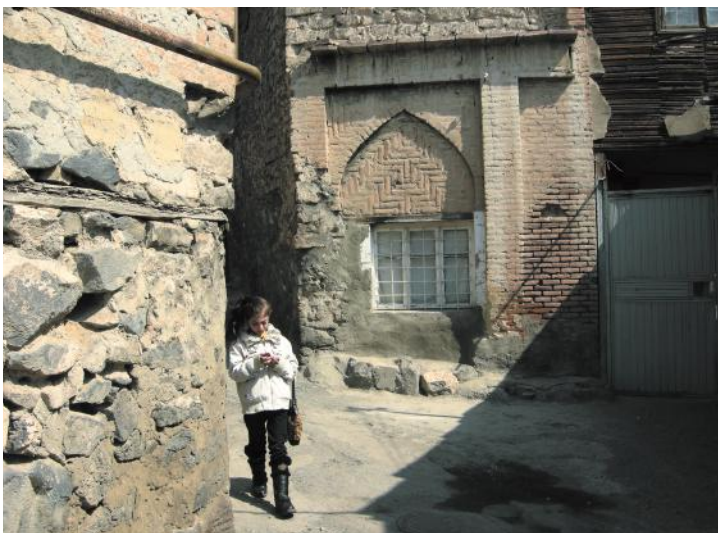
**Общий вид вернакулярного района Норагюх.
На переднем плане — фрагмент модернистского
здания 1970-х гг. Фото автора, 2013.**

Фрагмент среды вернакулярного района Конд. Фото автора, 2015.

Девочки на улице Конда. Фото автора, 2012.

Конд. Стрельчатая арка и фигурная кладка — характерные детали местного вернакуляра. Фото автора, 2012.

ее обитателей, не допускающая характерных для сегодняшнего Еревана чрезмерных «понтов» и пускания пыли в глаза.

Модернистский подход (равно как его периферийно-постмодернистская инкарнация в застройке четвертого Еревана) игнорирует эти ценности стабильного, приемственного «низового» города, отражающие «горизонтальные» составляющие «ереванскости»: обжитость, срединность, семейность, диалогичность. Ценности же модернизма, объекты которого создаются, как правило, сверху вниз¹¹, «вертикальны» — это доминантность, авторитарность, амбициозность, индивидуализм. Они могли бы дополнить и оттенить ценности вернакуляра, но в реальности просто их замещают.

Да, многие обитатели Конда и других подобных урочищ живут скученно, трудно, мечтая переселиться в давно обещанные квартиры. Но не меньше и тех, кто хотел бы, улучшив условия, остаться на родном месте, кто уже, несмотря на запреты, выстроил новые дома в 3–4 этажа с магазинчиками на первом, кто любовно выметает аккуратные дворики с виноградными перголами — с ними-то что делать? В Ереване пока опробован единственный — вполне модернистский — метод: изгнание коренных жителей сильными инвесторами-застройщиками при правовой поддержке и техническом участии государства. Так возник Северный проспект, так застраиваются улицы Бюзанда и Арами, некогда Бейбутовская и Царская, одни из лучших улиц Эривани, так собираются поступить сегодня с жителями квартала Фирдуси и торговцами одноименного рынка, чудом сохранившихся вблизи главной площади [Микаэлян, 2015]. И все же Конд существует, несмотря на начертанный Таманяном на его месте кружок «Государственного музея Армении» и многие более поздние проекты его реконструкции. Конд не поддается геометрии и большим деньгам [Иванов, 2014: 38–55].

М. де Серто говорил о таких местах как об «очажках сопротивления» упрямого прошлого: «Они торчат посреди модернистского, массивного, гомогенного города, как кончики

11 Показательна выдающаяся личная роль руководителей Советской Армении и Еревана при создании знаковых сооружений 1960–80-х гг. — монумента жертвам Геноцида, Дворца молодёжи, Спортивно-культурного комплекса и др.

языка, который показывает вам неизвестное, а возможно, и неосознанное. Они удивляют» [*Де Серто, 2010*].

Есть в Ереване удивляющие средовые «завитки» и иного рода — единственная сохранившаяся мечеть — Голубая, спрятанная за фасадами главного проспекта Маштоца и спасенная усилиями Егише Чаренца, в свое время предложившего устроить здесь музей города; или Дом-музей Сергея Параджанова, заново созданное место со своими героем и атмосферой. А в последние годы в островки сопротивления превращаются и главное парадное пространство города — площадь Республики, и шедевры самого модернизма, да и весь таманяновский «Малый центр»¹²... Хотелось бы, чтобы они выстояли.

Незавершенный модернизм

Архитектура модернизма изначально рисковала стать жертвой породившего ее подхода — поступательно-бульдозерной линейной градостроительной парадигмы. Приучив город к подменам ценностей, модернизм в его советском изводе сам теперь заменяется чем-то поспешно новым. Яркие образцы стиля признаны архитектурными памятниками, но это признание как бы навязано социуму. Их ценность связывается с будто бы требующим преодоления «советским прошлым» и оказывается непрочным, недостаточным аргументом при решении их судьбы. Отношение власти и общества даже к иконам 60–80-х годов далеко от хотя бы уважительного. Уничтожен символ города — Дворец молодежи. Голый бетонный каркас остался от гостиницы «Двин» (построенной, к слову, на месте лучшей усадьбы старого Конда)¹³. Кинотеатр «Россия» переделан в торговый центр, уникальные пространства фойе и залов не используются. Под угрозой сноса «круглый» аэропорт «Звартноц». И лишь благодаря яростным протестам общественности спасен чудесный бетонный «завиток» Летнего зала кинотеатра «Москва», чья дальнейшая судьба, впрочем, остается неясной.

Фрагмент застройки жилого района для рабочих завода синтетического каучука — т. н. «Третьего участка» (архитекторы Г. Кочар, М. Мазманиян, О. Маркарян, С. Сафарян, 1930–1932). Фото автора, 2015.

12 Этот трогательный топоним, используемый ереванцами для обозначения территории спланированного А. Таманяном ядра города, встречался мне только в Ереване.

13 В 2015 г. начались, наконец, работы по реконструкции здания гостиницы с повышением его высоты.

Летний зал кинотеатра «Москва»
(архитекторы С. Кнтехцян и Т. Григорян, 1967) со стороны
ул. Туманяна. Фото автора, 2012.

Своего рода бонус архитектуры модернизма в том, что она, в отличие от вернакулярной, может быть сохранена в той же «вертикальной» парадигме, в коей и создавалась (целевые программы реставрации памятников, комплексная реконструкция массивов застройки¹⁴). Это все та же «сильная» проектность, привычная нашим градостроителям. Вот только для ее применения нужны понимание ценности такого наследия наверху (властная воля), немалые бюджетные средства и, как ни странно, общественное давление «снизу».

И здесь, наконец, пора сказать о социальной стороне дела. Считается, что, в отличие от традиционно-авторитарных обществ, модернизированное обладает достаточно высоким уровнем гражданской культуры, создающим предпосылки для демократии. Модернизация, проходившая в Ереване в последнее столетие, конечно же, сопровождалась социальными инновациями и достижениями в сферах занятости, образования, гендерного равенства. Но они мало затронули важную для нашей темы область городского самоуправления. С этой точки зрения, модернизация Еревана далеко не завершена, и ее социальные результаты можно характеризовать словом «псевдомодернити». Более того, в сегодняшнем Ереване (впрочем, тут он не одинок) очевидны проявления демодернизации, движение вспять — ко все более консервативному, архаизированному социуму.

Собственная социальная ткань города слаба. «Горизонтальных» сил, устойчиво действующих на городском поле, практически не сложилось. Так, никто не смог остановить произвол олигарха, перестроившего в 2012–13 гг. здание Крытого рынка, важное для поддержания общегородской идентичности. Реально противодействовать «вертикальной» модернистской парадигме обращения со средой в городе сегодня, пожалуй, некому.

Самоорганизационная структура городского общества (т. н. шрджапаты¹⁵) существу-

14 Это необходимо сделать, прежде всего, для первоначальных кварталов т. н. «Третьего участка» постройки начала 1930-х годов.

15 Шрджапат (в буквальном переводе с арм. «окружение») — понятие, лежащее в основе социальной жизни армянина. Это широкий круг родственников, друзей, близких и дальних знакомых человека, с которыми он поддерживает или может поддерживать личностные неформальные, доброжелательные и взаимоуважительные отношения.

ет, но она экстерриториальна и не связана с решением средовых проблем (в отличие от махалля восточного города, армянский шр-джапат не является субъектом среды). Да, жители нескольких дворов центра упорно сопротивляются их точечной застройке, а небольшие группы молодежи и интеллигенции выступают против жестких решений власти, иногда даже успешно (спасение от сноса вернакулярного здания на ул. Арами, 30, предотвращение ларечной застройки сквера Маштоца, упомянутый Летний зал). Но это лишь эпизоды, и этого слишком мало.

Ереван все еще существует в узком русле культуры своего незавершенного модернизма. Может ли эта культура преобразоваться в более органичную, интегральную городскую культуру, неотъемлемый атрибут развитого гражданского общества с дифференцированной субъектностью, активным участием горожан в процессах принятия решений и уважительным отношением к собственному прошлому?

Социальная домодернизация города — та стадия модернизи, на пороге которой Ереван существенно задержался. Но только за этим порогом возможен пятый Ереван — преемственно развивающийся современный исторический город, бережно сохраняющий все свои средовые ценности.

Список литературы

- Старый Ереван в новом Ереване.
Интервью с К. Бальяном.
URL: <http://novostink.ru/armenia/77422-staryy-erevan-v-novom-erevane.html>
(дата обращения 25.11.2015)
- Бальян К. Город, смотрящий на Арарат // Проект Классика. 2006. № XVIII-ММVI. URL: http://www.projectclassica.ru/school/18_2006/school2006_18_03a.htm (дата обращения 25.11.2015)
- Белый А. Армения: Очерк, письма, воспоминания. Ер.: Совет. грох, 1985.
- Веймарн Б.В., Лавров В.А., Чернов Е.Г., Яралов Ю.С. Архитектура республик Закавказья. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951.
- Виллари Л. Огонь и меч на Кавказе // Анив. 2006. № 3 (3). URL: <http://aniv.ru/archive/23/ogoni-mech-na-kavkaze-okonchanie-luidzhi-villari/> (дата обращения 25.11.2015)
- Высоковский А.А. Места активных действий. URL: <http://kak.ru/columns/urbanenvironment/a3194/> (дата обращения 25.11.2015)
- Генис А. Модернизм как стиль XX века // Звезда. 2000. №11. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/11/genis.html> (дата обращения 25.11.2015)
- Горин Д. Чувство истории в культуре «другой современности», или Буратино как зеркало русской эволюции // Неприкосновенный запас. 2013. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/10g.html> (дата обращения 25.11.2015)
- Де Серто М. Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2013.
- Де Серто М. Призраки в городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 108–121.

- Иванов А. Иереван. Этюды о духе места: Сборник эссе. Ереван: Mediapolis Creative Projects Bureau, 2014. С. 122–130.
- История Еревана. Часть первая. Среда обитания. Интервью с А. Казиняном. 20 июня 2015. URL: <http://imyerevan.com/ru/society/view/10720> (дата обращения 25.11.2015)
- Замятина Н., Замятин Д. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1.
- Лурье С., Давтян А. Ереванская цивилизация. URL: <http://svlourie.narod.ru/civilization/contents.htm> (дата обращения 25.11.2015)
- Мансурян Т. Обращенность внутрь // Анив. 2007. №6 (9). URL: <http://aniv.ru/archive/35/obraschennost-vnutr-tigran-mansurjan/> (дата обращения 25.11.2015)
- Микаэлян К. «Квартал 33»: инвестиционная программа в 300 млн. долларов // Новое время, 16.06.2015. URL: <http://www.nv.am/kurer/43997--33-300> (дата обращения 25.11.2015)
- Мирзоян Г. Иранский рынок Фирдуси — уходящая эпоха 90-х. URL: <http://chai-khana.org/ru/iranskii-rynok-firdusi-ukhodiashchaia-epokha-90-kh> (дата обращения 25.11.2015)
- Mugerauer R. Derrida and Beyond // Theorizing a new agenda for architecture. An anthology of architecture Theory 1965–1995. Kate Nesbitt (ed.). 1996. New York: Princeton Architectural Press, pp. 182–197 (автор благодарен Константину Кияненко за ознакомление с этой цитатой в его переводе с англ.).
- Urban Planning For City Leaders. United Nations Human Settlements Programme (UN-Habitat), 2nd Edition, 2013. P. 4. Пер. с англ. — Московский офис ООН-Хабитат.

П. И. АКИМОВ

ИСКОРЕННЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ В ГОРОДЕ

ИСТОРИЯ АДВОКАТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 94-103
<https://doi.org/10.17323/usp00201594-103>

Купер-сквер:
общество само решает свою судьбу

Купер-сквер — это небольшая территория в западной части района Нижний Ист-Сайд на Манхэттене. В конце 1950-х ей было суждено стать настоящей ареной противостояний. Небезызвестный Роберт Мозес, в то время возглавлявший Нью-Йоркский комитет по расчистке трущоб, в 1959 году предложил план реновации Купер-сквер. Практически каждое жилое здание в 11-ти кварталах от 9-й улицы до Деланси-стрит и от 2-го авеню до Бауэри-стрит подлежало сносу, а порядка 2400 семей и 500 бизнесов — переселению. На их месте предполагалось построить более 2000 кооперативных квартир для представителей среднего класса.

Местных жителей такая перспектива вдохновляла мало, учитывая, что 93 процентам из них будущие квартиры были не по карману. План Мозеса вполне закономерно наткнулся на протесты. Двумя годами позже Джейн Джекобс подытожила критику предыдущих его проектов в книге «Смерть и жизнь больших американских городов», фактически положив начало «новому урбанизму». В истории с Купер-сквер главным действующим лицом стала местная активистка Фрэнсис Голдин. Они с Джейкобс были во многом похожи — маленькие хрупкие женщины, которые терпеть не могли Мозеса и большинство из того, что он предлагал сделать с городом.

У Голдин в этом смысле был не менее богатый бэкграунд. В 50-е она дважды пыталась противостоять планам Мозеса — строительству Линкольн-центра и реновации территории Парка Сьюард. Обе попытки были неудачными, поэтому к истории с Купер-сквер она подошла более основательно. Жители объединились в Комитет Купер-сквер и нача-

Eradicating Injustice in Cities. The History of Advocacy Planning

Автор: Павел Иванович Акимов, специалист (направление «Философия», ОмГУ), руководитель проектов Проектно-учебной лаборатории урбанистики Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ

Author: Pavel Akimov, philosopher, Omsk State University, Philosophy Department, Project Supervisor in Graduate School of Urbanism NRU HSE

E-mail: pakimov@hse.ru

Abstract: In 1960s advocate planners, as the main ideologist of this movement Paul Davidoff has put it, gave professional support to minority citizens — moderate- and low-income families and inhabitants of ethnic neighborhoods. Next decades the establishment of advocacy planning positions was made within city government agencies. It was called “equity planning”. Today advocacy planning has two dimensions. It’s an approach that can be used in any planning activity — within cabinets of power or in the work with communities. On the other side it’s an ideology that advocates for more just and equal basis of city life and supports poor and disenfranchised.

Keywords: Urban planning, advocacy planning, community-based planning, urban governance, urbanism, equity planning, participatory-action research

ли активную кампанию по сохранению района. Но что было особенно важно, кампания не ограничилась акциями протеста.

Активисты скооперировались с профессиональными планировщиками, и спустя 2 года, по итогам сотни встреч с местными жителями, Комитет представил «Альтернативный план развития Купер-сквер» [Thabit, 1961]. Вместо тотальной зачистки 11 кварталов предлагался «фазовый редевелопмент», когда участки территории застраиваются поэтапно, начиная со свободных зон, а жители временно переселяются в рамках окрестных кварталов, а затем возвращаются обратно. 65% нового жилья было доступно семьям с низким и умеренным доходом. Суть была в том, что подобные планы должны приносить пользу местным сообществам, а не уничтожать их.

Спустя годы «Альтернативный план» был окончательно одобрен на официальном уровне и принят вместо изначального варианта. Это был первый план в Нью-Йорке, разработанный силами сообщества (community-based plan).

Однако не менее интересна во всей этой истории еще одна фигура. За профессиональную часть альтернативного плана отвечал Уотер Тэбит. Бывший глава департамента планирования Балтимора, Тэбит создал собственную фирму в 1959-м и на волне всплеска гражданской активности стал помогать сообществам жителей создавать собственные планы. Его работа над Купер-сквер и рядом других мест в Нью-Йорке и окрестностях стала прологом к тому, что несколько лет спустя стали называть адвокативным планированием (advocacy planning).

**Пол Давидофф:
городское планирование
как адвокатская практика**

В 1964-м Тэбит стал одним из основателей «Планировщиков за равные возможности» (P.E.O., Planners for Equal Opportunities), организации, впоследствии объединившей порядка 600 профессионалов по всей стране. Другим основателем и главным идеологом нового, тогда только зарождавшегося, подхода к городскому планированию стал Пол Давидофф.

Для США 1950–60-е годы — это эпоха активных гражданских выступлений за равенство и против расовой сегрегации, время, когда общество осмысляло, насколько справедливы те базовые основания, на которых оно построено. Весь этот праведный запал вполне логично затрагивал и городскую повестку.

«Нынешнее время может стать эпохой, когда мечты о просвещенном и справедливом демократическом устройстве общества воплотятся в реальность <...> Справедливые требования политического и социального равноправия для темнокожих и бедных жителей требуют определения основ того общества, которое сможет предоставить равные возможности для всех граждан. Насущная необходимость в разумном планировании, которое определит новые цели и средства их достижения, и составляет новый манифест. Общество будущего будет городским, и планировщики помогут ему обрести форму и со-

держание» [Davidoff, 1965: 331] — с такой пафосной ноты начиналась статья Давидоффа «Публичная защита и плюрализм в планировании» (“Advocacy and Pluralism in Planning”).

Опубликованная ровно полвека назад, в 1965 году, в журнале Американской ассоциации планировщиков (AAPA) эта статья-манифест, по сути, стала точкой отсчета для новой традиции — адвокативного планирования.

Кейс Купер-сквер, как и другие, более грандиозные проекты того же Мозеса и других его коллег обнажали фундаментальную проблему тогдашнего подхода к развитию города — его заикленность на физической инфраструктуре. Планировщики мыслили километрами дорог, пропускной способностью, квадратными метрами построенных площадей, но за всем этим терялись люди. Невзирая на удобства, которые за частую несли с собой подобная инфраструктура, собственно, городское сообщество разрушалось.

Давидофф выступил с тезисом, что город — это многослойная реальность, в которой переплетается огромное множество интересов. Это в не меньшей степени история про городские сообщества, про управление и соблюдение баланса интересов, чем про физическую инфраструктуру. А раз так, то вопрос городского планирования из технократического превращается в политический [Forester, 1994].

«Правильное планировочное решение не может быть описано с позиций ценностного нейтралитета, ведь само это описание основано на неких желаемых целях» [Davidoff, 1965: 331], — пронцательно замечал Давидофф. Это был камень в огород большинства коллег, которые «профессионалы и вне политики».

По Давидоффу, существовавшее «ценностно-нейтральное» планирование было очень даже политизированным, ведь, по сути, являлось одним из механизмов, благодаря которому функционировала вся социально-экономическая система в городе. А в ней всегда были победители и проигравшие, и последними чаще всего оказывались те, у кого было меньше всего доступа к власти — жители бедных и этнических районов. Именно этот дисбаланс следовало устранить.

В традиции рационального планирования, когда создается, скажем, генеральный план, планировщик должен собрать возможные альтернативы, оценить каждую из них по отдельности и затем выбрать ту, что с наиболь-

шей вероятностью приведет к достижению «общего блага». Это в теории. В реальности же все было гораздо проще, ведь каждый планировщик руководствовался своим понятием об «общем благе» и способах его достижения. Так что на выходе получались весьма диктаторские планы, выстроенные по социально-инженерному принципу.

Такой подход виделся Давидоффу не только непродуктивным, но и совершенно нерациональным. Ведь куда логичнее и эффективнее будет, если не одно агентство в рамках единственного плана будет думать за все группы горожан, а у каждой из этих групп будет возможность предложить собственный план.

«Выбор наиболее удачной городской политики произойдет с большей вероятностью, если носители различных политических, социальных и экономических интересов смогут создавать собственные планы развития города» [Davidoff, 1965], — уже в предисловии к своей статье Давидофф подводил читателя к главному тезису: планирование города должно строиться на плюрализме.

Адвокативное планирование — это во многом история про демократию. Механизмы состязательности работали на уровне выборов мэров или депутатов, но городские планировщики фактически оставались монополистами. Давидофф предложил пойти дальше.

Что такое общественный интерес и существует ли он вообще? Если и существует, то точно не в голове планировщика из публичного агентства и точно не является предзаданным фактом. Вектор развития города или конкретной его территории — это результат дискуссий, споров, компромиссов и выбора. По-другому в системе, где интересы разных сторон не то что противоречат друг другу, но порой диаметрально противоположны, просто и быть не может.

В конечном счете у любого сообщества должна появиться возможность предложить свое видение того, как будет развиваться его квартал, район или город. Причем не в дилетантском виде, а именно изложенный на техническом языке профессиональный план. В особенной степени, по Давидоффу, в таких услугах нуждались те, кто не без помощи господствовавшей планировочной политики оказался на обочине городской жизни — обитатели негритянских и других этнических гетто и просто малоимущие жители. Обеспеченные горожане, когда среда вокруг них

становилась все менее комфортной, могли позволить себе перебраться в пригород. Менее благополучные слои населения такой возможности не имели и фактически оказывались в заложниках у собственного города.

В этом разрыве между официальными планировочными институтами и теми, кого непосредственно затрагивают их решения, и возникает фигура планировщика-адвоката. Проводя аналогии с судебным процессом и политическими дебатами, Давидофф писал, что и в том, и в другом случае важную роль играет мощная публичная защита со стороны профессионалов.

«Адвокат может представлять человека, группу или организацию. Он доступным языком доносит информацию как до клиента, так и до стороны, принимающей решение, которую пытается убедить» [Davidoff, 1965: 332], — описывал процесс Давидофф и предлагал профессионалам в сфере развития городов перейти в роль активных публичных защитников.

В определенном смысле такой подход освобождал планировщиков. Когда существует возможность работать на любую из сторон, у планировщиков из государственного агентства отпадала необходимость делать вид, что они тщательно прорабатывают все альтернативы, даже те, ценности которых не разделяют. И наоборот, те, кому претила работа в официальных структурах, но другой возможности трудоустроиться не было, теперь могли найти заказчика в соответствии со своими ценностями.

Вообще вопрос ценностей казался Давидоффу фундаментальным. Практические предложения, конечно, очень важны, но невозможно к ним приступать, коль скоро мы не определились с образом того будущего, к которому хотим прийти, и идеологическим фундаментом, на котором этот образ будет выстроен.

Плюрализм, который Пол Давидофф так хотел сделать неотъемлемым элементом городского планирования, прежде всего, по его замыслу, подразумевал дебаты о базовых принципах, на которых должно опираться городское развитие, и лишь во вторую очередь — выбор технических решений. Адвокативное планирование все-таки было продуктом популярной в те годы в интеллектуальных кругах левой, или «новой левой», политической доктрины, в центре которой стояли вопросы справедливости и перераспределения ресур-

сов: политических, экономических и социальных.

Собственно, и сам Давидофф был в первую очередь идеологом, визионером более прогрессивного подхода к городам, и только вторым номером шел весь тот богатый практический опыт, который он после себя оставил.

От идеологии к практике... и обратно к идеологии

Практических историй хождения планировщиков «в народ» в 1960-е и начале 1970-х случилось немало. Идеи, изложенные Давидоффом, действительно резонировали с общественными настроениями тех лет и конкретно с настроениями внутри профессионального сообщества.

Одним из пионеров адвокативного планирования, как уже упоминалось, был Уолтер Тэбит с «Альтернативным планом Купер-сквер». Его работа послужила своего рода прологом к активизировавшейся в последующие полтора десятилетия совместной работе планировщиков и горожан. Так как акцент смещался с физической среды на городское сообщество, то и планировочный процесс стал лежать в плоскости планирования сообществ, а точнее, планирования вместе с сообществами.

Во многих крупных городах при сообществах стали появляться центры городского планирования и городского дизайна, где работали и уже состоявшиеся профессионалы, и студенты-планировщики. Еще в конце 1940-х в США была принята Трудовая программа [United States..., 1949], в которой одним из обязательных пунктов были так называемые «процедуры общественного участия». Так что к середине-концу 1960-х, на которые пришелся расцвет адвокативного планирования, по крайней мере при крупных сообществах уже худо-бедно функционировали организации, задачей которых было включить жителей в процесс городского развития.

Давидофф, впрочем, воспринимал ситуацию весьма критично: «Тот факт, что организации горожан не играют позитивной роли в формулировании планов — в определенной степени результат как раздутой роли государственной бюрократии в обществе, так и исторически слабой муниципальной политики. Есть нечто очень постыдное для нашего общества в самой необходимости органи-

зовывать “общественное участие”» [Davidoff, 1965: 334].

Тем не менее планировщикам-адвокатам приходилось работать с тем, что есть. Плюс существовавшая структура организаций при сообществах все-таки позволяла хоть как-то оплачивать их труд.

Главная проблема заключалась в другом: сообщества в абсолютном большинстве случаев реагировали на предложения сверху вместо того, чтобы формулировать собственные. Этот перекосяк нужно было ликвидировать. И здесь возникла первая развилка в понимании роли планировщика-адвоката.

Более идейно заряженные представители движения считали обязательным пунктом сформировать у своих клиентов — как правых, малоимущих и обитателей этнических гетто — альтернативную идеологию. Ведь конечная цель левой идеи была изменить всю социально-экономическую и политическую модель в обществе. Такой подход не был богат на результаты, особенно в краткосрочной перспективе.

Сол Алински, опытный организатор сообществ и адвокативный планировщик из Чикаго в 1969 году выпустил книгу «Подъем радикалов». Несмотря на название, автор довольно жестко обращался к коллегам, витавшим в идеологических конструкциях: «Знаете, чего хотят американские бедные, или, я бы даже сказал шире, бедные всего мира? Они хотят здоровенный, жирный кусок всех этих прогнивших, дегенеративных, несостоятельных, материалистичных, буржуазных ценностей и всего, что им сопутствует» [Alinsky, 1969: 12–13].

На другом полюсе были те, кто следовал стратегии «малых дел», оказывая сообществам профессиональную помощь в локальных конфликтах. В этом случае результаты были более ощутимыми: губительные программы реновации или строительства автострад нередко получалось остановить; но все же они имели весьма небольшой эффект, ограничиваясь рамками локальной территории или сообщества.

Здесь критика сыпалась уже с более политизированной стороны. В 1971 году вышла книга «После планировщиков» Роберта Гудмана, профессора Массачусетского технологического института (MIT) и яркого представителя первого поколения адвокативных планировщиков. В книге Гудман хоть и объяснял, что на смену традиционным плани-

ровщикам придут адвокативные, но все же досталось от него обеим сторонам.

«Адвокативное планирование и различные программы общественного участия позволяют бедным самим управлять своей зависимостью. Они могут иметь свои собственные программы соцобеспечения, своих адвокатов, своих планировщиков и архитекторов до тех пор, пока экономическая структура остается нетронутой, пока неизменным будет базовое распределение богатства и власти» [Goodman, 1971: 171–172] — обнажал проблемы Гудман.

Отсюда вытекала еще одна линия критики: если раньше планировщики обслуживали интересы власти и крупного бизнеса, то теперь стали обслуживать интересы меньшинств. То есть менялся клиент, но не сама форма планирования. Таким образом, возникал вопрос: на кого (или на что) должны работать адвокативные планировщики?

В статье «Публичная защита и плюрализм в планировании» Пол Давидофф отвечал на него слегка размыто: «Адвокативный планировщик будет нести ответственность перед своим клиентом и искать возможности выразить его взгляды, но это не означает, что планировщик не будет пытаться переубедить своего клиента» [Davidoff, 1965: 333].

Спустя пять лет, в 1970-м, в другой статье — «Развитие пригородов: адвокативное планирование в интересах открытого общества» — он был уже более категоричен: «В действительности в этом случае у адвокативного планировщика нет другого клиента кроме собственной идеологии»¹.

«Этим случаем» была работа еще одной основанной Давидоффом организации над проблемами американских пригородов. «Институт развития пригородов» (Suburban Action Institute), где Давидофф трудился вместе со своей супругой Линдой, защищал те интересы, которые не были представлены в дебатах вокруг развития территорий за пределами городских центров. Проблема заключалась не в том, что носители этих интересов были неорганизованны, лишены права голоса или запуганы, а в том, что их просто не существовало.

1 Подробнее о роли планировщиков в истории возникновения института зонирования в США: Peter Marcuse, «Who/What Decides What Planners Do?» [Marcuse, 1989: 179–181]

В конце 1960-х семьи с низким или умеренным доходом просто не могли поселиться в пригородах, которые к тому времени становились гораздо более благополучными, чем городские центры. Причиной тому был целый набор законодательных механизмов, которые фактически устанавливали имущественный ценз в пригородах и формировали районы для обеспеченных белых людей.

Институту зонирования в США к тому моменту было уже четыре десятилетия, и сложившаяся практика далеко не всегда отличалась справедливостью и демократичностью [Davidoff, 1970: 20]. Так, многие сообщества инициировали принятие таких правил зонирования, которые превращали их в подобие приватного клуба. Доступ был открыт только тем, кто отвечал необходимым требованиям.

«Главная цель зонирования в пригородах — держать Их там, где Они и должны находиться — подальше. Если Они уже проникли внутрь, то цель — держать Их всех в одном месте. Точное определение “Их” слегка варьировалось в разных частях страны, — констатировал Фрэнк Поппер в книге «Политика по изменению землепользования». — Защитники “исключающего зонирования” оправдывали его эвфемизмами и техническим жаргоном, порой даже говоря о защите окружающей среды. <...> Это был расизм с налетом прогрессивного технократизма. <...> Зонирование обещало держать многие пригороды закрытыми для всех, за исключением состоятельных белых людей» [Popper, 1971: 54–55].

Об этой же порочной практике «исключающего зонирования» и необходимости ее отмены писал и Давидофф: «Белые планировщики — по крайней мере, некоторые из нас — должны, наконец, обратиться к белым сообществам, которые создают реальные проблемы для нашего общества» [Davidoff, 1971].

«Институт развития пригорода» боролся за равный доступ к жилью и рабочим местам в пригородах для всех без исключения жителей — через широкие общественные дискуссии и судебные баталии. Самая известная тяжба была связана с пригородом Маунт Лорел в Филадельфии, когда Верховный суд штата Нью-Джерси в итоге обязал все сообщества на территории штата создать зоны для размещения доступного жилья.

Таким образом, планировщики в лице Давидоффа и его коллег, по сути, становились адвокатами всех тех, кто в силу своего социального положения оказывался запертым

в стремительно геттоизировавшихся городских центрах. При этом они не работали на кого-то конкретно и не искали решения проблемы исключительно внутри этих районов, как это было принято в те годы. Они смотрели на проблему гораздо шире и руководствовались собственными принципами.

«Если планировщик в своей работе не ставит целью истребление бедности, расовой или половой дискриминации, то его или ее деятельность является попросту контрпродуктивной» [Davidoff, 1979: 69] — эта реплика Давидоффа фиксировала, что в конечном счете вопрос о действиях адвокативного планировщика упирается в профессиональную этику.

Как и у адвокатов, которые должны действовать строго в рамках профессиональных стандартов, у планировщиков тоже есть свой кодекс этики². В случае с Американским институтом сертифицированных планировщиков (AICP) такой кодекс был принят в конце 1970-х.

Во многом благодаря работе тех представителей профессии, кто, как Пол Давидофф, Уолтер Тэбит и многие другие их коллеги, ставил во главу угла социальную справедливость, в кодексе можно прочесть такие строки: «Планировщик должен стремиться к тому, чтобы у всех людей было как можно больше перспектив и возможностей для благоприятной жизни. Особую ответственность планировщик должен осознавать по отношению к нуждам малоимущих людей и групп и быть готовым активно поднимать вопрос об изменении тех политик, институтов и решений, которые противодействуют этим нуждам» [AICP Code..., 1978].

Норман Крумгольц: планирование справедливой среды

Этические и идеологические принципы, на которых базировалось адвокативное планирование, особых споров не вызывали. Чего нельзя сказать о практике. Уже в первой половине 1970-х сложилось понимание, что заявленные методы работают далеко не так эффективно, как хотелось бы. Блокировать

инициативы, исходящие от властей, получалось успешно, но с мобилизацией сообществ для формулирования конструктивных альтернатив возникали проблемы.

Сообщества не спешили самоорганизовываться, и получалось, что планировщики-адвокаты формулировали за них их позиции, что выглядело довольно искусственным и неустойчивым. Когда же сообщества все-таки добивались участия в принятии решений, их заботило исключительно свое положение. На состоянии городского сообщества в целом это практически никак не сказывалось.

В итоге профессиональное сообщество постепенно сместило акцент с того, в чьих руках власть и система принятия решений, на то, кто что получает в результате принимаемых решений. Настало время, когда адвокативные планировщики пошли во властные кабинеты³.

Нельзя сказать, что это был какой-то резкий переход. Профессионалы, считавшие, что от редевелопмента территории должно выигрывать местное сообщество, а не политики с девелоперами, работали в официальных структурах и ранее. Тот же Уолтер Тэбит после Купер-сквер по заказу города разрабатывал планы по размещению бюджетного жилья в бунтовавшем в середине 1960-х районе Ист-Нью-Йорк в Бруклине. Позже он раскритиковал во многом расистскую политику властей в книге «Как Ист-Нью-Йорк превратился в гетто» [Thabit, 2003].

И все же идеология более справедливого города к 1970-м набрала популярность, и к власти в ряде американских городов пришли так называемые «прогрессивные» команды. В конце 1960-х Карл Струокс стал мэром Кливленда и первым афроамериканцем на таком посту в США. Департамент планирования Кливленда в 1969-м возглавил Норман Крумгольц. Впоследствии он проработал на этой должности еще 10 лет при трех разных мэрах.

Если Давидофф был уважаем в первую очередь как идеолог и теоретик, то Крумгольц был не менее авторитетен как практик. С его подачи в оборот вошел термин «планирова-

2 Подробнее об этике в планировании: Martin Wachs, *Ethics in Planning*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers Center for Urban Policy Research, 1985.

3 Подробнее о смещении акцентов в планировании с общественного участия на содержание конкретных программ: Susan S. Fainstain and Norman Fainstain, "City Planning and Political Values: An Updated View" [Fainstain, 1996].

ние справедливой среды» (equity planning), своего рода подвид адвокативного планирования, когда те же задачи поддержки наиболее социально незащищенных жителей решались изнутри властных кабинетов.

«Город в те годы был в основном сосредоточен на развитии даунтауна. Проекты реновации предполагали расчистку больших территорий. И когда мы выставили на обсуждение один из планов, один местный житель встал и произнес: “Эй, а что насчет нас?”» [*Urban Planner...*, 2012] — вспоминал Крумгольц почти полвека спустя.

Было очевидно, что фокус должен сместиться с инфраструктуры на людей, и Крумгольц начал продвигать программы, нацеленные на более справедливое распределение городских ресурсов.

Во-первых, его ведомство старалось блокировать те предложения, которые пагубно сказывались на развитии города. К примеру, в те годы штат Огайо долгое время пытался продвинуть проект хайвэя через Кливленд. Эксперты-инженеры подробно объясняли нужность проекта для штата, но никто не оценивал его влияние на город. Крумгольц с коллегами решили углубиться в этот вопрос. Обнаружилось, что помимо того, что проект обойдется городу в 37 миллионов долларов, 1262 дома будут подлежать сносу, и, соответственно, столько же семей — переселению, как и 120 объектов коммерческой и промышленной недвижимости. В итоге город бы ежегодно недополучал почти полмиллиона долларов в бюджет в виде различных налогов.

С результатами экспертизы Крумгольц ознакомил и чиновников мэрии, и планировочную комиссию, и локальные сообщества. Это позволило сформировать довольно широкую коалицию противников проекта и вступить в переговоры со штатом. Город озвучил ряд предложений: городской бюджет не финансирует проект хайвэя, переселение жителей проводится исключительно за счет бюджета проекта, штат ежегодно компенсирует городу ту сумму, которую он недополучит из налогов. В противном случае Крумгольц и его коллеги из других ведомств обещали всячески блокировать прохождение проекта. Все это также требовало значительных изменений в законодательствах всех уровней, и в итоге хайвэй так и не был построен.

Второй задачей департамента Крумгольц видел улучшение городских сервисов. Его сотрудники, к примеру, консультировали город-

скую службу по вывозу и утилизации мусора, помогая им выработать более эффективную стратегию работы: оптимизировали маршруты, механизмы финансирования и многое другое. В результате город получил более качественный сервис и ежегодно экономил несколько миллионов долларов.

Третий элемент планирования справедливой среды в Кливленде заключался в том, чтобы сокращения расходов, на которые городу пришлось идти в те годы из-за сложного финансового положения, как можно меньше сказывались на малообеспеченных жителях. Политика в отношении проектов, которые спонсировал федеральный бюджет или бюджет штата, не была в духе «берем, что дают». Вместо абстрактной заботы об интересах горожан в целом Крумгольц с коллегами вели множество переговоров, где детально обсуждалось, какая группа жителей что получит по итогу каждого проекта. В случае с общественным транспортом удалось добиться гарантий снижения тарифов, улучшения сервиса и нововведений, которые в первую очередь были основаны на потребностях наиболее зависимых от общественного транспорта групп — малоимущих, пожилых и маломобильных жителей.

И, наконец, последней составляющей политики Крумгольца была поддержка развития локальных сообществ и тесное сотрудничество с организациями, которые этим занимались. В статье «Городское планирование ради большей справедливости» [*Krumholz, 1986*], которую он написал по итогам десяти лет работы на город, отмечалось, что локальные сообщества могут создавать достаточное давление на бюрократию и добиваться конкретных улучшений своей жизненной среды. Это не панацея для города, не альтернатива той политике, которая формируется на более высоком уровне, но, наоборот, разумное ее дополнение. Локальные сообщества могут ставить такие задачи и предлагать такие решения, которые сложно сформулировать на уровне рынка или государства. В случае Кливленда перераспределить ресурсы города с развития даунтауна в сторону других районов удалось во многом благодаря активным действиям местных сообществ.

«Как наша работа в Кливленде повлияла на других практикующих городских планировщиков? Возможно, не самым радикальным образом. Но мы ясно показали, кем должны быть те, кто управляет городским развити-

ем — активистами, которые стремятся к более справедливому распределению городских ресурсов и не боятся брать на себя риски. К сожалению, очень немногие действуют подобным образом <...> Планировочная практика по-прежнему остается крайне осторожной и консервативной» [Krumholz, 1983] — эти слова Нормана Крумгольца в 1983-м, за год до смерти Пола Давидовфа, звучали как диагноз.

Эволюция адвокативного планирования. Заключение

Зародившись в начале 1960-х, адвокативное планирование успело пережить бурный расцвет, поэкспериментировать с формой и методами и ощутить спад популярности (вместе со спадом популярности левой идеологии в целом в 1970-х и 1980-х). Опыт, который был накоплен за три с лишним десятилетия, предстояло неспешно отрефлексировать. В середине 1990-х один из номеров журнала Американской ассоциации планировщиков [Journal..., 1994] — того самого, в котором за три десятилетия до этого Пол Давидовф писал про публичную защиту и плюрализм — был целиком посвящен адвокативному планированию и его наследию.

«Главный вклад адвокативных планировщиков состоял в их попытках наведения мостов между властными кабинетами и людьми на улицах, доминирующей культурой и “меньшинствами”, между богатыми и бедными, — писал в статье «Эволюция адвокативного планирования» Пьер Клавель. — С 1965 года пропасть между этими группами едва ли стала меньше. И хотя политика по ее преодолению доказала свою неэффективность, по крайней мере у нас есть опыт планировщиков-адвокатов, который помогал обществу не развалиться и открыл городам

возможности для роста, возможно, для будущего роста» [Clavel, 1994].

Адвокативное планирование содержит два измерения: измерение идей и измерение действий. Начиналось оно, прежде всего, как идеология, которая во главу угла ставит социальную справедливость, равный доступ к ресурсам и системе принятия решений в городе и активную профессиональную поддержку тех, кто нуждается в ней больше остальных.

И общество, и города находятся в текущем состоянии: постоянно изменяется их структура и возникают все новые проблемы и вызовы. К вопросам градостроительства добавляется экология (одна из наиболее обсуждаемых сегодня тем в адвокативном планировании), добавляются вопросы гендерной политики и многое другое. Некоторые из лучших работ по адвокативному планированию лежат не в плоскости, собственно, планирования, но в плоскости социальной и даже культурологической работы.

Однозначно одно: в столь многослойной реальности, как современный город, где переплетается огромное количество совершенно разнонаправленных процессов и интересов, всегда будет спрос на идеологию, нацеленную на то, чтобы эту реальность сбалансировать и не дать ей развалиться. Какими методами это будет сделано — изнутри администрации или изнутри локальных сообществ — зависит от конкретного контекста и конкретного исторического момента.

На сегодняшний день можно выделить три поля деятельности, которые выкристаллизовались из того, что полвека назад стало именоваться адвокативным планированием. Первое — это развитие подхода Нормана Крумгольца, планирования справедливой среды. Формированием более инклюзивных подходов к городскому развитию сегодня

в США занимают крупные фонды и многочисленные комьюнити-движения.

Второе — это менеджмент конфликтов. Ведь в реальности все происходит гораздо сложнее, чем описывал в своих работах тот же Давидофф: между альтернативными планами не всегда получается сделать легитимный выбор, а сообществу порой требуется пересмотреть свою позицию в конфликте. Поэтому важно понимать, при каких условиях противоборствующие стороны способны совместно разрешить конфликт⁴.

И, наконец, третий фронт работы для адвокативных планировщиков сегодня — это непосредственная работа с сообществами: организация самих сообществ, формирование их идентичности и совместное с ними

планирование. В англоязычной практике это называется *participatory-action research*, и часто подобная работа ведется в форме сотрудничества локальных сообществ с университетами (Центр развития сообществ при Институте Пратта в Нью-Йорке, к примеру, занимается этим с 1963 года). Ведь если сообщество недостаточно организовано, чтобы выдвинуть собственные требования, то даже у самого профессионального адвокативного планировщика будет мало шансов на успех, и на повторение истории Купер-сквер едва ли придется рассчитывать.

«На это ушло 50 чертовых лет! — кричала 90-летняя Фрэнсис Голдин под аплодисменты собравшихся на улицах Купер-сквер несколько лет назад. Именно столько времени заняла полная реализация «Альтернативного плана Купер-сквер», одного из первых документов в истории адвокативного планирования. — Чтобы сохранить сообщество, мы работали день за днем на протяжении 50 лет. Это очень много, но мы противостояли самому богатому городу в стране и не собирались сдаваться» [*The Plan...*, 2013].

4 Подробнее о разрешении конфликтов и парадигмах, унаследовавших традиции адвокативного планирования: Judith E. Innes, "Planning Theory's Emerging Paradigm: Communicative Action and Interactive Practice" [*Innes, 1995*].

Список литературы

- AICP Code of Ethics and Profession Conduct (Принят в октябре 1978). American Institute of Certified Planners. Washington, D.C.: American Institute of Certified Planners.
- Alinsky S.D. Reveille for Radicals. New York: Vintage Books, 1969.
- Clavel P. The Evolution of Advocacy Planning // Journal of the American Planning Association. 1994. Vol. 60. № 2. pp. 146–149.
- Davidoff P. Advocacy and Pluralism in Planning // Journal of the American Institute of Planners. 1965. Vol. 31. № 4. pp. 331–338.
- Davidoff P. Community Planning and the Advocate in the Suburbs // Interview with Planning Comment. 1971, Vol. 7. № 1. pp. 1–13.
- Davidoff P., Davidoff L., Gold N.N. Suburban Action: Advocate Planning for an Open Society // Journal of the American Institute of Planners. 1970. Vol. 36. № 1. pp. 12–21.
- Davidoff P. The Redistributive Function in Planning: Creating Greater Equity Among Citizens of Communities // Planning Theory in the 1980's. New Brunswick, New Jersey: The Center for Urban Policy Research, Rutgers University, 1979.
- Fainstain S.S., Fainstain N. City Planning and Political Values: An Updated View // Readings in Planning Theory. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, Inc. 1996.
- Forester J. Judgment and the Cultivation of Appreciation in Policy-Making // American Behavioral Scientist. Vol. 38. № 1. pp. 64–74.
- Goodman R. After the Planners. New York: Simon and Schuster, 1971.
- Innes J. Planning Theory's Emerging Paradigm: Communicative Action and Interactive Practice // Journal of Planning Education and Research. 1995. Vol. 14. № 3. pp. 183–189.
- Journal of the American Planning Association. 1994. Vol. 60. № 2.
- Krumholz N. City Planning for Greater Equity // Journal of Architectural and Planning Research. 1986. Vol. 3. № 4. pp. 327–337.
- Krumholz N. A Retrospective View of Equity Planning: Cleveland 1969–1979 // Readings in Planning Theory. Cambridge, Massachusetts: Blackwell Publishers, Inc. 1983.
- Marcuse P. Who/ What Decides What Planners Do? // Journal of the American Planning Association. 1989. Vol. 55. №1. pp. 79–81.
- Popper F.J. The Politics of Land Use Reform. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1981.
- Thabit W. An Alternate Plan for Cooper Square. Cooper Square Community Development Committee and Businessmen's Association, 1961.
- Thabit W. How East New York Became a Ghetto. New York: NYU Press, 2003.
- The Plan That Could Fend Off Real Estate: Frances Goldin and the Cooper Square Committee. Interview with Frances Goldin. URL: <http://artfcity.com/2014/05/13/the-plan-that-could-fend-off-real-estate-frances-goldin-and-the-cooper-square-committee/> (дата обращения 01.12.2015)
- United States Housing Act of 1949, Section 101(c). "Urban Planner — Norman Krumholz" from Cleveland Arts Prize, 2012 URL: <https://vimeo.com/51461876> (дата обращения 26.11.2015)

А. В. БОКОВ

ДВЕ В ОДНОЙ

О ПРИРОДЕ И СЛЕДСТВИЯХ ВНУТРИАРХИТЕКТУРНОГО КОНФЛИКТА

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 104-132
<https://doi.org/10.17323/usp002015104-132>

«Трещина»

Сорок лет назад на поверхности монолита, каким казалась и считала себя в то время архитектура, была замечена трещина. «Мавзолеи против компьютеров» — таким рисовался тогда, казалось бы, неожиданно вспыхнувший внутриархитектурный конфликт. Не является ли этот конфликт вымышленным, а если он реален, то какова его природа и возможные следствия, не исчерпал ли он себя и какова его динамика? Приблизительно таков перечень вопросов, которые лишь на первый взгляд носят отвлеченный характер. На самом же деле судьба архитектуры, ее состояние напрямую связаны с судьбой человеческого окружения, от качества которого зависит наша жизнь. Базовая гипотеза сводится к тому, что внутренние конфликты, споры и диалоги являются нормой, условием существования и движения профессии. Возможно, они не всегда ощущаются одинаково остро и отчетливо, но, несомненно, присутствуют во многих науках и практиках от физики до военного дела. Иными словами, тревожным и ненормальным следует, по-видимому, считать отсутствие конфликта, а не его наличие. Другое дело, что конфликты эти могут носить латентный характер или, напротив, обостряться усилиями соперничающих направлений, групп и школ. Поэтому удивление скорее вызывает не сам факт конфликта как такового, а то, что предположение сорокалетней давности, несмотря на огромный массив последовавших событий и фактов, не вылилось в сколь-либо внятные умозаключения. Архитектура по-прежнему далека от осознания происходящих внутри нее процессов.

Самый убедительный ответ на вопрос о том, насколько реальны внутрипрофессиональные конфликты, дает обращение к недавней истории. За последние 150 лет можно насчитать не менее пяти «трещин» разной глубины, имевших различные последствия. Первая из состоявшихся на этом отрезке и заслуживающих упоминания разделила проектирование объектов строительства на сферу влияния архитектора-художника, создателя художественных и гуманитарных ценностей, и гражданского инженера, выступающего на стороне научно-технического про-

Two-in-One: Nature and Result of The Conflict Within Architecture

Автор: Андрей Владимирович Бокков, доктор архитектуры, академик Российской академии архитектуры и строительных наук

Author: Andrey Bokov, PhD, Doctor of Architecture, Fellow of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

E-mail: andreyvbokov@gmail.com, sar.bokov@gmail.com

Abstract: Modern architecture is not something that had been born from nothing at the turn of 20th century as somebody thinks. The roots of this phenomenon derive from the profane paradigm which constantly stays in a dialogue with the Sacred one and goes through all the history of human settlements.

The remarkable events of architectural history and the current practice are the consequences of the relations (domination or balance) between the Sacred (high, ideal) and the profane (practical, functional) paradigms.

Keywords: modern architecture, sacred paradigm, profane paradigm, urbanism, urban planning, architectural design, industrial design

гресса. Конструкции, инженерные системы, заводы, склады и вокзалы доставались инженеру. Все видимое, заметное, включая фасады тех же заводов и вокзалов, доверялось архитектору. Эта идиллия с появлением Хрустального дворца, Эйфелевой башни, мостов и небоскребов стала все более отчетливо перерастать в соперничество и борьбу за лидерство.

Следующий эпизод приходится на начало XX века и выглядит как конфликт «современной» архитектуры и архитектуры традиционной, или академической. В Америке этот конфликт почти не заметен. В Европе он выглядит бунтом людей, впечатленных техническим прогрессом и либо не обремененных профессиональным образованием, как Ле Корбюзье и Мис ван дер Роэ, либо способных решительно порвать с прошлым, как братья Веснины. Современные постройки на Западе — это или виллы продвинутых интеллектуалов, или акции левых правительств и муниципалитетов. В «солидное» буржуазное общество «современную» архитектуру пускают неохотно. И только в советской России эта архитектура оказывается в роли почти полной хозяйки.

Середина 1930-х годов отмечена еще одним обострением взаимоотношений внутри архитектуры. Этот конфликт хоть и локализован, ограничен пределами СССР, но оттого еще более драматичен. «Современная», функциональная, техницистская архитектура в странах с радикальными режимами оказывается под прямым запретом. Но если в СССР она выглядит пришельцем с Запада, то в Германии ее главным спонсором считался мировой коммунизм. Победителем современной архитектуры на этом этапе становится монументальный ар-деко, разошедшийся от Америки до Китая.

Новый конфликт, новый кризис приходится на послевоенное время. Он охватывает едва ли не весь мир, включая пребывавший за железным занавесом соцлагерь, и напоминает «второй приход современной архитектуры». В СССР и этот кризис переживался острее, чем где бы то ни было, сопровождался жесткой борьбой с «излишествами» и завершился победой строителей над архитекторами.

Влияние строителей, застой в экономике и культуре замедлили движение российской архитектуры в тот момент, когда окружающий мир начинает все явственней ощущать признаки столкновения «мавзолеев» с «компьютерами». Этот конфликт описывается Ч. Дженксом как конфликт модернизма с «постмодернизмом», под именем которого объединилось, по сути, все, что отличается от прямоугольных коробок и фасадов «в клеточку». И хотя «под зонтиком» постмодернизма оказались близкие Дженксу архитектурные капризы, шалости и забавы, реальная и сильная оппозиция «современной» архитектуре складывалась внутри нее самой. Постмодернизм оказывается неким обострением того протеста, который много раньше намечался в художественных поисках и высказываниях создателей региональных архитектур, интерпретаторов наследия и сторонников новой монументальности вроде Л. Кана, П. Рудольфа, Э. Сааринена, И. Утзона и К. Танге. В пользу этих людей и созданных ими «мавзолеев» завершается архитектурный конфликт 1980–1990-х, в котором отечественные архитекторы оказывались не только в роли наблюдателей и сочувствующих. Миру еще предстоит открыть имена героев поздней советской архитектуры — И. Чернявского, Л. Павлова, В. Павлова и многих других.

Последующие годы отмечены снижением уровня внутрипрофессиональной конфликтности и медленным движением к контролируемой мировыми звездами «глобальной» архитектуре. Одновременно с «глобальной» набирает силу локальная, региональная архитектура, горячим поклонником которой становится московский мэр Ю. Лужков.

Внутрипрофессиональные кризисы и конфликты, разделенные дистанциями от полутора до трех десятилетий, могут существенно сгладиться, но исчезнут совсем лишь с исчезновением профессии. Эти конфликты выглядят или предъявляются заинтересованными сторонами как столкновение старого, отживающего, обреченного с полным сил новым и прогрессивным. На деле же мы наблюдаем

нечто вроде постоянного возврата если не к прежним и известным настроениям, то к чему-то весьма с ними сходному. Эти конфликты непосредственно не связаны и с процессами специализации, хотя внешне могут напоминать столкновение разных компетенций. Специальности и специалисты не сталкиваются в борьбе за выживание, они обречены на согласие, взаимодействие. Каменщики и плотники вправе поспорить, но не могут обойтись друг без друга, что, впрочем, не мешает им конфликтовать с технически менее или более продвинутыми коллегами, находящимися на других уровнях специализации. Природа конфликта «мавзолея» с «компьютером», как сказали бы в СССР полвека назад, носит «идеологический» характер, и в основе ее вовсе не технологические обстоятельства.

Хотя самый болезненный эпизод новейшей истории российской архитектуры, связанный с уже упоминавшейся победой строителя над архитектором, многие склонны толковать как конфликт специалистов, один из которых, архитектор, является по-прежнему создателем проекта, а другой, строитель, выступает в роли зарвавшегося исполнителя, дело обстоит иначе. Архитектор конфликтует не с исполнителем (строителем), а с «проектировщиком», инженером, конструктором, технологом или управляющим проектом. Известный создатель первых панельных домов инженер В. Лагутенко — не родственник каменщика или монтажника, а прямой потомок дореволюционного гражданского инженера. В процессе упомянутого конфликта сами архитекторы, порой незаметно для себя, трансформировались в проектировщиков, т. е. представителей иной, неархитектурной идеологии, иного, инженерного типа мышления. Исполнитель проекта — строитель — возник в итоге специализации и отделения проектирования дома от его постройки, и с ним в равной мере обречен сотрудничать любой, кто создает проект. Поводом же конфликта становятся одновременные претензии на решение одной и той же проектной задачи двух разных персонажей, одного из которых зовут «архитектором», другого — «инженером», один из которых занят «архитектурным» проектированием, другой — проектированием «строительным». В действительности архитектор, в прошлом «главный строитель», и нынешний инженер-строитель имеют равные права на проектирование.

То, что у архитектуры двойственная, «гибридная» природа, известно давно. Это тревожило и Витрувия, призывавшего гармонизировать «пользу и прочность» с красотой, и его потомков, убеждавших себя и окружающих, что все рациональное красиво. Иными словами, нам постоянно приходится слышать, что своего рода идеалом, конечной целью является некий «мавзолей-компьютер», архитектурный гермафродит. На практике интерес вызывают особи совсем иного рода, наделенные характером, волей и явными признаками принадлежности одной из соперничающих сторон. Нормой является доминирование художественного или технического компонента, мавзолейного или компьютерного генома, причем вне зависимости от назначения объекта.

Право на тот или иной подход к проектированию приобретается из разных источников, чем объясняется их сложная сводимость и трудное достижение баланса. Это своего рода «Восток» и «Запад», которым «вместе никогда не сойтись». Следствием двойственности становится терминологическая неопределенность, когда в одном случае «архитектура» ассоциируется с придумыванием фасадов, а в другом связывается с ответственностью за конечный результат на строительной площадке. Столь же неопределенной и трудно дозируемой в одном случае оказывается встроенность в обучение архитектуре технических дисциплин, и, напротив, интеграция дисциплин художественных в обучение инженеров. Важно в первую очередь признание того, что каждый из тех, кто заканчивает строительную или архитектурную школы, склонен решать проектную задачу независимо и по-своему. Называет он себя при этом «архитектором» или не называет — менее существенно.

Принципиально разные источники этих идеологий определились задолго до разделения проектирования и строительного исполнения, состоявшегося уже в новое время, лет четыреста-пятьсот назад.

«Горнее» и «дольнее»

Хотя каждый из конфликтов, обнаруженных в биографии архитектуры, по-своему уникален, все они имеют нечто общее, выглядящее столкновением «сакрального» и «профанного» или, выражаясь более нейтрально, «горнего» и «дольнего».

Корни, истоки высокого, горнего очевидны, как и его связь с «настоящей», «большой» архитектурой, которой посвящены учебники и фундаментальные труды по истории искусств. По этим книгам занимаются в академиях и прочих серьезных учебных заведениях, где воспитывается особый, избирательный взгляд на действительность, взгляд, который часто предпочитает реальности, наполненной живыми людьми, бытовыми подробностями и случайными вещами, — некие метафизические картины. Несмотря на очевидные изъяны, этот подход не просто продолжает существовать, но сохраняет популярность и несомненную результативность. Дольнее менее структурировано, менее организовано и выбирает практически все, что не замечено, проигнорировано горним, все, что высокому и академическому не близко. А это мир массового жилья, мир техники и машин, мир нового искусства с инсталляциями и концепциями и многое другое. Горнее расположено, склонно к загадочному, сложному и таинственному, оно непрактично, выглядит излишним и труднообъяснимым. Дольнее предпочитает полную ясность и отчетливое толкование. Здесь приветствуется остроумие, допускаются незамысловатые шутки, легкое заигрывание и простые эмоции — все то, что свойственно привычному, бытовому и обыденному. Каждая из парадигм охватывает все уровни интеллектуальной практики от базовых целей, ценностей и правовых основ до политики, вопросов управления и проектных решений. Столь высокая степень подготовленности и завершенности могла быть достигнута лишь в силу исключительной укорененности представлений о высоком и низком, горнем и дольном.

Именно эти представления открыли ранее неведомое, породили первую фундаментальную модель мира, которой соответствовали и следовали миры «свой» и «чужой», миры «предков» и «живых», миры «мужской» и «женский». Последующие события, которые Европа переживает в Средние века, приносят другие меры, выстраиваемые, однако, по прежней модели: это миры аристократический и плебейский, миры религиозный и светский, миры городской и деревенский. Новое время открывает множество своих миров в виде промышленных и жилых районов городов, курортов и окраин, дорогого жилья и жилья эконом-класса, квартир в городе и дач за городом и т. д. и т. п. Общей чертой архаических и более поздних средневековых миров и миров Нового времени становится их пространственная, архитектурная выраженность. Это разные части одного и того же дома, это разные дома, это разные части поселения, разные поселения, разные территории, культурные и неосвоенные или осваиваемые по-разному.

Стены, крыши, границы и пути, зримые признаки миров, создаются архитектурой и являют собой архитектуру мира, упорно сохраняющего признаки двухчастности. Если полагать архитектуру древнейшей человеческой практикой, организующей обитаемое, культурное пространство, формирующей среду, то важнейшим инструментом этой практики мы вправе считать деление и одновременное объединение высокого и низкого. Вопрос в том, насколько это деление-объединение сегодня актуально. Вопрос не праздный, поскольку едва ли не главной целью революций Нового и Новейшего времени становится ликвидация границ и различий между сословиями и классами, между городом и деревней, между мужчиной и женщиной и т. д. и т. п. Несмотря на феноменальное упорство, с которым осуществлялись эти планы, прежде всего в России, по сей день мы без труда обнаруживаем следы присутствия обеих парадигм. Границы между горним и дольным проходят через все социально-экономические уклады, через их следы и рудименты, сохранившиеся до наших дней. Эти границы меняются, мигрируют,

приобретают новые траектории, организуя и реорганизуя мир, который нас окружает, и сознание тех, кто мир создает.

Средневековые мasons и их современники, рядовые горожане, хоть и трудились сходным образом, работая по образцам и по месту, строя, по сути, один и тот же храм или дом, но, по собственному мнению и мнению окружающих, занимались разным делом и принадлежали разным сообществам. Позднее Возрождение и Новое время разделили проектирование и исполнение, породив архитектора в его современном виде и сформировав особое проектное сознание. Итогом этого стала возможность получения всякий раз качественно отличного, соответствующего вызову результата, фиксируемого предварительным изображением — чертежом или трехмерной моделью. Эти решительные изменения не стерли, тем не менее, из памяти профессии представления о высоком и низком. Способность великих универсалов Ф. Брунеллески, Леонардо или Микеланджело решать и художественные, и инженерные задачи вовсе не свидетельствует о неразделенности таких задач в сознании. Каждый из этих людей отчетливо квалифицировал ряд занятий, ощущал границу между высоким и низким и очевидно гордился своей способностью работать по обе ее стороны.

Несовременное и современное

Смысл приводимых далее рассуждений сводится к тому, что термин «современная архитектура», обозначающий в т. ч. события столетней давности, себя исчерпал, как, впрочем, и его производные с приставками пост- и нео-. Прежняя полемичность этого термина больше не ощущается, а универсальность явно препятствует обретению ясности. Эпитет «современный» изначально содержит косвенное признание того, что существует нечто несовременное, возможно, ко времени безразличное, со временем не связанное. Множеству самых разных явлений в архитектуре XX века, ставших давно историей, мы до сих пор не можем придумать иное название и склонны все без разбора, за исключением разве что «домов с колоннами», считать современным.

Лишенный предубеждений наблюдатель не может не замечать родовые, генетические, принципиальные отличия представителей современной архитектуры. «Перезагрузка», переосмысление известного материала, объяснение того, что казалось незамеченным, возможно, восстановит справедливость в отношении и героев, и изгоев, изгнанников современной архитектуры, тех, кто переоценен, недооценен, оценен неточно или не за то. Возможные сомнения в справедливости приводимых здесь и далее утверждений могут быть порождены двумя устоявшимися взглядами на рассматриваемый предмет. Согласно первому, «современная» архитектура является прямым продолжением «линейки» архитектурных стилей, очередной версией, пришедшей на смену безордерным стилям конца XIX — начала XX века: викторианскому, стилю Наполеона III, российскому имперскому стилю, историзму, сецессии и ар-деко, возврата к которым нет и быть не может. Согласно другому толкованию, укорененному не столько в учебниках, сколько в массовом сознании и массовой культуре, современная, «модернистская» архитектура также отождествляется со стилем, но вполне коммерческим, пребывающим в одном горизонте, на одном прилавке с классикой, этникой и прочим товаром, предполагающим разве что известную сдержанность в отношении декора.

Правда, на мой взгляд, заключена в том, что практичная, функциональная, «дольная» архитектура не является итогом трансформации, эволюции, перерождения или радикального изменения одной и той же академической архитектуры из учебников. При ближайшем рассмотрении она оказывается лишь фрагментом, звеном в длинной истории обыденной архитектуры, возникшей не позже первых храмов и монументов, т. е. растет из другого, собственного корня и имеет собственную внестилевую природу. Теория и история этой архитектуры ближе истории культуры и этнографии, и она еще не написана. В эту не написанную историю войдут жилища

строителей пирамид, убежища рабов и инкунабулы древнего Рима, квартиры вдов моряков в Копенгагене и рабочие кварталы викторианского Лондона.

«Горнее» уникально и неповторимо, каждый представитель горного «единственный в своем роде». Обыденным становится все, что принадлежит обширным сообществам сходных, стандартных, тождественных предметов. Обыденное, массовое и типовое возникло задолго до индустриального производства, в облике народного, этнического, кустарного, ремесленного, наделенного, как правило, незначительными индивидуальными отличиями. Индустриальное, промышленное производство, вкуче с расширившимся рынком и рекламой, вывели массовое из пассивного состояния, из состояния нейтрального, рутинного, анонимного и малозаметного, из состояния вторичного и ведомого в активное состояние нового «драйвера» средообразования.

Сами по себе изделия индустриального производства, включая дома, несущие по определению печать обыденного, не приобрели бы той значимости, того веса, какие могли прийти лишь с принесенным Реформацией радикально новым взглядом на окружающий мир. Интеллектуальные, эмоциональные истоки современной архитектуры обнаруживаются в идеологии протестантизма, в культуре и архитектуре протестантских сект и общин, замечательно сочетавших здоровый практицизм с культом упрощения и очищения. Лишенные декора храмы, дома и предметы окружения, принадлежащие тем, кто с Богом общается напрямую, во многом сходны с открытиями «современных» архитекторов, состоявшимися много лет спустя. Но если протестантские корни другой и новой архитектуры отчасти объясняют ее появление и взлет на Западе, то в России сходные события труднее объяснимы, да и происходили они по иному, менее ясному сценарию. Запоздалая и краткая русская реформация утонула, растворилась в потоке войн и революций, и лишь внимательное, непредвзятое исследование поможет когда-нибудь выделить и подтвердить корни явления, именуемого «конструктивизмом». Заводы и фабрики, клубы и дворцы труда, ставшие новыми храмами атеистического антиклерикального государства — «царства божьего на земле», и прочие изобретения русской культурной революции обнаруживают признаки связанности со старообрядчеством, беспоповством и другими специфическими формами русского протеста, явные и неявные сторонники которого, от состоятельных купцов до крестьян и рабочих, приняли самое деятельное участие как в подготовке революции, так и в последующем превращении храмов и монастырей в клубы и склады. Нелишне вспомнить, что новую западную живопись, кубистов и фовистов, привезли из России два купца-старообрядца, два друга-единоверца, которые одновременно увлеченно поддерживали и финансировали революционную «тусовку».

Антиподы «современной» архитектуры скрываются не только под именами «классики» или «ар-деко», их полным-полно внутри «современной» архитектуры, точнее в отведенном ей времени. Под зонтиком «современности» в течение последних ста лет оказываются диаметрально противоположные явления, которые объединяет разве что время существования. Персонифицированная умеренная сецессия в исполнении А. Аалто, Э. Мендельсона и Ф.-Л. Райта, «пролетарская классика» И. Фомина и динамичное ар-деко К. Мельникова без малейших колебаний отнесены к современной архитектуре, невзирая на очевидные их особенности и часто вопреки протестам самих авторов. Современная архитектура приняла в себя Э. Сааринена, П. Рудольфа, Л. Кана и Ле Корбюзье — автора капеллы в Роншане и монастыря Ла Турет, не скрывавших своего интереса ни к историческим прототипам и прообразам, ни к скульптуре и скульптурности. Не меньшей неразборчивостью отмечен и другой популярный зонтичный термин — «русский конструктивизм». М. Гинзбург, утверждавший, что «форма следует за функцией» и лидер АСНОВА Н. Ладовский, предлагавший «архитектуру мерить архитектурой», были бы сильно удивлены, услышав, что принадлежат одной компании. А член АСНОВА К. Мельников никогда не скрывал, что И. Жолтовский ему куда ближе М. Гинзбурга и Ле Корбюзье.

Подлинных создателей, отцов современной, иной, архитектуры не так много. Это упоминавшийся А. Лоос, В. Гропиус периода Баухауса, Л. Мис ван дер Роэ, Г. Ритвельдт, лидеры российского ОСА М. Гинзбург и братья Веснины, наконец, ранний, довоенный Ле Корбюзье. Именно эта команда создала архитектуру вне границ, сегодня ассоциирующуюся с глобализмом, а несколько десятилетий назад принадлежавшую «интернациональному стилю», стилю без стилевых признаков, нейтральному или «нулевому».

Усилиями нескольких поколений современных архитекторов и художников сложилась альтернативная эстетика, прозорливо названная в СССР 1960-х годов технической. Машины, поезда, мосты и металлический каркас были не только интегрированы в культуру, но опозитизированы и фетишизированы, превращены в символы, арт-объекты и предметы поклонения.

Игнорирование очевидной противоречивости и внутренней двойственности «современной архитектуры» и «конструктивизма» как смысловых конструкций имеет объяснение. Дело в том, что инженерный, технический геном оплодотворил, подчинил себе, захватил сознание едва ли не самых талантливых, сильных и обаятельных художников рубежа прошлого и позапрошлого веков, бескомпромиссно выступивших на стороне техники. И этот выплеск энергии оказал дольнему куда большую поддержку, чем попытки инженеров украсить металлические конструкции классическим декором. Поэтика заговорила языком прагматики, дав миру шедевры вроде виллы Савой Ле Корбюзье, Барселонского павильона Л. Мис ван дер Роэ и проекта башни III Интернационала В. Татлина. На заре своего рождения современная архитектура вовсе не была послушной служанкой и исполнительницей воли инженера, ее создатели, родители и отцы, «инженеры человеческих душ», боролись не столько во славу техники, сколько против неоправданно узкой, академической или салонной версии высокого искусства, к которому испытывали сложную гамму чувств, от ревности до зависти. Не вполне практичные, далеко не всегда следующие конструктивной логике, замечательные открытия этих лет, с одной стороны, несомненно, расчистили путь к последующему ошеломляющему успеху одинаковых панельных и непанельных домов, зато, с другой, разбудили, подтолкнули к собственным открытиям дремавшую высокую архитектуру.

«Дворцы» и «хижины»

У архитектуры и архитекторов есть свои устойчивые комплексы — «комплекс хижины» и «комплекс дворца». Естественное предпочтение простого, легкого, доступного и необременительного формирует не просто особый взгляд на жизнь и окружающий мир, особую систему целей и ценностей, но своего рода культуры, имеющие множество адептов от тихих дауншифтеров до шустрых красных кхмеров. Простое легче постигается, и им легче управлять. Устроители простого дольнего мира убирают из окружения все лишнее, необъяснимое и странное, оставляя чистую геометричную белую форму и черный квадрат. Минимализм, по недоразумению называемый иногда стилем, является лишь признаком, естественной чертой дольнего и профанного. «До основания, а затем», с «0» и с «чистого листа», заново и с самого начала строятся страны, города, дома и дороги. Создатели нового мира не сомневаются в собственной правоте, убеждены в правильности своих взглядов и поступков. Они бескомпромиссны и до конца следуют одной идее и одной схеме.

Их оппоненты, бессознательные и осознающие себя таковыми, не склонны упрощать мир. Они видят его многослойным и сложным, противоречивым и комплексным, многоаспектным и многофункциональным. Их цель — достижение компромисса и ответа на максимальное число вызовов и вопросов. Все это сопровождается и внимательным отношением к вкладу предшественников, и бережным сохранением накоплений и наслоений. И этот путь отличен от дольнего пути как алгебра от арифметики.

«Бедное и простое» оказывается не только неизбежным следствием массового производства и демократизации общества, но особой ценностью, задающей характер поведения, одежды, домашнего и городского окружения, формирующей эстетику брутальной архитектуры, «суровой» живописи и «бедного» театра». Первым признаком бедности и простоты становится отсутствие декора, орнамента и украшений. И если в начале прошлого века орнамент квалифицировался как преступление лишь в пылу полемики, то позднее в СССР «украшательство» рассматривается как государственное преступление почти всерьез. То, чем люди привыкли украшать себя и свои дома, чем отмечаются статус, заслуги и особенности, восходит к тотемам, оберегам, регалиям, жертвоприношениям, реликвиям и накоплениям, обретение которых, равно как изъятие или запрет, — есть «культурные акции». Языческие орнаменты и изображения библейских сцен на стенах домов и храмов вплоть до недавнего времени огромному числу наших соотечественников представлялись не только чем-то естественным и вполне содержательным, но даже более значимым и ценным, чем сами стены. Однако орнамент и изображения перестают быть текстами и посланиями, если теряют связь с местом, аудиторией и широким культурным контекстом. Становясь делом необязательным, отслаиваясь и обособляясь, эти атрибуты деградируют до уровня упаковки, чего-то заведомо произвольного, легко сменяемого, напоминающего маску, сопровождающую игру с превращениями.

Маски — распространенная принадлежность массового коммерческого продукта, коммерческой недвижимости, часто стремящейся избежать клейма бедного или низкого, того, чем на самом деле этот продукт является. К услугам сегодняшнего российского покупателя «классика» и «модерн», «бельгийские» и «провансальские» деревни, «римские» дома и «итальянские» кварталы. Чистая, простая и бедная форма, рожденная социальным протестом и демократическими преобразованиями, подверглась эрозии.

Массовое индустриальное вслед за массовым доиндустриальным, за фольклорным и этническим, охотно покрывается «татуировками», обзаводится орнаментами и архитектурной бижутерией в полном соответствии с культурным механизмом, делающим шута королем. Новыми храмами становятся торгово-развлекательные центры, казино и диснейленды, сделанные из пластмассы и наполненные волнующими сокровищами, которые исчезают «с наступлением дня». И пока бедное насыщается признаками роскоши, высокое и богатое склоняется к аристократической сдержанности, убедительной монументальности и внутренней дисциплине. Высокая архитектура, давно избавившаяся от ордерной зависимости и свободно владеющая многими архитектурными языками, адаптирует опыт хижин с тем же энтузиазмом, с каким хижины обзаводятся признаками дворцов.

Горнее увереннее и отчетливее присутствует в области видимого, внешнего и репрезентативного, дольнее чаще скрыто от глаз и сосредоточено на внутреннем, функциональном, практичном, на конструкции и инженерном обеспечении. Формирующий итог вектор в одном случае направлен изнутри наружу, в другом — снаружи вовнутрь. При этом форма, порожденная внутренними силами, подчиняющаяся им, «современными» архитекторами полагается «честной», а форма, им не следующая, — декоративной, ложной и лишенной необходимой рациональной мотивации. В горней парадигме форма становится лидером и поводырем, наделяется собственной волей. Эта форма способна быть самоценной, совершенной и сложной, опережать, предугадывать и вызывать появление самых разных процессов, функций и конструкций. Горнее, в отличие от дольного, склонно быть красивым и выразительным.

Девальвация «красивого», деэстетизация является прямым продолжением и следствием десакрализации и торжества этики, торжества идеалов честности, справедливости и простоты. При этом дольнее, профанное воспитывает свою собственную эстетику, нейтральную, безразличную к абстрактной красоте и лояльную к некрасивому. Этой эстетике отводится сопровождающая, несамосто-

тельная роль, напоминающая ту, в которой оказывается этика внутри горней парадигмы.

Высокое и низкое существуют всегда, как бы ни выглядели официальные доктрины или неофициальные версии. Бараки оказываются обязательным сопровождением сталинских высоток, а облицованные мрамором дворцы съездов и обкомы успешно дополняются демократичными панельными «хрущевками». Своеобразного успеха в примирении горнего и дольного добилась довоенная Америка. Американская техника и выдающиеся инженерные сооружения, которые вызывали зависть левых европейцев и считались предвестниками архитектуры будущего, самими американцами подобным образом не оценивались, Л. Салливан увлеченно украшал небоскребы орнаментом, а банки, вокзалы, библиотеки, правительственные здания и суды, строившиеся до 40-х годов XX века, напоминали Парфеноны и соборы Святого Петра.

Как бы ни складывались судьбы горнего и дольного, их присутствие во многом предопределено унаследованным из далекого прошлого делением всего массива окружающих нас объектов на два сообщества. Одно из них объединяет театры, музеи, мемориалы, конгресс-центры и т. д. и т. п., восходящие к храмам и дворцам. В другое входят заводы, склады, транспортные и инженерные сооружения, которым по причине происхождения и родства не суждено попасть в «высокое» общество. Граница между этими сообществами, несмотря на демонстративные попытки ее нарушения авторами центра Помпиду, напоминающего нефтеперегонный завод, или создателями атомного реактора в Израиле, похожего на древнюю усыпальницу, вполне устойчива. Пространством соперничества чаще всего становится промежуточная, «серая» зона, в которой доминирует массовое жилье и, прежде всего, многоквартирный жилой дом. Именно в этой зоне уже более ста лет происходят события, которые можно квалифицировать как войну «хижин» и «дворцов». И это не столько столкновение дорогого и дешевого жилья, сколько двух подходов к решению одной и той же задачи, один из которых предлагает довоенные Левиттауны и Магнитогорск, а другой — послевоенные кварталы Минска или Смоленска и «версали для бедных» Р. Бофила. В ситуации относительно свободного выбора парадигмы, вроде той, что сложилась в наши дни, чиновники, инвесторы и архитекторы, все те, кому предстоит выбирать, как правило, обнаруживают свои предпочтения вполне определенно. Наблюдаемое впоследствии движение в гибридную «серую зону» происходит стихийно, «в силу обстоятельств».

Высокое и низкое, принадлежащее культуре и относимое к технике, поэтичное и практичное, региональное и глобальное ведут непрерывающийся обмен в самых разных формах — от мирного диалога до жесткого конфликта. Итогом этого обмена становятся самые разные состояния: от равновесия, сбалансированности до бескомпромиссного доминирования одной из версий. Мы видим параллельное действие прямо противоположных сил — архитектуру, «зараженную» дизайном, и архитектуру, сохраняющую иммунитет; видим превращения, инверсии и гибриды. Принадлежавшее бытовому и банальному становится антиквариатом и музейным экспонатом, наделяется высокой ценой и особой значимостью, чему предшествует или сопутствует десакрализация святынь, обесценивание реликвий и разрушение прежних храмов. То, что замерло, остановилось на пути от высокого к низкому или от низкого к высокому, пополняет сообщество гибридных структур — «не дворцов и не хижин» или одновременно «и хижин, и дворцов».

Процесс естественного движения парадигм носит признаки цикличности, сходные с теми, что наблюдаются в экономике, политике, культуре и сопровождаются изменением оценок, реакций общественного сознания, настроения элит, медийного сообщества и т. п. Если то, что недавно казалось хламом и мусором, чем-то недостойным внимания, становится памятником, а к прежним ценностям, на которые затрачивались неимоверные усилия, интерес неожиданно пропадает, значит, мы имеем дело с самонастраивающейся системой, теоретически безразличной к содержанию того или иного цикла. В прошлом столетии это безразличие

было успешно преодолено и сменилось назначением одной или другой парадигмы на место основы государственной культурной и архитектурной политики. В СССР, Германии и Италии, а затем только в СССР конкуренция высокого и низкого прекратилась под действием прямых запретов, а архитектура приобрела удивительную способность меняться чуть ли не на следующий день после выхода декрета с приговором взглядам предшественников. Прямым следствием вмешательств становятся постоянно перекраиваемые города, состоящие из несовместимых следов разных эпох.

Спокойные или не определившиеся режимы предпочитают менее драматичные, мягкие трансформации и эволюционные изменения, которые сопровождаются усилиями прессы, архитектурных школ, профессиональных и непрофессиональных групп влияния. Под действием многих обстоятельств смена парадигм в разных частях происходит далеко не синхронно. Более ранний или более поздний приход лидирующих настроений — нечто индивидуальное. В Америку современная архитектура пришла с сильным опозданием, уже после войны, но зато здесь раньше, чем где бы то ни было, возник призрак постмодернизма.

Диалог «дворцов и хижин», горнего и дольного протекает и в границах одной личности, в пределах одной жизни, одной биографии, одной карьеры. Настроения меняются и с возрастом, и под влиянием извне. В конце 1930-х годов убежденные конструктивисты дружно овладели классическим языком, а великие И. Жолтовский и А. Шусев дважды меняли «веру». Для исполнителей и эпигонов такой переход — вполне заурядная процедура; для лидера и мастера смена мировоззрения — дело не менее болезненное, чем смена пола. Тем не менее одни и те же персонажи способны быть протагонистами противоположных настроений. Довоенный Ле Корбюзье, автор Лучезарного города и белых вилл, и послевоенный Ле Корбюзье — создатель скульптурной капеллы Роншан и brutальных построек Чандигарха — два разных, но одинаково популярных героя. Сходным успехом могут похвастаться А. Шусев и Ф. Джонсон, наделенные отменным профессиональным долголетием и успевшие поработать в двух-трех разных парадигмах, манерах и эпохах.

Временное и вечное, движимое и недвижимое

У горнего и дольного принципиально разное отношение к пространству и времени. Если в горней парадигме мир предстает неизменным, стабильным и статичным, то оппоненты видят его в движении. Массовая и популярная, дольная архитектура избавляется от признаков монументальности, приобретает «четвертое измерение» и уподобляется машине не метафорически, а почти буквально. Требование учета того, что именуется «жизненным циклом», присутствие обязательных «правил эксплуатации», предписание необходимых ремонтов и прогноз утилизации становятся для домов нормой. Все то, что еще недавно касалось мебели, инженерного и иного оборудования, распространилось на стену, крышу и фундамент. Из вечных и бессмертных героев они трансформируются в нечто непостоянное, легко сносимое, собираемое и разбираемое. Их судьба повторяет судьбу современной скульптуры, превращающейся в мобиль, инсталляцию, во что-то неопределенное и отказывающееся от претензий на незыблемость и вечность.

Представление о собственном доме как о чем-то временном и непостоянном утвердилось с появлением массового индустриального жилья и с иным образом жизни. В СССР, считавшем социализм переходным периодом, скромное, пребывающее в госсобственности жилье первых пятилеток или начала 1960-х считалось временным, прежде всего, по мотивам идеологическим. Американский односемейный дом на деревянном каркасе попал в ту же категорию по причинам скорее практическим и сущностным. Современное жилье быстро смиряется с новыми родственниками в лице купе, кают, автомобилей и гостиниц и превращается в товар и продукт, готовый менять облик и упаковку, подобно тому как это происходит в автопроме и ширпотребе.

Ближайшее и непосредственное, «реальное» окружение — обыденное и повседневное — все в большей степени заполняется временным, изменяемым как циклически, т. е. по сезонам и времени суток, так и линейно и безвозвратно. А существующая в этой атмосфере архитектура не склонна сопротивляться надписям, изображениям, рекламе и легко уступает им первенство и место.

Идея рукотворного мира, сплошь состоящего из материала, имеющего срок годности, оформилась в 1960–1970-х усилиями, работами и мыслями японских метаболистов, англичан из Аркигрэма, российской группы НЭР и их последователей. В это время рождаются представления о временной шкале, на которой обнаруживаются те, кому уготовано сто и более лет жизни, т. е. кому жить суждено несколько десятилетий, и те, срок жизни которых исчисляется годами, месяцами или днями, но главное заключено в том, что всем, размещенным на этой шкале, отказано в бессмертии.

Гарантия бессмертия порождает безразличие к новшеству и прогрессу — главным увлечениям техники и экономики, которые охотно заимствуются и новой архитектурой, и продвинутым современным искусством. Новшества, инновации, новеллы и обновления становятся топливом для дольнего, его фетишем и наркотиком. Горнее, напротив, стремится время не замечать. Серьезным и безапелляционным судьей временному и вечному становится рынок. Цена временного, будь то холодильник, пылесос, машина или квартира в панельном доме, неуклонно падает. Капитализация вечного растет, как растет цена антиквариата, и касается это не только «топовой» недвижимости, но и домов с многовековой историей в забытой деревне в горах или у моря.

Чем сильнее сжимается область вечного, чем заметнее становятся изменения, тем активнее противодействие. Формами этого противодействия оказываются и охрана памятников, и особое чувство, в основе которого — очевидное недоверие к временному и новому, и растущая оценка всего устойчивого и временем проверенного. Памятники истории, культуры и природы становятся очагами и оплотами сопротивления нашествию массового, популярного и практичного. Усилиями борцов за бессмертие популяция памятников пополняется новыми участниками — монументами, что посвящены людям или событиям, и старыми домами, что приходят из все более близкого прошлого и открываются под позднейшими наслоениями слухов, предубеждений или банального мусора. И хотя на роль памятников претендуют все новые дома и улицы, их число не столь велико в сравнении с сентиментальной значимостью, эмоциональной ролью и культурным весом. Оставаясь даже скромными вкраплениями, точками на картах обширных территорий, памятники и монументы, неотделимые от своих мест, составляют пространственный и смысловой каркас — основу полноценного обитаемого человеческого мира, вне которого он, этот мир, заведомо ущербен.

Базовым признаком принадлежности архитектуре является связь с землей и местом. У большинства других представителей предметного мира этот признак отсутствует. Не знавшие архитектуры кочевники создали богатое и насыщенное окружение, основой которого было вечное, но движимое сборно-разборное жилище — юрта, иглу, шатер и палатка — своего рода коллективная одежда, предназначенная для нескольких человек. Остановившиеся в своем развитии почти на тысячу лет перемещаемые и кочующие дома возвращаются самой логикой массового индустриального производства и современного образа жизни, но уже в дольней парадигме.

Предвидения, предчувствия и призывы, нарушившие незыблемость и устойчивость, спокойствие и монументальность зданий, обнаруживаются за несколько десятилетий до начала их массового индустриального производства. Словно в ожидании перемен, архитектура с начала XX столетия демонстрирует готовность к движению, следы движения, интерес к состоянию отрыва, прыжка, полета вперед, вверх, по диагонали или оборота вокруг оси. Одновременно с домами из равновесия выходят неподвижные ранее памятники и монументы, испытывавшие

влияние современной им скульптуры и захваченные идеей недвижимое сделать движущимся. Живопись футуристов и архитектура ар-деко вдохновляются кораблями, самолетами, поездами и автомобилями — особого рода обитаемыми устройствами, которые лишены непосредственной связи с землей и каких-либо прямых обязательств в отношении конкретных мест. Именно отсутствие связи с землей и местом порождает сходство дома с вещью, с предметом, производимым на заводе, и становится главным признаком «предметоподобия» архитектуры. Дом-вещь, дом-предмет избавлен от известных, привычных атрибутов дома, тех, что определяют его положение и отношения с соседями, т. е. «лица» и «спины», главного и дворового фасадов, «верха» и «низа». Дом-предмет старается быть «круглым», одинаковым и обозреваемым со всех сторон напоподобие стола или автомобиля. Отрыв дома от земли, попытка «вывесить» его на тонких, почти невидимых опорах, равно как и способность стоять только на лишенной рельефа, искусственно подготовленной горизонтальной поверхности призваны подтвердить физическую независимость «дома-вещи» от участка. «Предметоподобные» дома заимствуют у движимого, того что существует независимо от земли, того, что полностью производится на заводе, целый ряд свойств и особенностей. Это касается как типовых или повторно применяемых домов, столь популярных в России и выпускавшихся огромными тиражами, так и единичных изделий, напоминающих концепт-кары известных автопроизводителей. В отличие от автомобилей дом-предмет нуждается в особом ряде процедуре, в «инициации», именуемой «привязкой». Суть привязки в том, чтобы громоздкий и неповоротливый брикет разместить на теоретически единственном в своем роде участке, на месте, характер и неповторимость которого, как правило, игнорируются и приносятся в жертву интересам дома и его изготовителей.

Отличия движимого, принадлежащего дольней парадигме, от недвижимого, принадлежащего горнему, задаются почти на генетическом уровне, в момент «зачатия». Движимое во многом универсально, нейтрально и способно оказаться где угодно. Недвижимое еще до рождения обеспечено землей, участком, что предполагает уникальный результат и индивидуальный подход, работу на месте и по месту. Сколь бы неожиданными ни оказывались настроения заказчика и архитектора, недвижимое будет следовать «воле места», самым естественным образом воспроизводить родовые признаки Дома, делая сооружение «домоподобным», т. е. связанным с землей, с ее поверхностью и границами. След дома, пятно застройки, основание, цоколь, подземные уровни и даже силуэт или очертания кровли — все это возникает и формируется в процессе работы с местом, участком и землей. Место заведомо старше и ценней всего того, что может на нем возникнуть. Это конечный, несомненный, естественный и подлинный ресурс, в сравнении с которым и, тем более, в отсутствие которого, квартиры «на этажах» много не стоят. Самостоятельная цена и ценность объекта, если речь идет не о памятниках и шедеврах, неразрывно с землей связанных, несопоставима с ценой и ценностью мест, в первую очередь мест особых. Цена недвижимости — это цена места, которое вечно. Дольнему эти резоны не близки.

Тренд и контекст

«Фак контекст» — лозунг, который приводит В. Паперный в своей книге, — это лозунг хижин. «Гений места», «дух места» обитает во дворцах. Хижины стремятся к полной свободе от внешних обязательств, действуют исключительно в собственных интересах и существуют сами по себе. Судя по большинству книг, журналов и интернет-публикаций, нынешний мир состоит из отдельных домов. Мы почти не встречаем ни генпланов, ни ситуационных планов объектов, ни внятных описаний их окружения. Поклонникам типовых стандартных решений отличия участков вообще представляются ненужным и нежелательным обременением. Не менее враждебно настроены к контексту создатели тех зданий и сооружений, что

работают на «вау-эффект». Инициаторы башни Газпрома уверены, что место ей повсюду, а лучше в центре. Носителям «комплекса хижин», тем, кому ближе профанный шик, и тем, кто искренне полагает очищающую бедность великим благом, мир видится свободным от ограничений, нейтральным и изначально пустым. Эта пустота заполняется некими «единицами» или группами дискретных «единиц», в роли которых на равных выступают дома и открытые пространства, живущие и складывающиеся сами по себе. Эклектика и «фьюжн» — естественные особенности и признаки такого мира.

Главным интегратором, собирателем дольного становится время, на каждом отрезке которого обнаруживаются некие направления, тенденции или «тренды». Тренды существуют параллельно или сменяют друг друга, живут дольше или короче и отличаются разной мощностью, разным влиянием или силой, разной степенью агрессивности. Всякий тренд стремится к глобальному и продолжительному влиянию, но далеко не каждому тренду гарантирован успех.

Тренд всегда актуален, он питается и пропитан актуальностью, утрата актуальности означает для него гибель. Поддержание актуальности обеспечивается всеми доступными средствами, главным из которых является медийное присутствие. Подвижный, гибкий, меняющийся, постоянно обновляемый, динамичный мир трендов не знает пространственных границ. Глобализм, транснационализм и интернационализм — естественные и органичные признаки того, что порождается техникой, массовым товарным производством и тем художественным сознанием, которое испытывает острейшую тягу к «новому». Нетрудно заметить, что эти настроения делают «новое» не только реакцией на вызовы времени, не только решением реальных проблем, но и чем-то внепрактичным. Новое само провоцирует изменения, и если бы в нем не было нужды, в интересах «дольного» его следовало бы придумать.

Постоянные изменения и обновления набора окружающих нас предметов практически исключали и исключают достижение видимого, зримого единства, бывшего на протяжении столетий главной целью архитекторов и главной ценностью высокой архитектуры. Доиндустриальная эпоха не знала неограниченного импорта и экспорта архитектуры и вообще внеконтекстуальной архитектуры как таковой. Все, что строилось, в той или иной мере было привязано к месту и зависимо от места. Прямым следствием этой зависимости становится строго упорядоченное землепользование, незыблемость границ землевладений, бережное, подчеркнуто внимательное, заботливое отношение к земле, ее ухоженность и обустроенность. Крытые и открытые участки города в этом случае существуют не сами по себе, а тесно подогнаны, взаимоувязаны и взаимозависимы, причем открытые пространства, площади, улицы, сады, дворы и парки становятся предметом большей заботы и архитектора, и власти, чем окружающие дома. Четко и понятно организованные открытые пространства диктуют систему ограничений для зданий. Интересы целого здесь выше интересов каждого, обязанного следовать регламентам, стандартам и предписаниям. Совокупность такого рода ограничений, по сути, тождественна контексту, данному и конкретному. Эта совокупность инерционна, в идеале неизменна, безразлична ко времени и очень чувствительна к пространству. Именно пространство, текучее и непрерывное, отличное от дискретной формы, становится главным героем «горнего» и естественно преобразуется, расширяется до уровня всепоглощающего «культурного ландшафта». Дольнее безразлично к окружению, горнее обнаруживает повышенное внимание и обостренную чувствительность к тому, что вокруг. Дольнее готово бросить вызов предшествующему и сложившемуся. Горнее одержимо идеями сохранения, гармонии, мягкого, незаметного присутствия, ухода под землю или за старые стены. Предпринимаемые в этой парадигме радикальные шаги имеют главной целью собирательство и интеграцию разрозненного в интересах целого. Культурный ландшафт не имеет дыр и белых пятен, в нем нет пустых мест и участков без назначения, но есть то, что наполняет содержанием понятие «кон-

текст», что является собой характерное, специфичное и особенное, что в конечном счете принято отождествлять с идентичностью.

Контекст отчетливо распадается на два уровня — узкий, местный, локальный, в пределах которого преобладают конкретные сведения об участке и его ближайшем окружении, и широкий, объединяющий типические черты и особенности целого региона. Внутри как локального, так и регионального контекстов обнаруживается достаточно определенный физический компонент — видимые, фиксируемые локальные и региональные параметры — и менее определенный содержательный, который принято ассоциировать с «духом места»; наполненный самым разнообразным социально-культурным материалом от архетипических представлений общего характера до памяти о конкретных событиях, традициях, нормах и привычках. Следование контексту не сводится к сохранению памятников или исторической среды, что само по себе есть норма и не подлежит обсуждению. Идеалом, целью контекстуализма, может считаться не столько создание домов, сколько воссоздание или организация процесса воспроизводства высоких качеств городской ткани, достижение ее непрерывности, преемственности и предсказуемости. Подчинение контекстуальным ограничениям носит как добровольный, так и обязательный характер. Добровольное следование контексту справедливо считается признаком высокой профессиональной культуры, предполагающей предпроектный анализ и исследование места. Ограничения, требующие обязательного исполнения, разного рода регламенты и режимы — непремный атрибут всех организованных и охраняемых территорий, регионов и пространств, стремящихся активно защититься, уберечь себя от любых утрат. Предписания такого рода, опирающиеся на серьезную исследовательскую базу, покрывающие едва ли не всю территорию Евросоюза, существенно ограничивают произвол архитекторов, девелоперов и властей. Материал и цвет стен, уклон кровель, процент остекления и размер окон, не говоря о высоте, площади и кубатуре — вполне стандартные предписания, вводимые любым европейским регионом или городом, дорожающим своими ресурсами и своей репутацией. Американские порядки более либеральны и касаются, прежде всего, технико-экономических ограничений. И хотя достижение целостности, гармонии и единства их целью, как правило, не является, грубые и откровенно циничные действия не поддерживаются ввиду осознания опасности падения капитализации города и возможных сомнений в способности властей контролировать действия девелоперов и заботиться об общем благе.

Новый город старается жить и развиваться в тренде. Чем старше любой город, европейский или американский, тем ближе ему контекстуальный подход. Контекст не есть нечто незыблемое, постоянное, тем более — заведомо высокое и ценное. Депрессивные, неорганизованные, разрушающиеся и неопределенные ландшафты оказываются предметом забот чаще, чем места благополучные. Следование контексту в этом случае предполагает своего рода лечение, восстановление, раскрытие и развитие позитивного и устранение дурного и уродливого. И если заняться выяснением того, откуда берутся стоящие немалых денег «дома-пришельцы», дома невнятного происхождения, следы поведут в сторону трендов и в область профанного. Тренд не предполагает постоянного контроля, не замечает или прямо отвергает предшествующий порядок.

Если контекст чаще всего анонимен или имеет множество авторов, у тренда, как правило, обнаруживаются родители, лидеры, адепты и последователи. Тренд порождает очагов, в виде неких групп, школ или звезд, действующих одновременно, немного, и удержаться в этой роли длительное время удается единицам. Успех Ле Корбюзье в обозримом будущем едва ли удастся повторить. Архитектурные тренды хоть и более устойчивы, чем настроения в фэшн-дизайне, но живут не более нескольких лет. Однако главной неожиданностью становится генезис, происхождение тренда.

Все глобальные или интернациональные тренды и бренды, включая биг-мак, имеют сугубо местное происхождение. Архитектура локальных лидеров, ставших

звездами, полузвездами, тем более притцкеровскими лауреатами, переходит из одной парадигмы в другую. Открытия, сделанные «по месту», родившиеся в конкретных бюро, ателье и школах, утрачивают связи с местом и с поводом, их породившим, оказываются перемешанными и вброшенными в мировое пространство. Настроения, решения, рецепты и приемы, завоевывающие популярность, захватывающие или делящие лидерство, имеют региональные корни и региональные источники. Достаточно вспомнить о вдохновлявшем Ле Корбюзье средиземноморском самострое, об успехе бразильцев и японцев в 1960-е, голландцев и швейцарцев в «нулевые». Популярность эта не всегда понятна, труднообъяснима и плохо предсказуема. Единственное, что объединяет вдохновителей любого тренда, — это присутствие в «мировых медиа» и высочайший авторитет на родине. Российским архитекторам подобное в ближайшие годы не грозит.

Ощущение тренда, пребывание в тренде — вполне естественное состояние, нормальная потребность начинающего архитектора и формирующейся культуры. Зрелость обязывает быть самим собой во избежание приобретения синдрома «хронической провинциальности». Избавиться от этого помогает не столько выход из тренда, сколько погружение в контекст и обращение к собственной культуре.

Архитектурные и градостроительные практики, встречающиеся в нынешнем мире, можно условно поделить на «трендовые», «контекстуальные» и «гибридные». Европейцы в большинстве своем склонны следовать контексту, что на протяжении многих лет обеспечивает городам растущую привлекательность, успешную капитализацию и устойчивое развитие. В Америке, Китае и Эмиратах в силу разных обстоятельств более спокойно относятся к контексту и наследию. Здесь расположены к тренду и охотно доверяют судьбу городов тому, что приносит и предлагает время, тем более что многие из этих предложений рождаются в Америке и быстро адаптируются и Китаем, и Эмиратами.

Российская практика не принадлежит ни к тому, ни к другому типу. Не признавая себя Европой, мы не склонны сходным образом относиться к своему окружению, а консервативные ценности и характер экономики не сближают нас с теми, кто строит Шеньджен и Дубаи. Но главная опасность в том, что наш собственный путь, и законодательно, и на практике, до конца не выстроен. Судьба российского города уникальна. В течение прошлого столетия были последовательно приняты четыре так и не завершённые попытки полностью изменить его природу и разрушить складывавшийся контекст. Нынешний российский город, лишенный механизмов преемственности и уважительного отношения к трудам предшественников, страдающий от «недофинансирования» и одновременно не ценящий свой реальный потенциал, представляет собой удивительное и конфликтное смешение следов всех времен, включая агрессивное наследие последних десятилетий. Но если задаться вопросом, какой путь нам ближе — Шеньджена, Дубаи, Гонконга или европейских городов, с которыми мы вольно или невольно на протяжении последних столетий соотносим собственные города, ответ очевиден.

Крайняя запутанность и невнятность российского городского контекста, его ускользающий, трудноуловимый характер усложняют задачу достижения целостности, но не делают ее невыполнимой. Более того, восстановление городской ткани, «сшивание» кусков и фрагментов, преодоление пространственных и культурных конфликтов — прямая обязанность российских адептов горного, их долг и святая обязанность. И Запад здесь не поможет. Связанный множеством запретов и ограничений, энергичный и амбициозный западный архитектор часто склонен контекст недолюбливать или относиться к нему с подозрением, что подтверждают опрошенные В. Паперным персонажи. Вместе с тем для стран пребывания недоброжелатели контекста особой опасности не представляют. На их родине надежда на отмену или ослабление ограничений, как правило, тщетна, да к тому же объемы строящегося в так называемых развитых странах довольно стабильны. Все, что нужно, в основном построено и требует лишь качественного улучшения. Поэтому взоры архитектурных крестоносцев обращены на новые земли обетованные — Ки-

тай, Эмираты и, не в последнюю очередь, на Россию. Справедливости ради следует признать, что помимо чужих борцов с контекстом у нас достаточно своих собственных, и продолжение агрессии совместными усилиями носителей трендов, наших и иностранных, вполне ожидаемо.

Мода и стиль

Горнее и долнее говорят на своих особых языках, которые можно обозначить известными, но условными и широкими понятиями «стиль» и «мода», наполнив их необходимым содержанием. Содержание это, впрочем, не должно противоречить тому, что интуитивно угадывается сегодня в этих понятиях большинством. Традиционная, академическая история архитектуры, повествующая о высоком, — это история стилей, периодизация и классификация которых пока столь же безуспешна, сколь безуспешны попытки навести порядок во всемирной истории. Если на Китай и его соседей, на всю Центральную Америку, на Египет, Ассирию с Вавилоном, на Древнюю Грецию и Рим приходится по одному стилю, то в Европе за последние 500–600 лет обнаруживается с десяток больших стилей и множество малых. При этом ренессанс и барокко принадлежат в первую очередь Италии, классицизм и ампи́р сугубо французского происхождения, а рококо — явление германо-австрийское. При непредвзятом рассмотрении оказывается, что эти стили не столько сменяли друг друга, как пишут в учебниках, сколько являли собой относительно самостоятельные, концентрированные и вполне завершённые системы представлений о мире, сформированные в конкретных регионах.

Стили создаются не в процессе поточного производства с заданной программой; стиль как штучное изделие, рождаемое в муках и трудах определенной, имеющей четкую локализацию культурой, ее зримый и узнаваемый облик. Стили воспроизводятся и заимствуются, соревнуются и соперничают, переживают молодость, зрелость и увядание, каждый проходит через свою архаику, классику и барокко. Попеременное доминирование в общеевропейском пространстве одного из локальных стилей породило представление об их линейном движении, о соотношенности со временем или эпохой в большей степени, чем с местом рождения. Справедливость торжествует только тогда, когда речь в первую очередь заходит о французском или английском стилях, и лишь затем о стиле XV или XVI веков. Стиль охватывает весь предметный мир, рукотворный и природный. Стиль инерционен, долго складывается и бесследно не исчезает. Будучи отражением, аналогом картины мира, картины рая, стиль продолжает существовать, даже когда та или иная версия рая утрачивает актуальность.

Архитектурный стиль живет по своим правилам, наделяется читаемыми и узнаваемыми признаками, которые можно поделить на «первичные» и «вторичные». К первичным относится то, что фиксируется на разрезах, планах и взглядом «с птичьего полета». К вторичным признакам принадлежит нечто лежащее на поверхности, видимое с первого взгляда — фасад, стена, ее фрагменты, детали и декор. Появление и распад, зарождение и деградация стиля сопровождаются известной разделенностью первичных и вторичных признаков, демонстрацией орнаментом и декором независимости от тела здания, от основы и базы. Формулируя свои предпочтения, А. Лоодс попросту снимает весь декор с фасада благополучно-симметричного и вполне буржуазного австрийского дома, а новообращенные поклонники классики и ар-деко, напротив, наряжают каннелюрами и сандриками аскетичные интерьеры Центросоюза и клуба ЗИЛ.

Стиль — признак идентичности, атрибут зрелых, сильных, упорядоченных и устойчивых сообществ. Поэтому слабые и неуверенные в себе имитируют или заимствуют стили, а молодые и амбициозные стремятся во что бы то ни стало создать собственный стиль. Стили зарождаются на региональном уровне и чаще всего консервируются в этом состоянии. Успешные пробиваются на общенациональный уровень, меняясь, эволюционируя и обогащаясь за счет заимствований.

Самые успешные трансформируются и интегрируются в стили империй, каждая из которых полагала своей миссией распространение собственной картины мира: мы без труда угадываем английское, французское, русское или испанское присутствие в самых разных точках земного шара. С ослаблением и распадом империй уходят и стиль Наполеона III, и «русско-византийский» стиль, а на их останках вновь проступают следы национальных и региональных стилей, до того растворявшиеся в имперском котле. Накануне Первой мировой войны, тем более после ее окончания, Финляндия и Польша, Чехия и Венгрия старательно изобретают собственную национальную архитектуру. К ним присоединяются советские республики, каждая из которых в 1930–1950-е годы обзаводится своим собственным национальным стилем, правда, в системе общего для всех социалистического реализма.

Картины мира и сопутствующие им стили соотносятся не только «по вертикали» от региона к империи, но и «по горизонтали», ревниво подчеркивая особенности и не избегая заимствований. Ярмарками, смотринами стилей становятся популярные в течение почти ста лет (до конца XX века) всемирные выставки. Создание стилей, работа в стилях, имитация стилей, появление искусственных, «исторических» и «экзотических» стилей вроде неоготики, неопалладианства, мавританского, египетского и т. д. становится сопровождением «театра жизни», заменяющего, дублирующего, как убеждает Ю. Лотман, собственно жизнь с ее прагматизмом и обыденностью. Почти неразличимая грань отделяет декорации высокого и романтического театра от украшений низкого, профанного и бедного «площадного» действия, предельным, «нулевым» состоянием которых становится отсутствие украшений и отказ от декораций.

У дольней архитектуры, архитектуры хижин, нет и быть не может стиля. Только от полной безысходности могли возникнуть смысловые конструкции вроде «современного» стиля или «интернационального» стиля. К профанному, бытовому, обыденному, имеющему техническую генетику, понятие «стиля» приложено разве что метафорически, как некий комплимент, который мы адресуем понравившемуся лицу или вещи. Машины не делаются «в стиле» и не формируют стилей. «Хайтек» или «минимализм», которые принято считать или самостоятельными стилями, или вариациями «современного стиля», — есть на самом деле некие признаки, атрибуты, сущностные, имманентные черты технологичного продукта, вдобавок художественно завершенного и осмысленного.

Дольний предметный мир, включающий автомобили, одежду, посуду, интерьер обычной квартиры или офиса, стандартный дом и т. д. и т. п., регулируется не стилем, а модой. Мода не есть малый стиль, у нее иная природа. Активное вытеснение стильного модным породило ощущение конца истории стилей, которое, впрочем, не лишено оснований в связи с резко ограниченным спросом на «высокое». Мода — нечто производное от массового индустриального производства и мировой торговли, «дитя» мира техники, адаптированное миром культуры.

Стиль проходит через долгий инкубационный период и навсегда сохраняет память о месте происхождения. Мода с трудом вспоминает о месте своего рождения, ее происхождение обычно туманно, но время появления ее на свет фиксируется довольно четко. Мода быстро меняется и уходит или появляется вполне неожиданно. Если стиль ассоциируется с картиной мира, то мода напоминает моментальную фотографию. Если стиль создается усилиями элит и по их заказу, то мода эгалитарна. Мода — сопровождение обыденной жизни, одежда «на каждый день», которой, однако, не чуждо стремление «к высокому». Это публицистика и журналистика, которая мечтает о славе, достигающей большой литературе и академической науке. Мода избирательна и фрагментарна, сфера ее интересов быстро меняется. Модное всегда солирует, набор модных деталей, частей, приемов и аксессуаров не стремится к упорядоченности и гармонизации. Эклектика, винтаж, поэтика непреднамеренного, случайного и безграничного порождены модой. Мода — явление менее сложное, чем стиль, одноразовое и однослойное. Мода охотно воспитывается и поддерживается медиа, минуя сложные процеду-

ры осмысления, и распространяется в разных режимах, от прямого клонирования и воспроизведения образцов до импровизации на заданную тему.

Сила, энергия, мощь моды — производные от ее новизны, а собственно новизна есть или очевидное несходство со вчерашним, или то, что вообще отсутствовало. мода циклична, что лишний раз подчеркивает ее соотношенность со временем, т. е. она способна возвращаться. Правда, в ином, обновленном облики. Актуализированные «образы» 1960-х и 1980-х вполне востребованы в наши дни.

Дискретные, труднопредсказуемые, кажущиеся несистемными «брызги» и всплески моды, тем не менее, сливаются в общий поток, в мейнстрим, само название которого подчеркивает прямую связь со временем. Мейнстрим — своего рода ось, хребет тренда, вокруг которого складывается, отбирается и концентрируется все то, что принято считать глобальным, интернациональным и современным.

Архитектура и дизайн

Тезис о двух архитектурах не был бы убедителен без очевидных признаков существования двух типов архитектурных школ и двух типов архитекторов. Принципиальные, родовые отличия северного, германского, протестантского мира, охватывающего Америку, Британию, Германию, от мира южного, романского, центрами которого были и остаются Париж, Мадрид и Рим, вполне определенным образом сказались на судьбе профессии. Несмотря на интенсивный взаимобмен и обилие гибридных образований, общепризнанными и очевидными являются следующие констатации: северные, англо-германские школы принадлежат дольней парадигме, ориентированы на технику и прагматику; южные, латинские, романские тяготеют к горному и сакральному, а в их основе лежит скорее художественное, артистическое мировосприятие. Россия выглядит особым образом, демонстрируя одновременное присутствие двух типов школ и двух групп профессионалов. До революции таковыми являлись архитекторы-художники, заканчивавшие Академию художеств, и гражданские инженеры, выпускники технических училищ и школ. На фоне общего терминологического хаоса, наступившего после Революции, состояние проектного дела усложнилось и непримиримостью позиций в борьбе за архитектуру, и упорными, но тщетными попытками соединить «алгебру с гармонией». Как показали последующие события, неопределенность отношений между архитектором и инженером, между теми, кто проектировал парадные магистрали, набережные, Дворцы съездов, оперные театры и обкомы, и теми, кто чертил бараки и пятиэтажки, продолжила сохраняться и сохраняется по сей день. Сходная картина складывалась и в работе над вещами меньшего размера: торговыми автоматами, домашней и профессиональной бытовой техникой, машинами, поездами, самолетами и объектами «благоустройства» города и дома — осветительной арматурой, мебелью и интерьером. И если создатели дворцов и те, кто был занят благоустройством, уверенно называли себя архитекторами или архитекторами-художниками, то их коллеги, более тесно связанные с производством, но быстро забывшие о своих предшественниках — гражданских инженерах, — испытывали очевидные трудности с самоидентификацией. Предпринятые в СССР в 1960-х годах попытки назвать эту область деятельности «технической эстетикой», несмотря на известную оправданность термина, успеха не имели. Развязка наступила несколько позже и сопровождалась уступкой мощному внешнему влиянию. Сходство происходившего в советской технической эстетике с тем, что практиковалось в англоговорящем «северном» сообществе, привело в конечном счете к заимствованию термина «дизайн». Слово «дизайн», как и слово «архитектура», одновременно означающее проектирование, т. е. деятельность и проектное решение, в английском оригинале распространяется на все виды проектируемых объектов от зданий до предметов промышленного производства, ландшафта, интерьера и т. п. Эта широта, емкость понятия «дизайн» в английском вполне соответствует тому единству подходов к проектированию всех компонентов предметного мира, который сложился в пре-

делах дольней парадигмы, практической и прагматической. В англоговорящих сообществах отсутствует привычная для нас противопоставленность, разведенность архитектуры и дизайна. Сходным единством долгое время было отмечено отношение к проектированию и в романском мире, опиравшееся, правда, на иные представления. Многие архитекторы, а также создатели мебели или одежды склонны считать себя «артистами» и художниками, причем не менее уважаемыми, чем живописцы, скульпторы или авторы инсталляций. Усилиями людей подобного склада, к которым, например, принадлежит Ф. Старк, сохраняется пространство «художественного проектирования», или «арт-дизайна». Однако, несмотря на их усилия, романоговорящие не избежали влияния «севера». Слово «дизайн» здесь, как и в России, постепенно вошло в обиход, обозначив определенную часть отделенной от архитектуры проектной практики и ее результат.

Как и в романских языках, в русском слово «дизайн» закрепилось за тем, что по своей природе близко прагматичной версии, т. е. дизайном стали называть проектирование продуктов промышленного производства за исключением разве что панельного дома. Термин «дизайн» обрел в российской действительности полную самостоятельность и настолько утратил изначальный базовый смысл, что вошел в состав едва ли не самых нелепых конструкций современного языка вроде «дизайн-проект» или «дизайн архитектурной среды». Вне сферы влияния дизайна в России оказались те, кто по своему происхождению был ближе всего к создателям храма — театральные художники и художники музейной экспозиции. Между ними и дизайнерами сегодня располагаются разного рода декораторы и стилисты. Иными словами, область предметного проектирования, работа с малыми, подвижными объектами в сегодняшней России оказалась лучше и честнее организованной, чем работа с домами или недвижимой частью рукотворного мира.

Если наши сограждане, занятые проектированием и привязками типовых домов, по-прежнему склонны называться архитекторами и не видят больших отличий между проектированием пятиэтажек и оперных театров, то среди тех, для кого объектом внимания становится город, лет 10–20 назад стали обнаруживаться лица, готовые отказаться от высокого имени «градостроитель». «Отступники» чаще всего именуют себя урбанистами и относятся к городу как к большой машине, нуждающейся в наладке, или мощному компьютеру, требующему соответствующего программного обеспечения.

К этому времени сходное разделение уже состоялось в архитектурной науке, итогом чего явилась, с одной стороны, наука «высокая», занятая теорией и историей, а с другой — наука «низкая», прикладная, занимающаяся типологией, нормативами, стандартами и т. п. К последнему блоку примыкают предпроектные исследования с участием явившихся на свет самых неожиданных специалистов вроде маркетологов и риэлторов, системных аналитиков, экологов, транспортников и т. д. и т. п.

Если признать, что «над архитектурой», в области территориального планирования, планирования города; «под архитектурой», в области предметного мира и подвижных объектов, и рядом, в науке, парадигматическое разделение уже состоялось и всеми, по сути, признано, у архитектуры, занятой зданиями, выбора не остается. Это означает, что параллельно с архитектурным проектированием, обращенным к горному, возникает то, что проще всего, вслед за англоговорящими коллегами, назвать «архитектурным дизайном» — дизайном зданий и сооружений или просто дизайном.

Дизайн агрессивен и склонен к постоянному расширению и изменению сферы влияния. Захватывая все новые области, создавая все более современные типы объектов, он без сожаления расстается со старым грузом вроде кинотеатров или телефонных будок. Архитектура на этом фоне ведет себя довольно пассивно, ее основными и неизменными предметами по-прежнему являются Город и Дом, подобно картине, остающейся единственным предметом забот живописца. И вслед за живописцем, для которого все открытия происходят внутри холста, архитектор

способен постоянно открывать нечто неожиданное в прежних и неизменных пределах вечных целостностей, какими являются для него Город и Дом.

Архитектура и искусство не знают прогресса, но стремятся к совершенству, не поддающемуся ни измерениям, ни четкой идентификации. Лишь интуиция подсказывает нам, что неолитические дома и наскальная живопись не менее замечательны, чем их потомки. Прогресс волнует инженера и дизайнера, их удел — вечная, постоянная гонка, напоминающая спортивные состязания, в итоге которых определяются чемпионы и аутсайдеры. Самый модный, новый, самый «продвинутый», появившийся на свет самым последним, оказывается первым и лучшим.

Что бы ни делал архитектор, в глубинах или на поверхности его сознания более или менее отчетливо присутствуют некий метапроект, сверхцель или сверхзадача, заведомо опережающие, вбирающие и поглощающие конкретные задачи и решения. Сверхцель и сверхзадача становятся основой проектного синтеза, устойчивым стержнем работы и гарантией целостности результата. Природа архитектуры метафизична, следствием чего становится незащищенность по отношению к вымыслу, предрасположенность к утопиям, готовность следовать отвлеченным моделям и схемам. Здоровый прагматизм и трезвый расчет, часто вопреки декларациям, не стали, в частности, признаками советской архитектуры, всегда зараженной большой мечтой. В самые сложные периоды российской истории многие реальные задачи решались не архитекторами, а анонимными строителями «нахаловок» — одноэтажных и многоэтажных барачков, надстроек и пристроек из подсобного материала.

Архитектор остается таковым, пока ощущает себя принадлежащим фундаментальным, глубинным пластам культуры, через которые проходят самые устойчивые связи между прошлым и будущим. Если прагматичный подход дизайнера легко постижим, мотивы его действий просты и понятны, то сущность архитектуры менее ясна. Между тем именно природная, естественная метафизика архитектуры служит видимой и ощущаемой причиной единства рукотворного мира, золотым запасом культуры, ее «подушкой безопасности».

Работа дизайнера организована по принципу «вопрос-ответ», причем вопрос формируется заказчиком, и от качества вопроса зависит качество ответа. Ответ архитектора предшествует вопросу, опережает вопрос, даже если архитектор это не вполне осознает, даже если его задача скромна и практична. Ле Корбюзье, в котором временами просыпался интерес к «высокому», утверждал, что, проектируя фонтан или туалет, он видит их на фоне нового города с миллионом жителей. И ему следует верить. Это опережающее, предваряющее видение не следует путать с выводами и результатами предпроектных исследований, с изучением условий задачи, обстоятельств и ограничений или с «концептуальностью», оно «другое» и досталось от тех архитекторов и «праархитекторов», которые строили храмы, дворцы и города.

Архитектор, даже самый скромный или начинающий карьеру, ощущает себя человеком миссии, предназначенным для «высокого» и готовым ради этого на любые испытания. Потраченное время и обещанные деньги для него — нечто вторичное. Феноменальная, почти фанатичная преданность делу и бескорыстие — норма, воспитываемая еще в студенчестве. Итог миссии — создание произведения. Дом для архитектора всегда «больше, чем дом», это средство сделать мир раем, порой не советуясь с его обитателями.

Дизайнер — создатель продукта, и его участие имеет четкую цену, включаемую в цену товара. Дизайн призван быть аргументом в пользу товара. Степень ответственности дизайнера строго ограничена, четко оговорена, что вполне согласуется и с его представлениями, и с реальностью.

Именно сверхзадача сообщает архитектуре редкую устойчивость, своего рода иммунитет в отношении вызовов, порождаемых рынком и массовым производством, которого нет у дизайна. Отсутствие в СССР рынка и конкуренции, практически лишившее дизайн основ существования и базовых стимулов, не повлияло на

востребованность архитектуры, оставшейся в фокусе внимания власти и общества. Архитектура — любимое дитя и игрушка власти, тем более власти неограниченной, вроде той, что была у Сталина, Гитлера и Муссолини. Дизайн — любимец бизнеса и продвинутых предпринимателей. Если абсолютные монархи и великие диктаторы были главными архитекторами своих стран, то в роли главных дизайнеров выступают успешные предприниматели-инженеры вроде Г. Форда. В архитекторе «при власти» ценится способность изложить доступными только ему средствами и языком послание верхов, за что он награждался правом на имя и соавторство. В дизайнера ценится «клиентоориентированность», способность выполнить любой каприз, при этом часто оставаясь в тени больших имен, брендов компаний, известных марок и фирменных знаков. В уставах союзов, палат, орденов и камер, объединяющих архитекторов в самых разных странах, четко зафиксированы приоритеты профессии, в соответствии с которыми интересы общества выше интересов отдельных лиц, заказчиков и бизнеса. А поскольку принято считать, что интересы общества наилучшим образом обеспечиваются властью, архитектору комфортнее быть при власти. Дизайнеру привычнее быть при бизнесе.

Архитектурный и дизайнерский типы сознания предполагают разное отношение к делу, разные подходы и разные методики. Архитектура опирается на сложные, завершенные и целостные модели, принимающие чаще всего облик «идеального города», возникшего практически одновременно с профессией. Дизайн организован проще и сосредоточен на конкретном, «одноразовом» и фрагментарном. Именно фрагментарность, охотное признание границ приложения усилий и их результата — принципиальное отличие дизайна от архитектуры.

Массовая культура, а вслед за ней дизайн, учатся и многое заимствуют у элитарной культуры и архитектуры, включая стремление к формальному господству над всем человеческим окружением («тотальный дизайн»). Классика, точнее псевдоклассика, сегодня прочно утвердилась в коммерческом, профанном сегменте, и, напротив, массовое и популярное анализируется и адаптируется высоким сознанием и усилиями интеллектуалов вроде Р. Вентури.

Дизайн произрастает в т. ч. из самостроя и самоделок доиндустриального времени, из массовой культуры последующих времен, из продуктов малого, семейного бизнеса, из частных открытий, делающихся порой на бытовом уровне, «для себя», из увлечений и озарений конкретных людей. Дизайнером в известной степени может быть всякий, и этот всякий, занимаясь архитектурой или домом, неизбежно делает это с дизайнерских позиций.

Великие создатели современной архитектуры, включая Миса ван дер Роэ и Ле Корбюзье, были самоучками, не кончавшими школ, но создававшими школы. Вслед за ними в архитектурный дизайн, в дизайн потянулись люди из самых разных областей. Курсы, студии, факультативы, летние школы, дообучение, переобучение — самые распространенные пути в эту профессию. Не обремененный опытом, наивный, чистый, незамутненный взгляд, принадлежащий молодым и амбициозным; быстрая, неожиданная и точная реакция приобретают особое значение и практически отождествляются с наивысшей для дизайнера ценностью — «креативностью».

Архитектура — занятие мудрых и зрелых, рассудительных и неторопливых. Она требует серьезных знаний, непростых умений и полного погружения. Архитектура инерционна, зависима от огромного груза ранее содеянного и от бремени ответственности перед будущим. Архитектор — плод академического обучения, многоуровневого, комплексного и длящегося всю жизнь.

Любой представитель семьи дизайнеров, занятых в т. ч. зданиями и сооружениями, в процессе учебы и работы обречен на специализацию. Его успех напрямую связан с точным выбором предмета занятий и кругом заказчиков. Его преимущества — в doskonaльном знании конкретной темы — массового жилья, школы или больницы, их технологии, нормативной базы, отечественного и мирового опыта, условий строительства, эксплуатации и т. д. Расчеты и ссылки на ограничения сопровождают каждый его шаг и являются важнейшими аргументами в пользу ре-

шения. Архитектор, напротив, стремится сберечь способность к выполнению самой разной работы. Он — представитель уникальной профессии, которая упорно сохраняет синкретичный, собирательный, интегрирующий характер и всеми силами старается противостоять дроблению.

Техническое, инженерное совершенство продукта и услуги — прямое следствие специализации исполнителей. Мало того, что дизайнер сосредоточен на оболочке, упаковке и фасаде, он склонен работать с определенным видом изделий и с близким ему набором средств, материалов и технологий. Дизайнер — один из многих, причем далеко не главный участник большой команды, в которой каждый отвечает лишь за свою работу и имеет смутное представление о работе других. Кузов, двигатель и ходовая часть автомобиля живут относительно независимой жизнью, как фасады, инженерия и конструкции домов индустриального изготовления. Вклад дизайнера, работающего над формой, лицом, упаковкой или оболочкой, — не художественная доминанта, не художественный смысл, а художественный компонент. Этот род организации труда порождает особую фигуру — управляющего, чаще называемого менеджером, который, не являясь специалистом, инженером или дизайнером, не будучи инициатором создания продукта или автором его идеи, занят координацией и организацией процесса и трудится по найму, теоретически на тех же условиях, что и остальные члены команды. Эта схема, как правило, успешно работающая в окружающем мире, где менеджер является высоким профессионалом в своей области и уважает мнение других профессионалов, в России выглядит менее убедительно. Первое желание российского управленца сводится к подавлению и подчинению профессионала. Главными приемами повышения управляемости становится, во-первых, укрупнение в виде слияния и объединения разных по природе структур, во-вторых, разделение сложной задачи на множество простых. Вслед за превращением целого в сумму слагаемых, блоков, фрагментов, процедур и операций, работой менеджера становится движение по «дорожной карте», в процессе которого о цели движения не всегда вспоминают. Процесс становится важнее результата. Дизайн оказывается частью этого процесса, причем не обязательно востребованной. Ему нет места в условиях дефицита или отсутствия конкуренции. О дизайне вспоминают в связи с падением прибыли и продаж и необходимостью озаботиться темами сроков эксплуатации, цены обслуживания, комфорта и совершенства формы.

Идеальный архитектор — тот, который знает все и может спроектировать дом «до дверной ручки». Дизайнер обычно сосредоточен на дверной ручке и о доме не помышляет. Архитектор рожден быть главным в процессе, отвечать за все от начала до конца, и хранит это в своей генетической памяти. Архитектор — лидер, руководитель, капитан команды и одновременно генератор, носитель базовых идей. Он — родственник генеральных конструкторов самолетов и ракет, главных режиссеров театров и создателей научных школ. Дизайнеру достаточно одной генерирующей идеи, одной доминирующей черты, одного ярко выраженного, ведущего признака для того, чтобы состояться и ответить на вопрос. Простое, захватывающее воображение толкование, наподобие рекламного слогана, обычно именуемое «концепцией», — принципиальная черта дизайнера. Концептуальность для дизайнера — своего рода знак качества.

Архитектура несет груз ответственности за решение множества задач, и итог работы напрямую зависит от числа вопросов, на которые найдены точные, адекватные ответы. Архитектура предрасположена к достижению компромисса, к примирению несовпадающих требований и различных интересов. Ее идеал — гармония и сбалансированность.

Реакция на условия и требования, в сочетании с некой «сверхзадачей», делает процесс поиска похожим на движение по сужающемуся коридору. Для архитектора правильное решение бывает единственным. Архитектор неохотно признает саму возможность альтернативных решений, и, раз поверив в некую собственную или коллективную правду, например, в государственную доктрину, с трудом от-

казывается от убеждений. Реакции и методики дизайна прямо противоположны и напоминают игру с угадыванием. Нормой работы такого рода является выбор из множества сложно отличимых вариантов решения, которые выкладываются перед заказчиком как товар на рынке.

Архитектура одержима стремлением к правильной пространственной организации, к контролируемому порядку, к «ордеру», которому вовсе не обязательно обзаводиться колоннами и капителями. Создаваемые архитектором руины и «деконструкции», выдуманные им хаос и разрушение являют собой имитации и при творство, подтверждающие правило. Архитектуре естественней говорить «высоким слогом», в крайнем случае — быть нейтральной, сдержанной и выверенной, наподобие самой геометрии — прародительницы и воспитательницы архитектурного языка.

Архитектуре необходимо остроумие, но не свойственные и не доступны интонации, которыми владеет дизайн, склоняющийся не столько к сложным или зашифрованным посланиям, но к шутке, шалости, интриге, забаве, розыгрышу и игре.

Архитектура с самого рождения отличается нежной привязанностью к рисунку и рисованию. Нерисующий архитектор — некий нонсенс. Рисование встроено в процесс его обучения и в процесс проектирования. Архитектурный скетч имеет мало общего с рисованием пейзажей или изготовлением презентаций. Это рисунок-процесс, рисунок незавершенный и незавершаемый, рисунок для себя, не предназначенный для демонстрации, но содержащий нечто особо ценное — свернутое, концентрированное представление об объекте, его геном и зародыш. Рисунок — специфическая форма проектного сознания, делающая мысли пространственно предьявляемыми. Рисование — след и признак художественной природы архитектуры, ее принадлежности кругу занятий, целью которых становится создание уникального образа и особого рода переживаний.

У дизайна инженерные корни, и рисование здесь играет вспомогательную роль, поясняющую и комментирующую, роль «второго плана». Схема, чертеж, в сочетании с развернутым вербальным предьявлением, — очевидная альтернатива для «нерисующих» дизайнеров. Образцы, паттерны, знаки, пришедшие из массовой культуры, становятся важнейшими «точками опоры» дизайна. И если архитектор упорно мечтает о художественных открытиях, определяющих судьбу всего проекта, дизайнера и его заказчика вполне устраивают частичные улучшения и конкретные добавления, прививаемые сложившемуся изделию.

Ответить на вопрос о том, сколько в стране или в мире архитекторов и сколько дизайнеров, можно лишь после того, как будет понятна структура проектного рынка и то, какая его часть приходится на долю тех и других. В поисках ответа можно опираться на косвенные данные, здравый смысл и трезвую оценку происходящего. Для начала следует признать, что многое из того, что строится в мире и в России, строится без проектной документации или с применением эрзац-документов — типовых, сделанных кустарно, механически, по образцам, скачанным из Интернета. Это в той или иной степени узаконенный местными властями самострой, точнее, плод самодеятельности заказчика и строителя, искренне не понимающих, для чего нужен проект. Этой же категории «стихийного» дизайна принадлежит, в частности, едва ли не половина строящегося в нашей стране жилья, так называемая «малоэтажка». Сюда же следует отнести малые и средние, капитальные и временные, коммерческие и производственные объекты, возводимые на городских пустырях, на дорогах, за пределами городов и повсюду, где только возможно. И наконец, это огромные массивы реконструируемой и ремонтируемой «хозспособом» недвижимости, включая, в частности, объекты благоустройства и инженерной инфраструктуры. С этой областью самодеятельного, непрофессионального проектирования граничит область инженерного проектирования, в которой архитекторы и дизайнеры отсутствуют или заменены инженером на «законных» основаниях. В этой категории пребывают не только объекты технической инфраструктуры и промпредприятия, но и жилые и общественные здания,

например, возводимые по вполне официальным анонимным типовым и повторно применяемым проектам без серьезной адаптации. В сравнении с проектным рынком европейских стран, где без проекта, выполненного ответственным профессионалом, архитектором, дизайнером или землеустроителем, нельзя что-либо построить или изменить, российский рынок предельно заужен. Однако подлинная драма российского проектного рынка заключена в отсутствии реальной конкуренции, в первую очередь той, что предполагает объективную и взвешенную оценку качества решений. Если нет интереса к сильным и лучшим, на их место приходят слабые и худшие. При этом в России отсутствуют два основных инструмента, гарантирующие минимальный качественный уровень решений. Это обязательная квалификация исполнителей и строгая система зонирования и регламентов. Последствия очевидны — огромный массив строящегося обходится без профессионально выполненного проекта.

Привычно и спокойно архитектор и дизайнер чувствуют себя в том узком сегменте рынка, который формируется цивилизованными властями и ответственными предпринимателями. По самым оптимистичным оценкам, в этот сегмент российского рынка попадают немногие. Тем не менее в резко ограниченном поле, на котором работают российские архитекторы и дизайнеры, силы распределяются приблизительно так же, как и на обширных европейских проектных пространствах. Дизайнеров, как признающих, так и не признающих свою принадлежность к дизайну, становится заметно больше, чем архитекторов. Архитектура остается занятием элитарным и профессией немногих, в первую очередь тех, кто не может этим не заниматься. Дизайн — занятие, доступное если не каждому, то многим. Архитектура была и остается занятием исключительным, своего рода роскошью, без которой, однако, мир не полон.

Дом и город

В каждой парадигме складываются свои представления о доме и о городе. Типовая квартира в типовом доме, стандартный коттедж на стандартном участке, дома-вещи, дома-продукты, дома-машины для жилья, дома-склады, упаковки, блоки ячеек, одинаковые со всех сторон и безразличные к окружению, лишенные собственного лица, — версии и потомки «хижин», родственники общежитий, рабочих барачков и военных казарм. На другом полюсе, в высокой, горней парадигме возникает дом-крепость, дом индивидуальный, с собственным лицом и характером, явно и недвусмысленно заявляющий о своем присутствии, о предпочтениях и взглядах обитателей. Дома-крепости, дома-дворцы создаются хозяевами, дома-хижины независимо от цены безадресны и чаще представляют собой полуфабрикаты, допускающие или предполагающие последующую адаптацию.

Нынешние «хижины» — не более чем объекты недвижимости, лишенные эмоциональной окрашенности и культурной идентичности, строительный фаст-фуд, произведенный технологами, инженерами и дизайнерами. Сколь бы временным и часто сменяемым ни становилось место проживания, уважение к Дому, жажда обретения постоянного, полноценного, собственного дома, семейного очага будут питать другую версию жилища. Эта другая, фундаментальная версия, вбирающая и огромный предшествующий опыт многих поколений, и естественные настроения большинства ныне живущих, более сложна и отлична от «машин» не меньше, чем передаваемые по наследству тщательно хранимые семейные реликвии от товара из сувенирной лавки.

Воспитание внутри конкурирующих парадигм, под влиянием которых формируется облик дома, можно определить как «мироподобное» и «предметоподобное». Дом, напоминающий небольшой город, с «воротами» в роли главного входа, «внутренней улицей» в роли прохода или коридора, центральной комнатой, кажущейся «площадью», наконец, с отдельными комнатами или квартирами, по-разному обнаруживающими себя на фасаде, мироподобен, изоморфен чему-то

большему и вполне самодостаточен. Дом-емкость, дом-машина, дом-ячейка или сообщество ячеек неопределенных очертаний всегда оказывается частью чего-то большего и столь же неопределенного. Такой дом решительно порывает с масштабом, пропорциями, тектоникой, всем тем, что отличает высокую архитектуру, и упорно превращается в арт-объект, дизайн-объект, в большую вещь. Справедливо напомнить, что в горней парадигме предметный мир, включая одежду, интерьеры, мебель, суда и экипажи, всегда покорно следовал за большой архитектурой. Виртуозно выполненные макеты фасадов ренессансных соборов и церквей мало отличались от современных им шкафов и «кабинетов».

Жилище — едва ли не самый консервативный представитель «типологической линейки», типологического ряда строящихся зданий и сооружений. Мы с успехом обживаем дома, сделанные много лет тому назад, и обоснованно восхищаемся мудростью традиционного жилища от северной русской избы до марокканского риада. Разрушение этой культуры было по праву расценено большевиками как одно из главных условий формирования «нового» человека. Реальным итогом семидесятилетних усилий стали одинаковые квартиры и система ЖКХ, поставившие этого нового человека в полную зависимость от государства. В наши дни зависимость от государства сменилась зависимостью от бизнеса, захватившего как строительный комплекс, так и управляющие эксплуатирующие организации. Сложившийся сегодня в России «рынок продавца» мало изменил характер массового жилья, однако очевидно воспрепятствовал возрождению культуры собственного дома и частной жизни, которая не имеет прямой связи с ценой квадратных метров. Дело вовсе не в забвении или откате от тех несомненных достижений и открытий в области массового жилья, которыми мы обязаны героям архитектуры начала XX века. Массовое стандартное жилье было и будет востребовано теми, кто начинает жизнь и строит карьеру, теми, кто предпочитает дом гостинице и путешествия жизни на одном месте. Речь о восстановлении прерванной в 1917 году линии развития российского семейного дома — своего рода основы общенационального здоровья. К категории частного семейного дома можно отнести едва ли не половину того жилья, что строится в современной России. Эти объемы огромны и вполне отражают настроения и выбор тех, кого не устраивает больше панельная версия. Главной же проблемой становится отсутствие у профессионалов, власти и общества внятных, стабильных оснований и устойчивых представлений, способных породить нечто сопоставимое по своим достоинствам и законченности с революционным жильем и нынешними зарубежными аналогами.

Сходным образом выглядит состояние современного, в т. ч. российского, города, также ставшего местом встречи и предметом соперничества двух парадигм. В перечень немногих достижений современного градостроительства можно включить разве что малоэтажные микрорайоны первого поколения, возникшие в СССР, Скандинавии или Великобритании. Куда менее успешными оказались последующие опыты по созданию новых городов, спальных районов, массивов многоэтажного социального жилья на Западе и на Востоке, ставших средоточием гораздо более серьезных и труднее разрешаемых проблем, чем увядающие деревни и малые города. Именно градостроительные итоги XX века куда менее привлекательны, чем итоги предшествующего XIX столетия, кажущегося сегодня временем самых крупных открытий и достижений, включая метро и независимые от улиц железнодорожные магистрали, связывающие город и с регионами, и с вполне комфортабельными пригородными поселками. Наиболее продуктивные и привлекательные, выдержавшие проверку временем градостроительные акции XX века вроде восстановления разрушенных войной российских городов или создания района Тель-Авива, именуемого Белым городом, выполнены по рецептам высокого градостроительства XIX столетия. Двадцатому веку оставалось лишь добавить внеуличную сеть автомагистралей, позволивших застроить пригород и сформировать огромные урбанизированные территории, именуемые агломерациями.

Если сопоставить российский город столетней давности с городом наших дней, то непредвзятому, независимому наблюдателю с «чистой головой» должно показаться, что это не просто разные города, но города, принадлежащие разным народам, носителям разных культур. Несходство старых и новых городов, равно как и старых и новых частей одного города, — явление распространенное. Но если контраст между старым и новым Дели, между туземной и европейской частями Феса и Марракеша вполне объяснимы, то различия Москвы в пределах Камер-Коллежского вала и Москвы вдоль МКАД могут показаться особым случаем коллективной шизофрении. Между тем это состояние является нормой, подтвержденной и действующими правилами и самой практикой. В каждой из частей, исторической и современной, имеющей твердые границы, — свои законы, присутствуют своя власть и свои специалисты. В исторической части властвуют органы охраны, подчиняющиеся Министерству культуры, здесь действуют режимы и регламенты, запрещающие всякое новое строительство. Работать в этих зонах могут лишь квалифицированные Министерством культуры реставраторы. В новых районах, за пределами исторического города, власть принадлежит строителям. Внятные регламенты, судя по результатам их деятельности, здесь отсутствуют, как отсутствуют какие-либо ограничения в отношении лиц, допускаемых к работе на этих территориях. Исторический город для туристов и экскурсантов, современный для жителей — приблизительно так выглядит нынешний компромисс. Идея полной сегрегации, разведенности и противопоставленности памятников и «не памятников», рожденная модернистским сознанием адептов «современной» архитектуры, возникшая в дольней парадигме, парадоксальным образом совпала с настроениями и интересами охранителей. Озабоченность судьбой отдельного памятника воспрепятствовала осознанию реальной ценности типа среды, сформировавшейся в историческом городе. Историческая среда не расценивается как нечто благоприятное и воспроизводимое, а строящийся современный город не сделал ни малейшей попытки обрести черты города исторического, т. е. вернуться в естественное состояние, вновь войти в тот процесс, что был насильственно прерван в 1956 году хрущевским постановлением «об излишествах». Охранители и их антиподы по-прежнему озабочены судьбой отдельного дома, старого или нового, но не судьбой города, не связью между домами, не связанностью старой и новой ткани и целостностью городского контекста.

Интеллектуальные причины удивительного хаоса, в который периодически погружаются в т. ч. российские города, обнаруживаются в конце XIX столетия. Состояние европейского города и деятельность архитекторов-планировщиков подвергаются агрессивной критике со стороны людей далеких от архитектуры или не обремененных академическим воспитанием. Усилиями Э. Говарда, А. Сориани-Мата, Ле Корбюзье, Н. Милютина и других возникают «дольные» концепции города-сада, линейного города, города небоскребов, бескрайнего города одноэтажных домов и города — трудового лагеря.

Следующая волна «альтернативного градостроительства» накатилась столетие спустя, в конце XX века, и принесла с собой как новых «знахарей и гадалок», рекомендуемых быстродействующие средства вроде «открытых пространств» и велодорожек, так и людей более осведомленных, именующихся урбанистами, градоуправителями, градооведами и т. д. Несмотря на очевидное несходство новаций 1920–1960-х годов и новейших урбанистических настроений, у них общий враг и оппонент — традиционное градостроительство. Зонами столкновений горного и дольного были и остаются генплан и его заменители.

Генеральный план и сопутствующие документы вроде правил землепользования и застройки (ПЗЗ) теоретически не терпят неопределенности и недосказанности, поскольку работают с физической реальностью. Эти инструменты созданы архитектором-градостроителем, планировщиком, и используются при осуществлении необходимых структурных изменений. Инструменты управления городом, предпочитающие регулирование и оптимизацию и уместные в практике благополучных городов, работают с цифрами и словами.

Специальность генпланов — большие проекты и программы, решительные преобразования и гигантские сооружения вроде московского Дворца Советов, президентских проектов Парижа, самых высоких небоскребов, самых протяженных дорог и мостов. «Малые дела» — точечные акции, простые действия, прямые шаги и «движение снизу вверх» имеют особую, другую, «дольнюю» природу. Благоустройство улиц и скверов, информация о пробках на дорогах и аренда велосипедов — примеры популярных акций, не нуждающихся в генплане. Масштабные, долгосрочные планы — это в первую очередь дело власти, обязанной быть выдержанной и терпеливой. Стремление к скорейшему результату и немедленной прибыли — отличие бизнеса, всячески старающегося заразить власть своими настроениями и перетащить на свою сторону. Между большим и длительным с одной стороны, малым и немедленным с другой — не количественная разница. От советского состояния, когда государства и власти в городе было слишком много, а бизнеса не было вовсе, мы перешли к состоянию противоположному, когда судьба города во многом оказалась подчинена интересам бизнеса. Прямым следствием этого становится хроническое отставание инфраструктуры, требующей долгосрочных действий, больших денег и постоянной заботы.

Разные подходы, один из которых строится на внимании к домам, а другой сосредоточен на связях между домами, порождают разные морфологии, разные типы городской ткани. В одном случае мы сталкиваемся с непрерывностью и подогнанностью зданий, земельных участков и коммуникаций, в другом — с решительной независимостью компонентов, неясностью ролей и связей друг с другом. Именно нескоординированность составляющих привела к возникновению в России своего рода официального самостроя, хаотической застройки, парадоксальным образом сочетающейся с жесточайшими нормативными ограничениями. Разрушение системы привычных и понятных пространственных ориентиров, смещение главного и второстепенного сделали неизбежным обращение к искусственным инструментам ориентации и поиска вроде навигационных систем.

Это состояние сложилось не стихийно, но стало итогом упорной и успешной борьбы адептов альтернативного градостроительства и новой архитектуры с ансамблем. Именно ансамбль, предполагающий строгую согласованность и иерархию открытых и закрытых пространств, представлялся очевидным анахронизмом и чуть ли не атрибутом тирании. Взгляды такого рода, возможно, сложились в процессе формирования личности отцов современной архитектуры, начинавших свою карьеру с проектирования вилл и отдельных зданий, самоценность и самостоятельность которых они интуитивно стремились сохранить внутри изобретаемых ими городов. Концепции города для Ле Корбюзье, А. Аалто и Ф.-Л. Райта были чем-то вроде весомого аргумента в пользу тех домов, которые они построили или собирались строить. Много лет назад историк и теоретик градостроительства, защитник архитектурного ансамбля А. Бунин на лекциях в Московском архитектурном институте мягко утверждал, что Ле Корбюзье — слабый градостроитель и доверять ему не следует. Тем не менее студенты упорно А. Бунину не верили. Вокруг строились «черемушки» и царили иные настроения. Нам, слушавшим его студентам, понадобилось не менее полувека — много больше, чем европейцам, чтобы убедиться в том, что прав был А. Бунин, а созданные по модернистским рецептам спальные районы и «моногорода» — средоточие самых болезненных социальных и технических проблем. Невинность ансамбля и абсурдность обвинений в его адрес не должны вызывать сомнений, равно как и беспочвенность обвинения в политической окрашенности принципов «свободной планировки», ставшей антитезой ансамбля. Если ансамбль объединил архитектуру и градостроительство, гарантируя непрерывность и связанность дома и города, то свободная планировка установила жесткую грань между отдельным домом и сообществом, группой домов, возложив ответственность за дома и планировочные решения на разных специалистов и разные документы. Ансамбль стремится к упорядоченности и порядку, причем порядку видимому. Ансамбль стремится к завершенности, законченности на

каждом этапе формирования, которое может продолжаться до бесконечности, даже если ансамбль объявляется памятником. По сути, ансамбль есть предельное состояние, высшая форма контекстуальности. Вопреки популярному мнению, что в роли ансамбля может выступать лишь семейство крупных общественных зданий, таковым, по сути, является любое, большое и малое, открытое публичное пространство, организованное домами, т. е. улица, площадь, бульвар, сквер, которые, объединяясь, разворачиваясь от центра, в идеале охватывают все пространство города.

Ансамбль и упорядоченность не тождественны симметрии, регулярности или размещению домов под прямыми углами и прокладке дорог по прямым линиям. Эти признаки в равной мере могут быть отнесены и к свободной планировке, главные черты которой — пространственная незавершенность, открытость, разомкнутость и независимость компонентов. Очевидным следствием этого стало возникновение и обострение проблемы «открытых пространств», остающихся между домами пустот и разрывов, которым трудно придумать и имя, и оправдание. Решение этой проблемы, порожденной дольными представлениями, следует, по-видимому, связать с обращением к иной, горней парадигме.

Важнейшее, принципиальное и главное отличие освоенного, организованного культурного ландшафта заключено в наполненности значениями и смыслами. Пространственную ткань города, совокупность его клеток и каркаса сопровождает ткань смыслов — смысловой каркас и смысловое районирование. Центр и окраины, главная площадь и главная улица, городские ворота, городской сад, водоем и фонтан, храм, рынок, кладбище, вокзал — непеременные атрибуты мира, без которых он оказывается непонятным и неполноценным. Переименование улиц, снос стен, памятников, кладбищ и храмов, ликвидация границ, блокада улиц — акты по своей сути далеко не технические. Более того, изменение или забвение смыслов часто представляется действиями более радикальными, чем физическое устранение их носителей. И напротив, привнесение смыслов, раскрытие смыслов существующих, скрытых или забытых вполне способно возродить, вернуть жизнь, доверие и уважение деградирующим городским пространствам, определить поведение, ощущения и переживания.

Дольный взгляд смыслов почти не различает и к смыслам равнодушен. Основной практический подход, практической альтернативы является функция и ее ипостаси, целенаправленное действие, сценарий или процесс. Этим процессам и действиям показаны сходство и унификация, они закрепляются, фиксируются некими устойчивыми функциональными единицами, моделями и образцами вроде одинаковых типовых квартир, домов и районов. Существующие в этой парадигме немногие значения, как правило, носят искусственный, заимствованный характер и мало связаны с контекстом, а их бытию, как правило, сопутствует появление альтернативных, неофициальных параллельных смыслов и значений, создаваемых народом и принадлежащих городскому фольклору.

Город, возникающий в системе высоких академических представлений, питаемый традицией и уважением к естеству, многофункционален в целом и складывается из многофункциональных клеток и частей. Части изоморфны целому, а в роли главных частей такого города выступают градоподобные, относительно завершенные, во многом самостоятельные, наделенные своим, неповторимым характером районы.

Разнообразие — неотъемлемая черта города, состоящего из непохожих, но внутренне однородных районов, отличающихся взаимосвязанными характеристиками — плотностью и морфологией. Этот город «холмоподобен». Его центр высок и плотно заполнен, к краям застройка редет, а ее высота снижается. Антиподом такого города становится моногород, монофункциональный, делящийся на однофункциональные зоны, которые в свою очередь делятся на все более простые элементы. Эти города, возникающие с середины прошлого столетия, принципиально однообразны, не меняются от центра к периферии и не расположены к морфологическим различиям.

Каждая из парадигм реализует свою стратегию формирования города. И если одни настаивают на преемственности и реконструкции существующей ткани, ее развитии и перерождении, на сохранении наследия, то другие предпочитают новый город на старом или на новом месте. Город, строящий планы на будущее, опираясь на прошлое, и город, возникающий мгновенно из небытия, — разные города, парадоксальным образом существующие в одно время и на одной земле. Реконструкция, ревитализация имеют в своей основе сохранение — ценой поддержания и адаптации — существующей ткани города к меняющимся условиям. «Новый» город носит временный характер, не способен стареть и реконструироваться. В теории его положено снести, ликвидировать и заменить еще более новым. Поскольку нечто подобное часто бессмысленно или невозможно, стагнация новых городов и районов почти неминуема, что придает особую ценность любым продуктивным попыткам их переосмысления и переустройства. Стратегия нового строительства и стратегия реконструкции, тем не менее, из конкурентов вполне способны превращаться в партнеров, сотрудничающих в пределах одного города или агломерации и делящих ответственность за сложившиеся центральные районы и развивающиеся пригороды с окраинами.

Список литературы

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. М.: Стройиздат, 1979.
- Хан-Магомедов С.О. Константин Мельников. М.: Стройиздат, 1990.
- Anderson S. Nikolaus Pevsner, The Sources of Modern Architecture and Design. London: Thames & Hudson, 1968.
- Arnheim R. The dynamics of architectural form: Based on the 1975 Mary Duke Biddle lectures at the Cooper Union. Univ of California Press, 1977.
- Banham R. The New Brutalism. Architectural Press, 1966.
- Cohen J.L., Hylton K. Le Corbusier and the Mystique of the USSR: Theories and Projects for Moscow, 1928–1936. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992. pp. 160–163.
- Jencks C. Post-Modernism, The New Classicism in Art and Architecture, 1987.
- Kenneth F. Modern Architecture: a Critical History. London: Thames & Hudson, 1992.
- Koetter F. On Robert Venturi, Denise Scott Brown and Steven Izenour's Learning from Las Vegas. Harvard University, Department of Architecture, 1978.
- Tzonis A., Lefaivre L. Classical architecture: The poetics of order. Cambridge: MIT Press, 1986.

РЕЦЕНЗИЯ

А. ВЫСОКОВСКИЙ в 3 томах.

Т 1. Theory / Александр Аркадьевич Высоковский. — М.: Grey Matter, 2015. — 432 с.

Т 2. Practice / Александр Аркадьевич Высоковский. — М.: Grey Matter, 2015. — 400 с.

Т3. Public / Александр Аркадьевич Высоковский. — М.: Grey Matter, 2015. — 352 с.

Трехтомник Александра Аркадьевича Высоковского, основателя и первого декана Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, выдающегося эксперта в области градостроительства, городской среды и правового зонирования, включает статьи, интервью и курс лекций по теории пространственного развития. Книги создают целостное представление о развитии урбанистики, о технологиях проектирования, исследованиях в городах и мнениях горожан.

В первом томе собраны статьи, посвященные вопросам философии и культуры города, принципам организации городской среды и городским реформам, которые дают возможность изнутри увидеть и почувствовать процесс становления городских исследований, разработок и реформ в России.

Начинает первый том серия интервью с людьми, которые инициировали и помогли состояться Высшей школе урбанистики: ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов, научный руководитель ВШЭ Евгений Григорьевич Ясин, президент Фонда «Институт экономики города» Надежда Косарева, директор Института экономики транспорта и транспортной политики Михаил Блинкин, новый декан Высшей школы урбанистики Алексей Новиков.

Философское осмысление ценностных оснований городской жизни на основе экстрасенсорного восприятия и трехуровневой концепции сознания соседствует с абсолютными практическими советами по сохранению малых улиц и переулков для решения транспортных проблем. Так экологически корректное сохранение плотной исторической сетки улиц и разнообразное использование среды центра противопоставляется автором распространенному в Москве опыту расширения магистралей и перегрузки центра монофункциональными зданиями — офисами. Вполне конкретны предложения по реконструкции и развитию среды музеев и полифункциональных культурных центров, публичных пространств и парков.

Чрезвычайно важно, что за текстом, схемами, картами, фотографиями, таблицами стоят многостраничные исследования, программы и стратегии развития городов. А. А. Высоковский — автор широко известной неравномерно районированной модели города, дифференцирующей среду города в зависимости от интенсивности использования пространства. В книге обсуждается вопрос о предмете средовых исследований и главное свойство среды — ее медиумичность, т. е. способность ощущать пространство помимо зрения. У человека обнаружена чувствительность к окружению, формирующая ауру и заставляющая человека регулировать дистанции от чужих, посторонних и опасных людей и предметов. Напротив, существует закономерность, по которой близкие и знакомые люди субъективно воспринимаются на более близком расстоянии. Особый интерес вызывает исследование москвичей, согласно которому некоторые из них современниками считают Пушкина, Гоголя и Суворова. Так история повышает престиж места, способствуя его капитализации.

Александр Аркадьевич вводит понятия двойного видения при выстраивании отношений со средой, когда реальный и метафизически воспринятый миры су-

шествуют параллельно. Такой подход, близкий к ситуационистскому подходу Ги Дебора, делает продуктивным рассмотрение города как театрального зрелища. Статья повествует о семи сюжетах: имени, происхождении, определении, пространственности, точке отсчета, компенсаторной механике и конце города. Надо сказать, что если тема рождения города пользуется популярностью (особенно ценной была работа В. Долгого и А. Левинсона, опубликованная в 1971 году в «Вопросах философии»), то тема смерти города и городской цивилизации пугает и блокирует мышление. В то же время на постсоветском пространстве гибель городов стала весьма актуальной темой: в Центральной Азии, на Севере мы имеем дело с большим числом оставленных городов. К сожалению, опыт восстановления жизненных сил городов и поселений у нас незначителен.

Второй том посвящен реформе градостроительства в России, концепциям развития Москвы. В нем представлены стратегии городов, результаты исследований и проектные разработки, а также включены лекции, которые были прочитаны в России, Италии и США.

Глубокое проникновение в судьбу и историю города, междисциплинарные исследования, опора на современные теоретические концепции в области городского планирования делают этот том насыщенным конкретными практиками, новыми градостроительными решениями и проектами. Среда жизни людей является наиболее адекватным индикатором их культуры и в то же время каналом, по которому на эту культуру можно воздействовать. Разработанные автором программы развития городской культуры формировали жизнестроительный стержень (направление стратегического развития), например, торгового центра (Кимры), гостевую рекреацию (Старая Русса) или медицинский центр (Мирный), велосипедные дорожки (Калуга). Во всех случаях удалось изменить культуру муниципального управления и создать инициативные группы местного сообщества. Ясно, что развитие города состоит в организации и поддержке развивающих сред (проектных групп, агентств развития и фондов поддержки местного сообщества).

Третий том включает статьи и лекции по теории пространственного развития, которые читал на магистерской программе в Высшей школе урбанистики НИУ ВШЭ Александр Аркадьевич Высоковский.

Здесь собраны статьи, посвященные развитию урбанистики, вопросам становления парадигмы новой профессии, взаимодействию города и университета. Кроме научных статей самого А. А. Высоковского в книгу вошли интервью преподавателей Высшей школы урбанистики, выпускников, воспоминания друзей и коллег, которые позволяют понять напряженную жизнь современного университета, его взаимодействие с городом, с местным сообществом, увидеть процесс создания новых образовательных программ.

Издание предназначено не только для профессионалов — урбанистов и архитекторов, историков архитектуры и градостроительства, дизайнеров и психологов среды, социологов и культурологов. Оно также полезно для тех, кто имеет вкус к познанию городов.

*И. В. Абанкина,
директор Института развития
образования НИУ ВШЭ*

*Н. Е. Прянишников,
архитектор, руководитель программы
«Культурный менеджмент» МВШСЭН
(Шанинка)*

Авторам

Журнал «Городские исследования и практики//Urban Studies and Practices» (ISSN в процессе получения) — это научный рецензируемый журнал, выпускаемый Высшей школой урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ.

Журнал «Городские исследования и практики» является площадкой, на которой исследователи, научные сотрудники, практикующие специалисты и студенты могут обмениваться опытом и знаниями с помощью эмпирических и теоретических исследовательских статей, описаний кейсов, проектов, обзоров академической литературы и рецензий на книги и монографии.

Журнал предоставляет возможность найти общий язык профессионалам, разрабатывающим городские проекты в изменчивой и совершенно непредсказуемой среде. В силу того, что современный город из жестко распланированной машины для работы и жилья превращается в текучую спонтанную среду, нас особенно интересуют исследования в области адаптивного города, гибких систем управления и анализа спонтанных городских данных.

В нашем журнале выходят статьи специалистов из различных областей, посвященных городской тематике: городские исследования, городское планирование, городской транспорт, городская экономика, социология, антропология, география, экистика, городское искусство, архитектура и дизайн.

Одной из основных задач нашего журнала является раскрытие и представление постсоциалистической и переходной городской реальности (от Южной Азии и Африки к России и СНГ и далее до Восточной Европы и Латинской Америки) мировому сообществу городских исследователей и практикующих специалистов. Исследования, сосредоточенные на изучении регионов, крайне приветствуются редакционным коллективом.

Журнал распространяется по России и другим странам СНГ, доступен по подписке (каталог «РОСПЕЧАТЬ») в печатном виде, а также в электронном виде в свободном доступе. Периодичность издания — раз в квартал.

Журнал «Городские исследования и практики» находится в процессе вхождения в международные базы данных Scopus и Web of Science.

Дизайн журнала позволяет задействовать самые разнообразные средства презентации материалов: тексты, формулы, графики, карты, фотографии и прочее.

К публикации принимаются оригинальные, ранее не опубликованные, рукописи на русском и английском языках.

Частью публикационной этики журнала являются следующие требования:

отказ от плагиата;

гарантия того, что исследование проводилось в соответствии с нормами профессиональной этики;

указание всех лиц, принявших участие в проведении исследования и подготовке отчетных материалов;

для авторов, предлагающих к публикации прикладные исследования, обязательным является четкое и полное описание теоретических и методических и методологических основ исследования.

Требования к публикациям:

объем статьи до 60 тыс. знаков;

оформление постраничных сносок,

библиографии по APA style (American Psychological Association);

название статьи, ФИО и сведения об авторе,

включая контактные данные, на русском и английском языках;

аннотация на английском языке (100–300 слов);

ключевые слова (не более 7 наименований);

визуальные материалы

в максимальном качестве

(одним архивом .zip или .rar);

формулы в формате Mathtype,

доступные через MS Office.

Журнал «Городские исследования и практики» приглашает вас к сотрудничеству.

Свои материалы с пометкой «Статья для USP»

в теме письма присылайте на почту:

usp_editorial@hse.ru

Call for Papers

Journal of Urban Studies and Practices (ISSN will be received by journal soon) is a high quality open access peer reviewed research journal that is published by Graduate School of Urbanism. Urban Studies and Practices provides a platform for the researchers, academicians, professionals, practitioners and students to share knowledge and expertise in the form of high quality empirical and theoretical research papers, case studies, project descriptions, academic literature reviews and book reviews.

The Journal publishes quarterly in both print and online version. Languages: English and Russian.

Urban Studies and Practices will be indexed after the third issue of the journal published. Moreover the journal is under the indexing process with Scopus, Web of Science.

Urban Studies and Practices publishes research papers in the field of urban studies, urban planning, urban transportation, urban economics and sociology, anthropology, urban geography, ekistics, urban art, architecture and urban design.

The purpose of the journal is to create a common language among various professionals dealing with urban issues in the current fluid and highly unpredictable environment. As travel-to-work machine type of urban space keeps gradually yielding to spontaneous urban milieu we especially welcome the contributions focused on urban adaptability, flexible governance and exploration of spontaneous urban data.

In addition to it one of the Urban Studies and Practices's missions is to uncover and present post-socialist and transitional urban realm (from South Asia and Africa through Russia CIS to Eastern Europe and Latin America) to the world community of urban researchers and practitioners. Region-specific studies are highly appreciated by the editorial team.

The design of the journal is tailored to accommodate various publication formats: plain text, formulas, graphs, maps, photos, etc.

Submission of original paper, which was not published earlier, refusal from plagiarism, insurance that the research was conducted with the rules of professional ethics, mention of all participants of the research and publication, transparent and complete description of theoretical and methodological foundations of applied study, if publication is based on one, are the basic positions of the journal's Publishing policy.

Requirements to the articles:

- Research paper is original and unpublished
- APA style citation
- Paginal footnotes
- Paper title, author(s) name(s), email(s), and affiliation(s) (in English)
- Abstract (in English, under 300 words)
- Key words (in English, under 7 words)
- Visual materials (high quality, file .zip or .rar)
- Formulas in Mathtype format opening in MS Office

Urban Studies and Practices is inviting papers to cooperation.
Send your manuscript to the editor at usp_editorial@hse.ru

Дизайн и верстка В. П. Коршунов
Корректор О. А. Окунева

Подписано в печать 20.12.2015.
Формат 60×90 ¹/₈. Печ. л. 8,5.
Тираж Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6